

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2024

№ 1 (89)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2024

Astrakhan Tatishchev State University
2024

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2024
№ 1 (89)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Файзиева Г. В., д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editorial Board

Z. R. Agleeva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
N. F. Alefirenko, D. Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Galichkina, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, D. Sc. (Philology), Professor, Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, D. Sc. (Philology), Professor, Tatishchev Astrakhan State University;
S. A. Kibalnik, D. Sc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitanina, D. Sc. (Philology), Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
I. P. Lysakova, D. Sc. (Philology), Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, D. Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, D. Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный
университет имени В. Н. Татищева,
2024

© Скоблев В. Д., оформление обложки,
2024

© Astrakhan Tatishchev State University,
2024

© Skoblev V. D., cover design, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Х. А. Ф. Альмухаммадага, Н. Ю. Фанян Национально-культурная специфика фразеологизмов с анимализмом «собака» в русском, французском и арабском языках.....	5
И. В. Архипова Фазисно-детерминированный таксис и его актуализация в современном немецком языке.....	12
С. А. Басел, Л. Ю. Буянова Репрезентация понятия «дружба» в английской и русской лингвокультурах: сравнительно-аксиологический аспект.....	17
Ю. Е. Беспалова, З. К. Тастемирова, М. В. Волкова Корпусный анализ перефразирования в научном дискурсе: закономерности, стратегии и последствия для улучшения письма и общения в академических текстах.....	23
А. В. Бутова, Е. А. Сапон Особенности становления антропонимикона немецкого языка.....	30
М. В. Веклич Комонимы в ценностно-смысловом пространстве языка.....	36
О. В. Кисель, К. С. Бутов Лингвистические стратегии дескриптивного и фамильного брендинга.....	46
Н. Г. Молодцова Образ, мысль и слово: технология развития коммуникативно-речевых умений на материале произведений живописи.....	53
М. И. Свешникова, Е. И. Сернова Стихи в прозе: проблема пунктуации в переводе.....	58
Е. В. Степанова Вербальные средства реализации дихотомии «мы – они» в американском политическом дискурсе.....	64
С. К. Тивикова Смысловая компрессия текста как средство формирования функциональной грамотности.....	72
О. И. Халупо, Н. В. Сапожникова Аксиологический аспект лингвокультурной картины мира.....	77
Р. Шоджаи, С. Х. Захраи Рассмотрение противоположных или синонимичных префиксов и их употребление с глаголами движения.....	84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. К. Харченко Дети и детство в оценке Людмилы Улицкой и в семейном родословии.....	91
В. В. Чалый Лингвопрагматический потенциал художественно-выразительных средств языка в произведении А.П. Чехова «Открытие».....	104
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ.....	109
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ.....	112

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 5–11.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):5–11.

Научная статья
УДК 811.161.751

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С АНИМАЛИЗМОМ «СОБАКА» В РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ**

Халлдон Аббас Фадил Альмухаммадага¹, Нелли Юрьевна Фанян²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹khalidonabbas24@gmail.com

²nellyfanian@mail.ru

Аннотация. Фразеологизмы с анимализмами как объект сопоставительного анализа давно интересуют лингвистов. Они исследуются на материале различных родственных и неродственных языков и культур [1; 2; 5; 6; 8]. Актуальность и новизна нашей работы заключается в расширении языкового поля исследования. Наша цель – рассмотреть проблему установления универсальных и специфических характеристик в зоонимических фразеологизмах на материале трёх неродственных языков – французского, русского, арабского – с применением компаративного метода и приёма классификации. Материалом для анализа послужили фразеологизмы с компонентом-зоонимом «собака», «chien», الكلب. В результате сопоставления фразеологизмов установлено, что, с одной стороны, в национальную русскую, французскую и арабскую фразеологию гармонично входят универсальные функциональные категории, с другой стороны, каждая фразеологическая картина мира представлена своими особенностями. Наиболее близкими в данном фрагменте картины мира являются русская и французская лингвокультуры. Во фразеологической картине мира русскоговорящих и франкоговорящих в целом наблюдается совпадение категорий: субъектность; физические характеристики, компетентность; черты характера; действие, выражающее отношение (в основном пренебрежительное); состояние духа, настроение; поведение (недостойное); качество жизни (незавидное); характер коммуникации (амбивалентный); продукт (предмет); мера, степень состояния, размер; суть дела. Во французских фразеологических единицах наиболее дифференцирована категория «субъектность», которая указывает на богатую систему номинаций с анимализмом «chien» для обозначения профессий в просторечии и аргю. Арабская картина мира во фразеологизмах с фаунонимом الكلب категориально менее дифференцирована. Процессуальность в арабской фразеологической картине мира уступает место мотивированной образности. Образность арабских выражений обеспечивается синтаксической спецификой, развёрнутой репрезентацией идеи (к примеру, преданности, снисходительности) на уровне высказывания, сентенции.

Ключевые слова: фразеологизмы, компоненты-зоонимы, компаративный метод, классификация, универсальность, национально-культурная специфика

Для цитирования: Альмухаммадага Х. А. Ф., Фанян Н. Ю. Национально-культурная специфика фразеологизмов с анимализмом «собака» в русском, французском и арабском языках // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 5–11.

Original article

**NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH ANIMALISM “DOG” IN RUSSIAN, FRENCH AND ARABIC**

Khaldon Abbas Fadil Almohammadagha¹, Nelly Yu. Fanyan^{2✉}

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹khaldonabbas24@gmail.com✉

²nellyfanian@mail.ru

Abstract. Phraseological units with animalisms as an object of comparative analysis have long been of interest to linguists. They are studied on the material of various related and unrelated languages and cultures [1; 2; 5; 6; 8]. The relevance and novelty of our research lies in the expansion of the linguistic field of research. The purpose of our study is to consider the problem of establishing universal and specific characteristics in zoonymic phraseological units based on the material of three unrelated languages – French, Russian, Arabic using the comparative method and classification. The phraseological units with a component-the zoonym “dog”, “chien”, and الكلب served as the material for the analysis. As a result of comparing phraseological units, it was found that, on the one hand, universal functional categories harmoniously enter into the national Russian, French and Arabic phraseology, on the other hand, each phraseological picture of the world is represented by its own characteristics. The closest in this fragment of the worldview are the Russian and French linguistic cultures. In the phraseological picture of the world of Russian-speakers and French-speakers in general, there is a coincidence of categories: subjectivity; physical characteristics, competence; character traits; action expressing an attitude (mostly dismissive); state of mind, mood; behavior (unworthy); quality of life (unenviable); nature of communication (ambivalent); product (subject); measure, degree of condition, size; the essence of the matter. In French phraseological units, the category of “subjectivity” is the most differentiated, it indicates a rich system of nominations with “chien” animalism to designate professions in the vernacular and argot. The Arabic picture of the world in phraseological units with the faunonym الكلب is categorically less differentiated. Procedural in the Arabic phraseological picture of the world is giving way to motivated imagery. The imagery of Arabic expressions is provided by syntactic specificity, a detailed representation of the idea (for example, devotion, condescension) at the level of utterance, maxim.

Keywords: phraseological units, components-zoonyms, comparative method, classification, universality, national and cultural specificity

For citation: Almohammadagha Kh. A. F., Fanyan N. Yu. National and cultural specificity of phraseological units with animalism “dog” in Russian, French and Arabic. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):5–11 (In Russ.).

Сравнительно-сопоставительные исследования актуальны в силу аксиологической значимости культурного кода в межкультурной коммуникации. В русле лингвокультурологических штудий значимо направление, посвящённое изучению фразеологизмов, в которых особенно ярко выражена как универсальность, так и специфичность национально-культурных смыслов. Обозначенной теме посвящено множество работ, выполненных на материале различных (родственных и неродственных) языков. Особое значение в систематизации знаний в этом направлении имеют как общие фразеологические словари, так и тематические словари с компонентами-зоонимами [3; 4; 7; 9; 10 и др.].

Анималистический компонент во фразеологизмах является одним из приоритетных индикаторов сходства и различия в национально-культурных представлениях. В лексическом составе любого языка зоонимы занимают существенное место, формируют особый пласт фразеологического фонда, демонстрируя тем самым образный потенциал языка, отражающего специфический фрагмент языковой и концептуальной картины мира. Достаточно большое количество арабских, русских и французских фразеологизмов с компонентом-зоонимом (КЗ) имеют полные или частичные эквиваленты, что объясняется совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей данных языков и общих элементов культуры. Вместе с тем

вследствие различия культурных факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира и разных литературных источников многие фразеологизмы с КЗ имеют значения, которые понятны только носителям определённой языковой культуры. Национальная специфика ФЕ с компонентом-зоономимом проявляется в различных видах человеческой деятельности, чертах характера, положительных или отрицательных личностных качествах людей.

Анимализмы во фразеологизмах французского, русского и арабского языков обозначают различных представителей фауны. Из многообразия фаунонимов мы остановимся на одном из наиболее частотных в составе ФЕ – это зооним «собака» в трёх лингвокультурах – с целью определить их национально-культурную специфику. Фразеологическая картина мира, в которой фигурирует фауноним «собака», характеризует различные аспекты человеческого бытования и представлена функциональным разнообразием.

Рассмотрим функциональное разнообразие КЗ «собака» в русской фразеологии [3; 7]. Функциональную дифференцированность фаунонима (и производных от него) мы предлагаем классифицировать в следующих категориях:

- **субъектность** (в сочетании с логическими кванторами): *каждая* (всякая, любая и т. п.) *собака* (прост.) – всякий, каждый; *ни одна собака* (прост.) – никто;

- **физические характеристики, компетентность** (амбивалентность): *собачий нюх, собачье чутьё* – о способности тонко улавливать, подмечать, понимать что-л. скрытое, тайное; *нюх, чутьё* как у <охотничьей> собаки – о человеке, предчувствующем какие-л. события и умеющем обратить их в свою пользу; *собаку съесть* в чём-л., на чём-л. или с неопр. формой глагола – хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чём-л.; *сидеть <на лошади> как собака на заборе*. Презр. неумело, некрасиво;

- **черты характера** (амбивалентность): *злость* – злой (злиться) как собака. Прост. О человеке; как <цепной> пёс. Обычно о мужчине; *преданность, услужливость* – *преданный, верный* кому-л. безгранично, абсолютно как <верная> собака, как пёс; *ходить, бегать* за кем-л. как собачка / собачонка / собака, выражая всем своим видом, поведением услужливость, преданность кому-л.; *сторожить, стеречь* как <сторожевой> пёс, т. е. ревностно, надёжно; *собачья привязанность, покорность* и т. п.; *собачьи глаза* – о глазах, выражающих преданность, покорность; (быть как) *собака на сене* – о человеке, который сам не пользуется чем-л. и не даёт другим пользоваться (бездействие);

- **действие, выражающее отношение** (в основном – пренебрежительное, беспощадное, боязливое): *бросать, кидать, швырять* что-л. кому-л. как собаке. С пренебрежением, унижая человеческое достоинство; *бросать, покидать* кого-л. как собаку. О незащитном, беспомощном человеке, оставленном кем-л. на произвол судьбы; *выгнать, прогнать* и т. п. кого-л. как собаку. Прост. Без жалости и сожаления; *обращаться, поступать* с кем-л. как с собакой. Неодобр. Пренебрежительно, грубо, попирая человеческое достоинство; *смотреть, глядеть* и т. п. на кого-л. как на собаку. Перен. Прост. Относиться к кому-л. высокомерно, с презрением; *избить* кого-л. как собаку. Прост. Сильно, безжалостно; *убить, застрелить* и т. п. кого-л. как <бешеную> собаку. Прост. Безжалостно, без пощады; *зарыть, закопать* как собаку. Прост. Неодобр. Наспех, в случайном месте (похоронить); *не любить* кого-л. как собака палку *любить* кого-л. Ирон. Ничуть, нисколько не любить кого-л.;

- **состояние духа, чувства, настроения**: *бродить, ходить* и т. п. как побитая собака / собачонка. Презр. С виноватым видом. Обычно о женщине; *злиться* как <цепной> пёс. Обычно о мужчине;

- **поведение** (недостойное): *бросаться, набрасываться, кидаться* на кого-л. как <цепная / бешеная> собака, как <цепной> пёс. С бранью, руганью, побоями. Обычно о мужчине;

- **качество жизни** (плохое, хлопотливое, незавидное): *жить* как собака. *Прост.* неуютно, неустроенно, безрадостно; *быть голодным* как пёс, как собака; *замёрзнуть, продрогнуть* как собака (бобик, цуцик). *Прост.* очень сильно; *ходить, бродить* как бездомный пёс (неприкаянно, в одиночестве); *умирать, гибнуть,дохнуть* как пёс, как собака и т. п.: ~ в одиночестве: *Прост.* Об одиноком, бесприютном мужчине; ~ в обстановке всеобщего презрения: *Прост. Презр.* О мужчине, умершем позорной смертью; *устать, измучиться:* уставший как собака; *бегать <высунув язык>* как собака; *бегать, носиться, мчаться* и т. п.: как гончая (быстро, стремительно). *Перен.* О человеке, пребывающем в постоянных заботах, хлопотах, старающемся успеть всё сделать; *Собачья старость* – а) (простореч.) – детская болезнь, проявляющаяся в приостановке роста, в появлении у ребёнка старческого вида; разновидность рахита; б) (*шутл.* или *ирон.*) – преждевременная старость;

- **характер коммуникации** (враждебный): *грызться <между собой>* как собаки. *Перен. Прост.* Постоянно ссориться, враждовать; *жить* как кошка с собакой. *Прост.* В постоянной ссоре, вражде;

- **продукт (предмет):** *Собачья радость* (прост.) – о колбасе самого низкого сорта; *Собачья (козья) ножка* – особым образом скрученная папироса;

- **мера, степень состояния, размер:** как собака (*устать, проголодаться* и т. п.) – очень, сильно; (кого-л.) как (что) собак *нерезанных* (прост.) – очень много; *собачий холод* – сильный холод; *маленький* как <собачья> конура. О маленьком, тесном, лишённом удобств жилище;

- **суть дела:** *Вот где собака зарыта.*

В перечисленных категориях компонент-зооним частотно выражен в устойчивых сравнениях с частицей «как» (глагол действия, состояния + как + КЗ), а также метафорически (производное прилагательное от КЗ + существительное).

Далее представим категориальную дифференциацию компонента-зоонима во французских ФЕ на материале французско-русского фразеологического словаря [4]:

- **субъектность:** *le premier chien coiffé (venu)* – первый встречный; *chien de bord* – помощник командира; *chien du commissaire* – арг. секретарь полицейского комиссара; *chien du quartier* – воен. жарг. фельдфебель, старый служака; *chien du régiment* – воен. жарг. капрал, старшина; *chien de cours* – школьн. жарг. классный наставник; *chien de la maison* – разг. приживала, нахлебник; *chien de chasse* – а) охотничья собака, б) ищейка, сыщик;

- **физические характеристики, внешний вид** (амбивалентность): *chien coiffé* – урод, уродина (чучело гороховое); *chien éfilé* – тощая, загнанная собака; *porter des chiens* – разг. носить челку;

- **черты характера, компетентность** (амбивалентность): *avoir du chien* – разг. быть с огоньком, с изюминкой; *avoir du chien dans le ventre* – разг. быть не робкого десятка; *mauvais chien* – злюка, ехидна; *être chien* – разг. быть злым как собака; *faire le chien enragé* – разг. быть злым как бешеная собака; *bon chien chasse de race* prov. – хорошая порода сама проявляется, породистого пса не надо учить; *mauvais chien ne trouve où mordre* – плохая собака и укусить не умеет; *être d'un chien* – разг. быть скупердям; *chien couchant (chien d'arrêt)* – легавая собака; *разг.* подхалим, раб; *montrer du chien* – разг. проявить прыть; *cela n'est pas fait pour (les) chiens* – разг. это доступно всякому, кто обладает здравым смыслом; *donner (jeter) sa langue aux chiens (chats)* – признать себя неспособным найти решение; *jamaïs bon chien n'aboie à faux* prov. – добрый пес на ветер не лает; *nager comme un chien de plomb* – разг. плавать как топор; *vivre comme un chien* – вести разгульную жизнь, погрязнуть в разврате; *faire le jeune chien* – разг. быть взбалмошным, ветреным;

- **действие, выражающее отношение** (в основном – пренебрежительное, беспощадное): *tuer qn comme un chien* – разг. убить кого-л. как собаку, безжалостно убить кого-л.; *battre (étriller, froter) qn comme un chien* – разг. избить кого-л. как собаку; *traiter qn comme un chien* – разг. грубо, безжалостно обращаться с кем-л., обращаться как с собакой;

- **состояние духа, настроение**: *humeur de chien* – отвратительное, злобное настроение;

- **качество жизни** (плохое, хлопотливое, незавидное): *chien perdu* – бездомная собака; *vie de chien (chiennne)* – собачья жизнь, жалкая, тягостная жизнь; *travail (métier) de chien* – трудная, тягостная работа; *dîner de chien* – уст. хлеб с водой; *mal de chien* – разг. тоска, хандра; затруднение;

- **характер коммуникации, процесс**: *se regarder en (comme des) chiens de faïence* – разг. злобно уставиться друг на друга; *rompre des chiens* – разг. прервать несклади затеянный разговор; *fréquenter le chien et le chat* – ладить со всеми; *querelle de chien* – жестокая ссора; *leurs chiens ne chassent pas ensemble* – их собаки вместе не охотятся, им трудно поладить; *coup de chien* – а) драка, заваруха; б) разг. непредвиденное осложнение, неприятность; в) арг. предательство; *recevoir qn comme un chien dans un jeu de quilles* – разг. плохо принять кого-л., встретить кого-л. в штывки; *vivre comme (un) chien et (un) chat* – жить как кошка с собакой;

- **продукт (предмет)**: *sacré chien* – разг. горлодёр, крепкая водка; *pez de chien* – прост. «ёрш», «медведь» (смесь водки с пивом);

- **мера, степень явления**: *temps de chien (chien de temps)* – прескверная, мерзкая, собачья погода; *pluie de chien* – сильный, проливной дождь; *bruit de chien* – гвалт.

Анализ устойчивых выражений с компонентом-зоонимом – الكلب («собака») из словаря современного арабского языка М. Дауда [10] показал меньшее функциональное разнообразие по сравнению с русским и французским языками. Рассмотрим категории с КЗ الكلب с дословным переводом на русский язык:

- **физические характеристики** (внешний вид): *كلب قبيح* – урод / уродина как лохматая собака;

- **черты характера** (амбивалентность): *وفاء الكلب* – преданность собаки; *حراسة الكلب* – собака охраняет (преданность собаки); *انت كالكلب وفاء* – исполнительный, преданный как собака; *انت كالكلب وفاء* – преданный как собака душой и телом; *يتبع صاحبة مثل الكلب* – ходить следом как верный пес; *جناب الكلب* – собачий бок (быть ленивым); *الكلب الكسول تاكله البراغيت* – собака не чувствует блох, что её едят (быть неприхотливым как собака); *مزاج الكلب* – настроение собаки (быть злым как собака); *عظة كلب* – собачий укус (быть злобным, ядовитым, сварливым человеком как собака); *يعوي مثل الكلب* – лает как собака;

- **качество жизни** (плохое, жалкое, тягостное): *أيام الكلاب* – собачьи дни (тяжёлая жизнь); *حياة الكلب* – собачья жизнь; *حياة كلاب الشوارع* – собачья жизнь, жалкая, тягостная; *الكلاب السائبة* – бродячие собаки (быть бездомным);

- **мера, степень** (несоразмерность, неадекватность): *برد البطريق* – собачий холод; *الحزن كثير و الميت كلب* – много грусти ради мёртвой собаки (лишние переживания); *كلب مسعور* – паникующая собака (развести панику).

Образность арабских выражений обеспечивается синтаксической спецификой, развёрнутой репрезентацией идеи, к примеру, преданности, снисходительности (нравственная характеристика), на уровне высказывания, сентенции. При этом актуальна символизация: *لا ينيح الكلب الى عند باب اهله* – собака гавкает возле двери хозяина (собака защищает только своего хозяина); *شم خمارها الكلب* – собака понюхала её платок (собака защищает только своего хозяина); *لا تعض الكلاب بعضها* – собаки друг друга не кусают (свои друг друга не предают); *ياكل اللحم ويرمي العظم للكلاب* – есть мясо и бросать кости собакам (снисходить

до кого-либо); *كلبك انس الزائرين* – твоя собака – спокойствие гостей (символ спокойствия).

Идея преданности (верности) развёрнута также в виде прескрипции (совета): *يتبع صاحبة مثل الكلب* – следуйте за своим другом как собака.

В результате проведённого сопоставительного анализа компонента-зоонима в составе фразеологизмов в русском, французском и арабском языках можно сделать следующие выводы: 1. В национальную русскую, французскую и арабскую фразеологию гармонично входят универсальные функциональные категории. 2. Во фразеологической картине мира русскоговорящих и франкоговорящих в целом наблюдается совпадение категорий: *субъектность; физические характеристики, компетентность; черты характера; действие, выражающее отношение* (в основном – пренебрежительное); *состояние духа, настроение; поведение* (недостойное); *качество жизни* (незавидное); *характер коммуникации* (амбивалентный); *продукт (предмет); мера, степень состояния, размер; суть дела*. Категория «суть дела» характерна только для русского языка. 3. Во французских ФЕ наиболее дифференцирована категория «субъектность», она указывает на богатую систему номинаций с анимализмом *chien* для обозначения профессий в просторечии и арго. 4. В картине мира арабов фразеологизмы с анимализмом «собака» категориально менее дифференцированы. Процессуальность в арабской ФКМ уступает место мотивированной образности. Образность арабских выражений обеспечивается синтаксической спецификой, развернутой репрезентацией идеи на уровне высказывания, сентенции.

Список источников

1. Аблаева Г. М. Особенности структуры, семантики и функционирования фразеологических конструкций во французском и русском языках / Г. М. Аблаева // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 54. – С. 7–10.
2. Гаджиалиева М. Г. Зоонимы в этнокультуре арабов / М. Г. Гаджиалиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 61–65.
3. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка / Л. А. Лебедева. – Москва : Флинта: Наука, 2013. – 316 с.
4. Новый большой французско-русский фразеологический словарь = *Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe* / В. Г. Гак и др. ; под ред. В. Г. Гака. – Москва : Русский язык – Медиа, 2005. – 1624 с.
5. Пучков В. О. Репрезентация внешних качеств человека в русских и французских фразеологизмах с компонентом-зоонимом / В. О. Пучков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 4 (28). – С. 47–55.
6. Романкевич М. Н. Зооморфизм и зоосимвол в системе вторичных номинаций французского языка / М. Н. Романкевич. – Минск : Минский государственный лингвистический университет, 2016. – 29 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова ; под ред. проф. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта: Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.
8. Хефни Х. А. Х. Русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом «козёл» (на фоне арабского языка) / Х. А. Х. Хефни // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4 (118). – С. 56–59.
9. Хомутникова Е. А. Англо-русский словарь фразеологизмов с компонентом-зоонимом / Е. А. Хомутникова, Ю. С. Боровых. – Курган : Курганский государственный университет, 2019. – 126 с.
10. *A Dictionary of Idioms in Contemporary Arabic by Muhammad Daoud and Modern Lexicography*. – Cairo, 2014. – 690 p.

References

1. Ablaeva G. M. Features of structure, semantics and functioning of phraseological constructions in the French and Russian languages. *Kultura narodov Prichernomorya = Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2014;54:7–10.
2. Gadzhialieva M. G. Zoonyms in the ethnoculture of the Arabs. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki = News of the Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*. 2016;10(4):61–65.
3. Lebedeva L. A. *Ustoychivye sravneniya russkogo yazyka = Stable comparisons of the Russian language*. Moscow : Flinta: Nauka; 2013:316 p.
4. Gak i dr. V. G. et al. *Novyy bolshoy frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar = New large French-Russian phraseological dictionary*. Ed. by V. G. Gak. Moscow : Russkiy yazyk – Media; 2005:1624 p.
5. Puchkov V. O. Representation of external qualities of a person in Russian and French phraseological units with a zoonym component. *Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta. Seriya 2 "Yazykoznanie" = Bulletin of the Volgograd State University. Series 2 "Linguistics"*. 2015;4(28):47–55.
6. Romankevich M. N. *Zoomorfizm i zoosimvol v sisteme vtorichnykh nominatsiy frantsuzskogo yazyka = Zoomorphism and zoosymbol in the system of secondary nominations of the French language*. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2016:29 p.
7. Tikhonov A. N., Lomov A. G., Korolkova A. V. *Frazeologicheskiy slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v dvykh tomakh = Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: in 2 volumes*. Ed. A. N. Tikhonov. Moscow: Flinta: Nauka; 2004;1:832 p.
8. Khefni Kh. A. Kh. Russian phraseological units with the zoonymic component "goat" (against the background of the Arabic language). *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2022;4(118):56–59.
9. Khomutnikova E. A., Borovykh Yu. S. *Anglo-russkiy slovar frazeologizmov s komponentom-zoonimom = English-Russian dictionary of phraseological units with a zoonym component*. Kurgan: Kurgan State University; 2019:126 p.
10. *A Dictionary of Idioms in Contemporary Arabic by Muhammad Daoud and Modern Lexicography*. Cairo; 2014:690 p.

Информация об авторах

Х. А. Ф. Альмухаммадага – аспирант;

Н. Ю. Фанян – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии.

Information about the authors

Kh. A. F. Almohammadagha – postgraduate student;

N. Yu. Fanyan – Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 06.02.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 28. 01.2024; accepted for publication 06.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 12–16.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):12–16.

Научная статья
УДК 711.112.2'35

**ФАЗИСНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ ТАКСИС
И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Ирина Викторовна Архипова®

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается речевая актуализация категориальных значений фазисно-детерминированного таксиса одновременности и разновременности в немецком языке. Материалом исследования явились высказывания с предложными девербативами, содержащие диагностические показатели субкатегории фазовости – фазовые глаголы, девербативы, атрибуты и адвербиалы. Рассмотренные высказывания получены методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса и электронного словаря немецкого языка. Актуальность данного исследования связана с неразработанностью проблемы реализации фазисно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в немецких высказываниях с фазовыми индикаторами. Особый интерес представляют высказывания, актуализирующие сопряжённые фазово-таксисные значения с семантикой дуративности и итеративности. В ходе исследования выявлено, что категориальные значения фазисно-детерминированного таксиса одновременности, предшествования и следования актуализуются в высказываниях с глаголами и аналитическими глагольными конструкциями фазовой семантики *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen, zu Ende sein, zu Ende gehen* и др., а также при наличии фазисных девербативов *der Beginn, der Abschluss, die Fortsetzung*. Сопряжённость фазово-таксисной семантики с дуративно-аспектуальными и итеративными категориальными значениями связана с наличием в высказываниях аспектуальных единиц дуративной и итеративной семантики (*kurz, einen Tag, wieder, immer wieder, die meiste Zeit, regelmäßig* и др.), детерминирующих актуализацию различных аспектуально-таксисных значений одновременности, предшествования и следования – дуративно-фазово-таксисных и итеративно-фазово-таксисных. Перспективы исследования связаны с рассмотрением вопроса актуализации фазисно-таксисных категориальных значений в других германских языках (английском, нидерландском), в том числе в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: таксис, фазовость, фазисно-детерминированный таксис, фазовые глаголы, фазовые девербативы, фазовые адвербиалы, фазовые атрибуты, ингрессивно-фазовое значение, эгрессивно-фазовое значение, срединно-фазовое значение

Для цитирования: Архипова И. В. Фазисно-детерминированный таксис и его актуализация в современном немецком языке // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 12–16.

Original article

**PHASE-DETERMINISTIC TAXIS AND ITS ACTUALIZATION
IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE**

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article discusses the speech actualization of the categorical meanings of the phase-determined taxis of simultaneity and non-simultaneity in German. The material of the study was statements with prepositional deverbatives containing diagnostic indicators of the phasic subcategory – phasic verbs, deverbatives, attributes and adverbials.

The considered statements were obtained by the method of directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus and the Electronic Dictionary of the German Language. The relevance of this study is related to the undeveloped problem of the implementation of the phase-taxis categorial meanings of simultaneity and non-simultaneity in German statements with phase indicators. Of particular interest are statements that actualize conjugate phase-taxis meanings with the semantics of duration and iteration. The study revealed that the categorial meanings of the phase-determined taxis of simultaneity, precedence and following are actualized in statements with verbs and analytical verbal constructions of phase semantics *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen, zu Ende sein, zu Ende gehen*, etc., as well as in the presence of phase deverbatives *der Beginn, der Abschluss, die Fortsetzung*. The conjugation of phase-taxis semantics with durative-aspective and iterative categorial meanings is associated with the presence in statements of aspectual units of durative and iterative semantics (*kurz, einen Tag, wieder, immer wieder, die meiste Zeit, regelmäßig*, etc.), which determine the actualization of various aspectual taxis values of simultaneity, precedence and succession – durative-phase-taxis and iterative-phase-taxis. The prospects of the research are related to the consideration of the issue of actualization of phase-taxis categorial meanings in other Germanic languages (English, Dutch), including in a comparative aspect.

Keywords: taxis, phaseness, phase-derived taxis, phase verbs, phase deverbatives, phase adverbials, phase attributes, ingressive-phase meaning, egressive-phase meaning, mid-phase meaning

For citation: Arkhipova I. V. Phase-deterministic taxis and its actualization in the modern German Language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):12–16 (in Russ.).

Вопросы актуализации таксисных категориальных значений, в том числе с семантикой итеративности (кратности) и фазисности (фазовости), находят освещение в работах таких отечественных лингвистов, как А. В. Бондарко, И. В. Архипова, Н. А. Ляшенко и др. [1–3]. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы реализации фазисно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в немецких высказываниях с фазовыми индикаторами.

В фокусе нашего исследовательского интереса находится описание актуализации категориальных значений фазисно-детерминированного таксиса в немецких высказываниях с предложно-девербативными сочетаниями.

Материалом настоящего исследования явились высказывания с предложно-девербативными конструкциями, содержащие различные диагностические показатели фазовости – фазисные глаголы, девербативы фазисной семантики, а также фазовые атрибуты и адвербиалы. Анализируемые высказывания получены методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC) и электронного словаря немецкого языка (DWDS).

В высказываниях с различными фазовыми индикаторами сопряжены таксисные и фазисные значения, в связи с чем их описание используется вводимый в научный обиход термин *фазисно-детерминированный таксис*.

Глаголы и аналитические глагольные конструкции фазисной семантики *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen, zu Ende sein, zu Ende gehen* и др., а также фазовые девербативы *der Beginn, der Abschluss, die Fortsetzung* специфицируют актуализацию различных значений фазисно-детерминированного таксиса одновременности, предшествования и следования. Например:

1. Dies *wird* nun zur Hauptpflanzzeit im Oktober im Ebelsberger Schiltenbergwald und am Büchlholzweg in Urfahr *mit dem Setzen von 1500 jungen Eichen, Buchen und Tannen fortgesetzt* (DWDS).
2. *Nach der Abreise* desselben *setzte der Sultan* seinen Zug über Aemße nach Aleppo *fort* (DWDS).
3. *Nach der Ankunft in Wolfsburg ging* es mit einem weiteren rauschenden Fest *weiter* (DWDS).
4. Bei den meisten *folgt kurz nach der Ankunft* die Ernüchterung (DWDS).

В высказываниях 1–4 с темпоральным предлогом *nach* выражены так называемые срединно-фазово-таксисные категориальные значения следования, обусловленные фазовыми глаголами с семантикой продолжающихся действий (см. глаголы *fortsetzen*, *folgen*) и фазовым глагольным префиксом *weiter*, который указывает на срединный этап дуративного действия глагольного предиката (см. глагол *weitergehen*).

В следующих высказываниях с инклюзивно-темпоральным предлогом *mit* реализованы ингрессивно-фазово-таксисные и эгрессивно-фазово-таксисные значения одновременности:

5. *Mit der Ankunft von Barack Obama beim Gala-Dinner in Schloss Charlottenburg hat* der letzte Teil des Deutschlandbesuchs des US-Präsidenten *begonnen* (DWDS).

6. *Mit dem Eintreffen eines Vorauskommandos beginnt* die Bundeswehr ihren Einsatz im nordafghanischen Kundus (DWDS).

7. *Mit der Trennung vom Reich began* der Leidensweg der deutschen Saar (DWDS).

8. *Mit der Ankunft der Hirten im Morgengrauen des 2. Julis beginnt* in Matera alljährlich der Höhepunkt der Festa della Bruna (DWDS).

9. *Mit der Ankunft von etwa 150 US-Soldaten in Estland wird* am Nachmittag die Verlegung amerikanischer Truppen ins Baltikum und nach Polen zunächst *abgeschlossen* (DWDS).

10. Die Geiselnahme *endete mit dem Eintreffen der Polizei* (DWDS).

11. *Mit der Trennung von Soldo*, der den FC als Hoffnungsträger nach Christoph Daum am 1. Juli 2009 übernommen hatte, *gehen* rund um das Geißbockheim Chaostage *zu Ende* (DWDS).

Актуализируемые фазово-таксисные категориальные значения одновременности детерминированы фазисной семантикой ингрессивного глагола *beginnen* (см. примеры 5–8) и эгрессивных глаголов *abschliessen*, *enden* (см. примеры 9–10), а также аналитической глагольной конструкцией *zu Ende gehen* (см. пример 11).

В высказываниях, содержащих девербативы фазисной семантики *der Beginn*, *der Anschluss*, *die Fortsetzung* и др., актуализуются различные значения фазисно-детерминированного таксиса одновременности и разновременности. Например:

12. *Mit dem Beginn der Sommerferien startet* in Österreich die (LC).

13. *Mit Beginn des Abzugs der internationalen Truppen* haben die Islamisten mehrere Offensiven in dem Land gestartet (LC).

14. In St. Gallen läuft die erste Olma *seit Beginn der Pandemie* (LC).

15. *Nach Abschluss der Maßnahmen* wurde der Aggressor auf freiem Fuß belassen (LC).

16. *Vor Abschluss des Geschäfts* unternahm er noch eine Probefahrt ... (LC).

17. *Doch bis zum Abschluss der Autopsie* vergehen noch einige Wochen (LC).

18. Im Gegensatz zum ersten Film handelt es sich *bei der Fortsetzung* um eine echte Netflix-Produktion (LC).

19. *Mit der Fortsetzung von Rot-Grün-Rot* ist Franziska Giffey geschwächt, bevor sie überhaupt einen Tag als Regierende Bürgermeisterin im Amt war (LC).

В примерах 11–13 с девербативом ингрессивно-фазовой семантики *der Beginn* и темпоральным предлогом *mit* реализованы ингрессивно-фазово-таксисные категориальные значения одновременности. В примерах 15–17 с темпоральными предлогами *nach*, *vor*, *bis* выражены эгрессивно-таксисные значения следования и предшествования, обусловленные наличием девербатива *der Abschluss*. В высказываниях 18–19 с девербативом *die Fortsetzung* с предлогами *bei*, *mit* актуализованы срединно-фазово-таксисные значения одновременности.

Речевая актуализация сопряженных аспектуально-фазово-таксисных значений детерминируется различными единицами дуративно-аспектуальной

семантики – адвербиалами и атрибутами (*einen Tag, kurz, lang, kürzlich, drei Monate, zwei Tage, fast ein Vierteljahr, knapp ein Jahr* и др.). Например:

20. *Einen Tag nach dem Abschluss der Koalitionsgespräche* gibt es offensichtlich noch viel Klärungsbedarf (LC).

21. *Kurz vor Abschluss des Vertrages* machte die Hausarztpraxis einen Rückzieher (LC).

22. *Drei Monate nach Beginn der Ermittlungen* kehrte Diallo Parma dann den Rücken und ging nach Bergamo (LC).

23. *Fast ein Vierteljahr nach Beginn der Impfkampagne* nimmt die Infektionsdynamik in Israel erstmals ab (LC).

24. Diese Bilanz hat die Recklinghäuser Arbeitsagentur *knapp ein Jahr nach Beginn der Pandemie* gezogen (LC).

В высказываниях 20–24, содержащих девербативы *der Abschluss* и *der Beginn* с темпоральными предлогами *vor* и *nach*, актуализованы аспектуально-эгрессивно-фазово-таксисные значения следования и предшествования (см. примеры 20–21) и ингрессивно-фазово-таксисные значения следования (см. примеры 22–24). Их актуализация связана с наличием аспектуальных адвербиалов дуративной семантики *kurz, einen Tag, drei Monat, fast ein Vierteljahr, knapp ein Jahr*.

Актуализация сопряжённых итеративно-фазово-таксисных значений обусловлена языковыми единицами итеративной семантики – итеративными девербативами, итеративными адвербиалами и атрибутами (*immer, wieder, immer wieder, oft, jeder, meiste Zeit, meistens, regelmäßig* и др.). Например:

25. *Nach Abschluss der polizeilichen Maßnahmen* wurden sie *wieder* auf freien Fuß gesetzt (LC).

26. Mebis habe *die meiste Zeit seit Beginn der Pandemie im März* gut funktioniert ... (LC).

27. *Seit Beginn der Coronakrise* stehen Fitnesscenter *immer wieder* im Fokus der Konsumentenschützer (LC).

28. *Seit Beginn der Aktion* haben sich die Azubis um die Pflanzen gekümmert und *regelmäßig* nachgeschaut, ob sie gut gedeihen (LC).

29. *Seit Beginn des Streiks* gilt nun *wieder* ein Ersatzfahrplan (LC).

В примере 25 с девербативом эгрессивно-фазовой семантики *der Abschluss* и темпоральным предлогом *nach* реализовано итеративно-эгрессивно-фазово-таксисное значение следования. Сопряжённость значений связана с наличием фазового девербатива и итеративного адвербиала *wieder*. В высказываниях 26–29, содержащих ингрессивно-фазовый девербатив *der Beginn* с темпоральным предлогом *seit*, выражены итеративно-ингрессивно-фазово-таксисные значения следования. Сопряжённость фазово-таксисной семантики с итеративным значением обусловлена итеративными адвербиалами *wieder, immer wieder, die meiste Zeit, regelmäßig*.

Таким образом, в немецких высказываниях с предложными девербативами, содержащими диагностические показатели субкатегории фазовости (глаголы, девербативы, атрибуты, адвербиалы), актуализируются категориальные значения фазисно-детерминированного таксиса одновременности, предшествования и следования. Таковыми являются высказывания с глаголами и аналитическими глагольными конструкциями фазовой семантики *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen, zu Ende sein, zu Ende gehen* и др., а также с фазисными девербативами *der Beginn, der Abschluss, die Fortsetzung*.

Сопряжённость фазово-таксисных значений одновременности / разновременности другими аспектуальными значениями (дуративными, итеративными) специфицируется адвербиалами / атрибутами дуративной и итеративной семантики (*kurz, einen Tag, wieder, immer wieder, die meiste Zeit, regelmäßig* и др.).

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с рассмотрением вопроса актуализации фазисно-таксисных категориальных значений в других германских языках – английском и нидерландском. Сопоставительный аспект их рассмотрения позволит выявить сходства и различия языковых средств, реализующих синкретичную фазово-таксисную семантику одновременности и разновременности.

Список источников

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках / И. В. Архипова. – Новосибирск, 2020. – 163 с.
2. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 488 с.
3. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке / Н. А. Ляшенко // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках / Н. Г. Спярова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – С. 101–129.

References

1. Arkhipova I. V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh = Category of taxis in languages of different structures*. Novosibirsk; 2020;163 p.
2. Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki = Categorization in the grammar system*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur; 2011:488 p.
3. Lyashenko N. A. Functional-semantic field of taxis in English. Sklyarova N. G., Nikolaev A. V., Simonova K. N., Lyashenko N. A., Molchanov S. E. *Funktsionalno-semanticheskiye polya raznykh tipov v angliyskom i russskom yazykakh = Functional-semantic fields of different types in English and Russian*. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education; 2019:101–129.

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 08.11.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 08.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 17–22.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):17–22.

Научная статья
УДК 81'42

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДРУЖБА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Саад Алдин Басел¹, Людмила Юрьевна Буянова²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹bassil.saad@hotmail.com

²lub_prof@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу репрезентации аксиологического статуса понятия «дружба» в русском и английском языках. Предметом исследования выступает система ценностных компонентов данного фундаментального понятия, выражающих нравственно-ментальные особенности и характеристики национальной картины мира двух народов. Цель работы – выявить и показать универсальные и уникальные идентифицирующие признаки и когнитивные маркеры феномена дружбы, выражающие общие и этнонациональные признаки этого личностно-социального явления в английской и русской лингвокультурах. В качестве основного выступает описательный метод синхронного анализа языка, также применяется сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы и методика когнитивного анализа. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что фразеологическая репрезентация феномена дружбы в разноструктурных языках транслирует особые, специфические характеристики и признаки дружеских взаимоотношений между людьми. Анализ фразеологического материала показывает, что в русской лингвокультуре *дружба* представляет собой духовную основу самопознания и познания мира; ключевыми ценностными доминантами выступают понятия «честность», «святость», «бескорытность», «самопожертвование» и др. В английской лингвокультуре в область *дружбы* входят компоненты «эгоизм», «приятельство», «выгода», «независимость как соблюдение дистанции» и др. Основные выводы заключаются в том, что дружба, будучи основополагающим, духовно значимым элементом жизни человека, в английской и русской лингвокультурах всё же репрезентируется по-разному, наблюдаются довольно значимые различия в ментально-когнитивном осмыслении и представлении этого понятия, что обусловлено релевантными экстралингвистическими аспектами – историческими, социокультурными и конфессиональными.

Ключевые слова: понятие «дружба», национальная языковая картина мира, ценность, идиома, фразеологизм, пословица, идентифицирующий признак, менталитет, ценностные доминанты

Для цитирования: Басел С. А., Буянова Л. Ю. Репрезентация понятия «дружба» в английской и русской лингвокультурах: сравнительно-аксиологический аспект // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 17–22.

Original article

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “FRIENDSHIP” IN ENGLISH
AND RUSSIAN LINGUOCULTURES: THE COMPARATIVE-AXIOLOGICAL ASPECT**

Basel Saad Aldin¹, Lyudmila Yu. Buyanova²

Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹bassil.saad@hotmail.com

²lub_prof@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the representation of the axiological status of the concept of “friendship” in the Russian and English languages. The subject of research in the work is the system of value components of this fundamental concept, expressing the moral and mental characteristics and characteristics of the national

picture of the world of two peoples. The purpose of the work is to identify and show universal and unique identifying features and cognitive markers of the phenomenon of friendship, expressing the general and ethnonational features of this personal and social phenomenon in English and Russian linguistic cultures. The main method is the descriptive method of synchronous analysis of language; the comparative method, the structural-semantic method and the technique of cognitive analysis are also used. The results of the study indicate that the phraseological representation of the phenomenon of friendship in languages of different structures conveys special, specific characteristics and signs of friendly relationships between people. Analysis of phraseological material shows that in Russian linguistic culture, friendship represents the spiritual basis of self-knowledge and knowledge of the world; the key value dominants are the concepts of "honesty", "holiness", "selflessness", "self-sacrifice", etc. In English linguistic culture, the area of friendship includes the components "egoism", "friendship", "benefit", "independence as maintaining distance" and etc. The main conclusions are that friendship, being a fundamental, spiritually significant element of human life, is nevertheless represented differently in English and Russian linguistic culture; there are quite significant differences in the mental-cognitive understanding and presentation of this concept, which is due to relevant extralinguistic aspects – historical, sociocultural and religious.

Keywords: the concept of "friendship", the national linguistic worldview, value, idiom, phraseology, proverb, identifying feature, mentality, value dominants

For citation: Basel S. A., Buyanova L. Yu. Representation of the concept of "friendship" in English and Russian linguocultures: the comparative-axiological aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):17–22 (in Russ.).

Ключевым признаком нации, её душой выступает язык, который представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Учёные отмечают, что «триада "язык – мышление – сознание" представляет собой ментально-лингвистический комплекс, в котором мышление можно интерпретировать как динамическую сущность, сознание – как аккумулятивно-оценочную, а язык – как коммуникативно-операционную» [3, с. 48].

У носителей каждого национального языка формируется свой определённый взгляд на жизнь, характеризующийся спецификой восприятия и осмысления мира. Огромную роль в этих когнитивно-ментальных процессах играет национальный язык, в денотатной и семантической системе которого содержатся специфические признаки для характеристики тех или иных явлений и феноменов. При сравнении определённой картины мира с национальной картиной мира, сформированной иными языковыми сферами, между ними обнаруживается множество весьма нестандартных различий. Носители разных языков по-разному воспринимают мир с точки зрения своего языка.

Понятие «дружба», выступающее важнейшей ценностью для каждого человека, всегда вызывало пристальное внимание лингвистов, так как было обнаружено, что идентифицирующие признаки этого понятия в языках разных народов имели как общие, так и различающиеся аспекты. До настоящего времени сохраняется актуальность исследования языковой репрезентации феномена дружбы в разноструктурных языках, транслирующих особые характеристики дружеских взаимоотношений между людьми. Для русского человека дружба является одной из главных ценностей в его жизни. Дружба ассоциируется у русских с *братством*, под которым понимается духовное единство людей. Русской дружбе характерна святость [1].

Как в английском, так и в русском языках о важности дружбы как основополагающего морально-нравственного, духовно значимого элемента жизни человека говорится и во фразеологизмах, и в пословицах, и в устойчивых сравнениях. Лингвисты заметили такую закономерность: «Фразеологические единицы выражают душу и нравственные законы любого народа, они уникальны и специфичны, а потому дословно не могут быть переведены на другие языки. Именно во фразеологическом фонде того или иного языка ярко отражены традиции, мораль, история, быт и нравы народа» [4, с. 132].

Как показывает языковой материал, для представителей русской лингвокультуры дружба выступает духовной основой самопознания и познания мира: «В христианских текстах слово “друг” имеет очень часто значение “ближнего”, “соседа”, “товарища”, “брата”, “родного” по духу, “другого”» [14, с. 65]. Исследователи данного феномена считают, что в русском языковом сознании дружба как процессуальность развивается осторожно и медленно, для носителей русского языка нужно время, чтобы перейти от простого знакомства и приятного общения к настоящей дружбе [7]: «*Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года*»; «*Вещь хороша пока нова, а друг – когда старый*». В дружбе также ценятся такие качества, как желание помочь и чувство такта [7].

Языковая репрезентация понятия дружбы средствами пословично-поговорочного фонда русского языка отражает тот факт, что для членов русского лингвокультурного сообщества, для представителей Русского мира настоящая, искренняя дружба является одной из ключевых жизненных ценностей, она вносит радость и уверенность в будущем: «*Без друга в жизни тужо*» [2, с. 53]; «*Дерево крепче корнями, а человек – друзьями*» [2, с. 53]; «*Конь узнаётся при горе, а друг при беде*» [2, с. 53]; «*Дружбу за деньги не купишь*»; «*Дружным людям никто не страшен*» [11] и др.

В русском языковом сознании дружба ассоциируется с такими качествами, отличающими её от любви и товарищества, как *взаимопонимание, бескорыстность* (важнейший маркер дружбы), *эмоциональная связь, верность как вера в дружбу, готовность помочь, самопожертвование, отсутствие конкуренции и эгоизма, постоянство, принятие, честность*. Все эти качества отражаются в семантико-смысловом пространстве русских пословиц, поговорок и фразеологизмов: «*Дружба да братство дороже всякого богатства*»; «*Дружба – дело святое*» [13]; «*Дружба, построенная на выгоде, не бывает прочной*» [13]; «*О себе забывай, а товарища выручай*»; «*Для друга ничего не жаль*» [11]; «*Дружно – не грузно, а врозь – брось*» [13]; «*Не тот друг, что мёдом мажет, а тот, что правду в глаза скажет*» [11] и др.

В пространстве английской лингвокультурной сферы отмечается, что если знакомство зарождается гораздо быстрее, чем в русской, и основывается на общительности людей, то настоящая дружба также проверяется годами, например: «*Sudden friendship, sure repentance*» (*Стремительная дружба – неизбежное раскаяние*) (здесь и далее перевод наш. – С. А. Б.).

Разногласия по различным поводам могут разрушить дружбу, но умение и готовность выслушать всю правду от друга являются отличительной чертой также и английского народа: «*All are not friends that speak fair*» (*Не все друзья, кто льстит вам*); «*A friend's frown is better than a foe's smile*» (*Лучше горькая правда друга, чем лесть врага*); «*A friend with whom you may be sincere, before him you may think aloud*» (*Не тот друг, что мёдом мажет, а тот, что правду в глаза скажет*) [6] и др.

В то же время анализ источников показывает, что имеются очень существенные, на наш взгляд, различия в ментально-когнитивном осмыслении и представлении понятия «дружба» в английском языке по сравнению с русским языком. Различия эти затрагивают те качества дружбы как особых отношений между людьми, которые в русской лингвокультуре являются главными **ценностными доминантами**:

1. В английскую понятийную сферу дружбы входит компонент «**эгоизм**», что отражает желание людей не тратить своё время на друзей [5, с. 178]: «*Friends are thieves of time*» (*Друзья – воры твоего времени*).

2. В сферу дружбы в английской лингвокультуре включена сема «**потенциальная выгода, польза**» – для друзей характерно стремление просчитать потенциальную выгоду и оценить, что можно получить от друга [5, с. 178].

3. Несмотря на близкие отношения между друзьями, ценным качеством в английской лингвокультуре, что специфично для английского менталитета, по наблюдениям В. И. Карасика [9], считается **независимость**, стремление

сохранять **определённую дистанцию**, что служит своеобразной гарантией от **предательства** (отсутствие важнейшего для русской лингвокультуры качества – *веры в дружбу*). Есть мнение, что соблюдение **границ** в отношениях способствует продолжительной дружбе: “*A hedge between keeps friendship green*” (*Когда между друзьями изгородь, то и дружба долгие*).

4. В отличие от понятийной сферы русского языка, в английском понимании **поддержка и помощь** носят в дружбе характер **жертвенности**. Если дружба прекращается в связи с изменением **социального статуса** одного из друзей, статус *друга* также меняется на статус «*бывший друг*».

Как и в русской лингвокультуре, понять, кто твой настоящий друг, можно только в сложных ситуациях: “*Calamity is man’s true touchstone*” (*Несчастье – настоящий пробный камень*). Разрыв *дружеских отношений* происходит внезапно, в результате предательства или разлуки. Разрыв – это болезненное переживание, вызывающее обиду, разочарование, скептическое отношение к друзьям и дружбе, оставляющее горький осадок. Естественно, что после всех негативных переживаний вернуть прежнюю дружбу практически невозможно: «*Дружба что стекло: ломаешь – не починишь*»; «*Замиренный друг ненадёжен*» и др.; “*A broken friendship may be soldered, but will never be sound*” (*Треснувшую дружбу можно склеить, но она никогда не будет прочной*) [6].

Самые разные события и ситуации в жизни людей могут разрушить дружбу, но умение и готовность **прощать**, являющиеся отличительной чертой как английской дружбы, так и русской, помогают преодолеть эти трудности. Когда дружеские отношения восстанавливаются, от друзей требуется большая преданность и честность. Считается, что дружба в английской языковой картине мира, в отличие от русской, не раскрывает опыт человека в прекращении дружбы [9].

Лингвистический материал показывает, что *дружба* в русской лингвокультуре имеет уникальные черты отношений, в то время как дружба в английской лингвокультуре носит более общий характер, главной чертой которого является лёгкость и приятность общения с как можно большим количеством людей (как известно, понятие «количества» противопоставляется уникальности). В качестве отличительных черт понятия *друга* как субъекта *дружбы* в русском и английском языке следует отметить его различные синонимы: в русском языке – *товарищ* и *приятель*; синонимы в английском языке – *знакомый, соратник, приятель, товарищ, доверенное лицо, закадычный друг, близкий человек* и многие другие [8, с. 158]. Эти факты могут свидетельствовать о том, что в английской лингвокультуре понятие *дружбы* не обладает такой высокой аксиологической значимостью, как в русской лингвокультуре, репрезентируя достаточно общую смысловую категорию *приятельства*.

Исследователи особо акцентируют тот факт, что русская дружба продолжает традиции, заложенные общинной жизнью русского народа, и показывает глубокую духовную связь между людьми. В англоязычной культурной сфере дружба носит более поверхностный характер, чем в русскоязычной [12].

Тем не менее, несмотря на большие различия в восприятии отдельных компонентов многомерного концепта *дружбы* в английском и русском языках, можно сделать вывод, что суть дружбы в этих обществах в целом сходна. Однако восприятие отдельных компонентов дружеских отношений различно, также характеристики друзей и их оценки сильно отличаются [14, с. 348]. В той или иной степени основными общими определяющими признаками *дружбы* у этих двух народов являются *общность интересов, идентичность нравственных установок, духовная близость, честность, взаимная поддержка*.

Список литературы

1. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–58.
2. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые / Ф. И. Буслаев. – Москва : Русский язык, 1954. – 176 с.
3. Буянова Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – Москва : Наука; Флинта, 2012. – 184 с.
4. Буянова Л. Ю. Актуализация понятия «дружба» во фразеологических единицах русского языка / Л. Ю. Буянова, Е. А. Куц // *Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития*. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. – С. 131–134.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая ; пер. с англ. и предисл. А. Д. Шмелева. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
6. Григорьева А. И. 1000 русских и 1000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / А. И. Григорьева. – Москва : АСТ, Сова, 2010. – 192 с.
7. Емельянов Б. В. Русский менталитет: возможности толерантности / Б. В. Емельянов // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. – Екатеринбург : Уральский университет, 2003. – С. 51–59.
8. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах / Е. В. Иванова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – 280 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
10. Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Антология концептов : в 2 т.* – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – 348 с.
11. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – Москва, 1988. – 189 с.
12. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – Москва : Флинта; Наука, 2006. – 320 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: <https://rusphraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Хизова М. А. – Москва, 2005. – 198 с.

References

1. Babushkin A. P. Concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods for identifying them. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki = Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: Voronezh State University; 2001:52–58.
2. Buslaev F. I. *Russkie posloviцы i pogovorki, sobrannye i obyasnnyonnye = Russian proverbs and sayings, collected and explained*. Moscow: Russkiy yazyk; 1954:176 p.
3. Buyanova L. Yu. *Russkiy frazeologizm kak mentalno-kognitivnoe sredstvo yazykovoy kontseptualizatsii sfery moralnykh kachestv lichnosti = Russian phraseology as a mental-cognitive means of linguistic conceptualization of the sphere of moral qualities of a person*. Moscow: Nauka; Flinta; 2012:184 p.
4. Buyanova L. Yu. Updating the concept of “friendship” in phraseological units of the Russian language. *Aktualnye voprosy sovremennoy filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya = Current issues of modern philology: theory, practice, development prospects*. Krasnodar: Kuban State University; 2021:131–134.
5. Vezhbickaya A. *Sopostavlenie kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki = Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury; 2001:272 p.
6. Grigoreva A. I. 1000 russkikh i 1000 angliyskikh idiom, frazeologizmov i ustoychivyykh slovosochetaniy = 1000 Russian and 1000 English idioms, phraseological units and set phrases. Moscow: AST, Sova; 2010:192 p.
7. Emelyanov B. V. Russian mentality: possibilities of tolerance. *Filosofskie i lingvokulturologicheskie problemy = Philosophical and linguocultural problems of tolerance*. Ekaterinburg: Ural University; 2003:51–59.

8. Ivanova E. V. *Mir v angliyskikh i russkikh poslovitsakh = The world in English and Russian proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2006:280 p.
9. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis; 2004:390 p.
10. Popova Z. D., Sternin I. A. Main features of the semantic-cognitive approach to language. *Antologiya kontseptov: v dvukh tomakh = Anthology of concepts: in 2 volumes*. Volgograd: Paradigma; 2005;1:348 p.
11. *Russkie poslovitsy i pogovorki = Russian proverbs and sayings*. Ed. by V. P. Anikina. Moscow; 1988:189 p.
12. Sergeeva A. V. *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost = Russians: behavioral stereotypes, traditions, mentality*. Moscow: Flinta; Nauka; 2006:320 p.
13. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka = Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Available at: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (accessed: 05.05.2022).
14. Khizova M. A. *Kontsept "druzhiba" v russkoy i angliyskoy lingvokulturakh = The concept of "friendship" in Russian and English linguistic cultures*. Moscow; 2005:198 p.

Информация об авторах

С. А. Басел – аспирант;

Л. Ю. Буянова – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

S. A. Basel – postgraduate student;

L. Yu. Buyanova – Doctor of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 28.01.2024.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 28.01.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 23–29.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):23–29.

Научная статья
УДК 81

**КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ, СТРАТЕГИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПИСЬМА
И ОБЩЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

**Юлия Евгеньевна Беспалова^{1✉}, Зульфия Капизовна Тастемирова²,
Мария Владимировна Волкова³**

^{1–3}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹juliamyazina@yandex.ru✉

²zulfiyatastemirova@mail.ru

³mv-pitelina@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен корпусный анализ перифраз в научном дискурсе с акцентом на использование сложных лингвистических конструкций для передачи точных значений и научных концепций. Опираясь на обширный корпус академических текстов, в исследовании рассматриваются частота и функции перифрастических выражений в контексте научного письма с целью выявить закономерности употребления и пролить свет на их риторическое и коммуникативное значение. В анализе используется сочетание количественных и качественных методов для выявления повторяющихся перифрастических структур и анализа их семантических и прагматических свойств. Кроме того, в исследовании изучаются потенциальные последствия перифраз для научной коммуникации, особенно с точки зрения повышения точности, ясности и связности академического письма. Полученные результаты дают ценную информацию о роли перифраз в научном дискурсе и способствуют пониманию их лингвистических и риторических функций в контексте научной коммуникации. Данное исследование имеет значение для преподавания языка и академического письма, поскольку оно подчёркивает нюансы использования языка в научной коммуникации и потенциал использования перифрастических выражений для повышения ясности и точности академического дискурса.

Ключевые слова: анализ, корпусный анализ, перифраза, перефразирование, научный дискурс, академический текст

Для цитирования: Беспалова Ю. Е., Тастемирова З. К., Волкова М. В. Корпусный анализ перефразирования в научном дискурсе: закономерности, стратегии и последствия для улучшения письма и общения в академических кругах // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 23–29.

Original article

**CORPUS-BASED ANALYSIS OF PARAPHRASING IN SCIENTIFIC DISCOURSE:
PATTERNS, STRATEGIES, AND IMPLICATIONS FOR IMPROVING WRITING
AND COMMUNICATION IN ACADEMIC TEXTS**

Yulia E. Besspalova^{1✉}, Zulfia K. Tastemirova², Maria V. Volkova³

^{1–3}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹juliamyazina@yandex.ru✉

²zulfiyatastemirova@mail.ru

³mv-pitelina@mail.ru

Abstract. This article presents a corpus-based analysis of periphrases in scientific discourse, focusing on the use of complex linguistic constructions to convey precise meanings and scientific concepts. Drawing on an extensive corpus of academic texts, the study examines the frequency and functions of periphrastic expressions in the context of

scholarly writing, aiming to uncover patterns of usage and shed light on their rhetorical and communicative significance. The analysis employs a combination of quantitative and qualitative methods to identify recurrent periphrastic structures and analyze their semantic and pragmatic properties. Additionally, the study explores the potential implications of periphrases for scientific communication, particularly in terms of enhancing precision, clarity, and cohesion in academic writing. The findings offer valuable insights into the role of periphrases in scientific discourse and contribute to understanding of their linguistic and rhetorical functions in the context of scholarly communication. This research has implications for language teaching and academic writing as it highlights the nuanced use of language in scientific communication and the potential for leveraging periphrastic expressions to enhance clarity and precision in academic discourse.

Keywords: analysis, corpus analysis, periphrasis, paraphrasing, scientific discourse, academic text

For citation: Bepalova Yu. E., Tastemirova Z. K., Volkova M. V. Corpus-based analysis of paraphrasing in scientific discourse: patterns, strategies, and implications for improving writing and communication in academic texts. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):23–29 (In Russ.).

Использование перифраз в научной коммуникации имеет большое значение из-за их способности повышать ясность, точность и читабельность в техническом и сложном дискурсе. Перифразы, также известные как иносказания, включают использование нескольких слов для выражения одной концепции или идеи, часто заменяя одно слово более подробным или описательным выражением [4, с. 32].

В контексте научной коммуникации перифразы играют решающую роль в обеспечении точного и всестороннего изображения научных явлений, теорий и концепций. Они позволяют учёным и исследователям передавать сложные идеи в более доступной и понятной форме для различных аудиторий, включая других экспертов в этой области, студентов и широкую общественность. Расширяя и предоставляя дополнительную информацию о конкретных терминах или концепциях, перифразы могут помочь в эффективной передаче научных знаний.

Кроме того, использование перифраз в научных трудах и дискуссиях позволяет повысить точность и конкретность при передаче нюансов научной информации. Вместо того, чтобы полагаться исключительно на фиксированную терминологию, перифразы позволяют писателям и докладчикам предоставлять дополнительный контекст, уточнять значения и предлагать альтернативные объяснения, тем самым уменьшая вероятность двусмысленности и некорректного толкования в научном дискурсе.

Также перифразы могут быть полезны для учёта языкового разнообразия и устранения языковых барьеров в научном общении. При обсуждении научных концепций в глобальном контексте использование перифраз может помочь преодолеть языковые различия, обеспечивая эффективное общение, преодолевая различные языковые и культурные границы.

Более того, перифразы могут помочь в создании более интересных и доступных научных текстов, особенно при общении с неспециализированной аудиторией. Включая описательные и пояснительные элементы, перифразы могут сделать научный контент более интересным и понятным, тем самым способствуя большему интересу и пониманию среди читателей или слушателей, которые могут не обладать специальными знаниями в этой области.

В целом важность использования перифраз в научной коммуникации заключается в их способности повысить ясность, точность, доступность и инклюзивность при распространении научных знаний, что в конечном итоге способствует повышению научной грамотности и содействует эффективному общению внутри научного сообщества и за его пределами.

Задача перевода остаётся стилистической при всём многообразии переводимого материала: состоит из выбора лексики и грамматических

особенностей, которые определяют, с одной стороны, общие действия, ориентированные на оригинал и жанр, и, с другой стороны, гармонируют с этой нормой, при этом присутствуют соответствующие разновидности текстов переводного языка [1, с. 1233].

Рассмотрим количественные и качественные методы анализа перефразирования.

Количественные методы анализа перефраз предполагают систематический сбор и статистический анализ больших объёмов данных, связанных с перефразами. Это может включать подсчёт частоты перефраз в конкретном тексте или корпусе, выявление закономерностей и тенденций в их использовании, а также проведение статистических тестов для определения значимости любых наблюдаемых взаимосвязей. Количественные методы полезны для получения объективных и надёжных данных о частоте и распределении перефраз в данном тексте или языке.

С другой стороны, качественные методы анализа перефраз предполагают более интерпретативный и углубленный подход к пониманию их использования. Качественный анализ может включать внимательное чтение и тщательную интерпретацию отдельных случаев перефраз, а также рассмотрение более широких контекстуальных факторов, которые могут повлиять на их использование. Это может включать изучение семантических и прагматических функций перефраз, изучение их использования в различных жанрах дискурса или социальных контекстах, а также изучение отношения и восприятия пользователей языка к перефразам.

Как количественные, так и качественные методы имеют свои сильные и слабые стороны, когда дело касается анализа перефраз. Количественные методы обеспечивают более объективные и систематические средства изучения частоты и распределения перефраз, тогда как качественные методы предлагают более глубокое и детальное понимание их использования в конкретных контекстах. Использование комбинации обоих подходов может обеспечить более полное и целостное понимание перефраз в научной коммуникации.

В контексте научного дискурса перефразы часто используются для передачи сложных идей или предоставления дополнительных деталей, что делает их важной областью изучения лингвистов и исследователей.

У понятия «перефраз» есть большое количество её разновидностей [2, с. 12]. Понимание видов и частоты использования перефраз в научном дискурсе может дать ценную информацию об использовании языка и передаче научных концепций.

Количественные методы анализа типов перефраз в научном дискурсе обычно включают использование корпусной лингвистики, которая представляет собой исследование языка на основе больших коллекций текстов, известных как корпуса. Анализируя корпус научных текстов, исследователи могут выявить частоту различных типов перефраз и определить закономерности их использования. Это может включать подсчет встречаемости определённых перефраз или анализ их распределения в различных научных областях или дисциплинах.

Качественные методы анализа перефраз в научном дискурсе предполагают более глубокое изучение конкретных случаев перефраз для понимания их функций и значений. Это может включать внимательное чтение и лингвистический анализ научных текстов для определения контекстов, в которых используются перефразы, и выявления коммуникативных целей, которым они служат. Качественный анализ может также включать изучение синтаксических и семантических свойств перефрастических выражений, чтобы получить представление об их использовании и интерпретации.

Что касается типов перефраз, встречающихся в научном дискурсе, то они могут широко варьироваться в зависимости от конкретной области исследования и характера обсуждаемых научных концепций. Некоторые

распространённые типы перифраз в научном дискурсе включают те, которые используются для выражения сложной технической терминологии, иносказания, используемые для обеспечения дополнительного контекста или объяснения, а также номинализации, которые превращают глаголы или прилагательные в существительные. Кроме того, перифразы могут использоваться для передачи точности, избегания двусмысленности или разъяснения в научных текстах.

Частота перифраз в научном дискурсе также может варьироваться в зависимости от лингвистических особенностей используемого языка. Например, в английском языке перифраз часто используется для обозначения времени, вида и модальности, тогда как в других языках перифраз может быть более распространён для выражения других грамматических категорий или передачи определённых значений.

Анализ типов и частоты перифраз в научном дискурсе помогает понять, как язык используется для передачи сложных научных концепций, и получить представление о коммуникативных стратегиях, используемых учёными и исследователями. Как количественные, так и качественные методы могут использоваться для всестороннего понимания перифразов в этом контексте, что вносит ценный вклад в области лингвистики, анализа дискурса и научной коммуникации.

Перефразирование играет решающую роль в повышении читабельности и понятности научных текстов за счёт упрощения сложных идей и концепций.

Одна из основных функций перефразирования в научном дискурсе – передать информацию в более ясной и доступной форме. Перефразируя сложные научные термины или жаргонизмы более простым языком, писатели могут сделать свою работу более доступной для более широкой аудитории. Это особенно важно в научной коммуникации, поскольку позволяет исследователям распространять свои результаты среди более широкой читательской аудитории, в том числе среди тех, кто не имеет специального образования в этой области.

Например, в исследовательской статье, посвящённой генетике, исходное утверждение «Экзогенная ДНК была введена в организм хозяина через вирусный вектор» можно было бы перефразировать как «Внешняя ДНК была введена в организм хозяина с помощью вирусного носителя», что облегчило бы задачу понимания неспециалисту.

Перефразирование также помогает улучшить поток и связность научных текстов. Это позволяет авторам легко интегрировать информацию из различных источников, сохраняя при этом первоначальный смысл. Это помогает читателю следить за логическим развитием идей, не увязая в запутанном языке или технической терминологии. Например, в обзорной статье, в которой цитируются многочисленные исследования по конкретной теме, перефразированное резюме основных выводов каждого исследования может помочь читателю понять основные темы, не перегружаясь техническими деталями.

Кроме того, перефразирование может помочь сохранить информацию, закрепив ключевые моменты. Здесь важно упомянуть классификацию В. П. Москвина, который подразделяет перифразы по мере номинативной адекватности на: 1) точные, фиксирующие существенные признаки объектов (*подняться в воздух* – «взлететь», *подняться на ноги* – «встать»); 2) неточные, фиксирующие несущественные признаки объектов («царь зверей, лесная флейта, остров свободы») [3, с. 35]. Данные типы перифраз особенно важны в научном дискурсе, так как перефразирование в данной функции часто используется для пояснения сложных научных концепций, что облегчает учащимся изучение и усвоение представляемой информации. Когда авторы перефразируют сложные идеи более простым языком, это может помочь читателям лучше понять и запомнить содержание.

Здесь необходимо отметить, что функции и эффекты перефразирования в научных текстах заключаются в упрощении сложных идей, улучшении читаемости, повышении связности и помощи в сохранении информации. Эффективно используя перефразирование, авторы могут более доступно донести свои выводы до более широкой аудитории, сохраняя при этом целостность исходного содержания. Научное письмо предполагает передачу сложной информации в ясной и краткой форме, и последствия результатов исследований могут сильно повлиять на то, как это достигается.

Одним из следствий является необходимость точности и аккуратности в научных трудах. Исследователи должны гарантировать, что их выводы точно представлены и ясно доведены до аудитории. Это может включать тщательный выбор языка, предоставление конкретных деталей и использование соответствующей терминологии для эффективной передачи результатов. Например, в исследовании воздействия изменения климата на морскую жизнь следует использовать точные и точные формулировки для описания конкретных наблюдаемых последствий, а не общие или двусмысленные термины.

Ещё одним следствием является важность информирования об актуальности и значимости результатов. Исследователи должны эффективно сообщать о практических последствиях своей работы, демонстрируя, как их результаты способствуют существующему объему знаний или как их можно применить в реальных сценариях. Например, исследование потенциального нового метода лечения конкретного заболевания должно чётко обозначить последствия полученных результатов для будущих медицинских вмешательств.

Кроме того, исследователям необходимо учитывать аудиторию при сообщении своих выводов. Понимание уровня опыта и знаний аудитории имеет решающее значение для правильной адаптации стиля и языка письма. Научные писатели должны стремиться найти баланс между предоставлением технических подробностей и обеспечением доступности контента для более широкой аудитории. Например, статья о передовых физических концепциях для общенаучной публикации должна быть представлена таким образом, чтобы её содержание было понятно неспециалистам, но без чрезмерного упрощения результатов.

Таким образом, перифразы играют решающую роль в повышении ясности и связности научного дискурса. В научной литературе перифразы используются для косвенного обозначения понятий, идей или объектов путём их более окольного описания. Это может помочь избежать повторов или двусмысленности, обеспечить дополнительный контекст и улучшить общий поток текста. Вот несколько примеров того, как перифразы можно использовать для улучшения научного письма:

1. *Избегание повторов.* Перифразы могут помочь учёным избежать повторного использования одной и той же терминологии, которая может стать монотонной для читателя. Например, вместо того, чтобы неоднократно использовать термин «глобальное потепление» в научном отчёте, исследователь может использовать такие перифразы, как «повышение средней глобальной температуры» или «продолжающаяся тенденция изменения климата». Это не только не даёт читателям заскучать, но и предоставляет альтернативные описания, которые могут помочь укрепить понимание.

2. *Добавление контекста.* Перифразы могут обеспечить дополнительный контекст или описательные детали, что особенно полезно при обсуждении сложных научных концепций. Например, в научной статье о редактировании генов могут использоваться перифразы, такие как «манипулирование генетическим материалом на молекулярном уровне» или «целевая модификация последовательностей ДНК», чтобы обеспечить более четкое и подробное объяснение предмета.

3. *Повышение связности.* Перифразы могут связывать концепции и идеи, улучшая общую связность научного дискурса. Они могут служить

связующими звеньями между различными частями текста, помогая создать более связное и плавное повествование. Например, в исследовательской работе, в которой обсуждается влияние вырубки лесов на биоразнообразие, такие перифразы, как «разрушение естественной среды обитания» или «вырубка лесов для сельскохозяйственных целей», могут помочь связать воедино различные аспекты исследования.

4. *Точность и ясность.* Используя перифразы, учёные могут точнее передать конкретные значения. В некоторых случаях перифразы могут помочь прояснить абстрактные или сложные концепции, предоставляя больше деталей и конкретики.

Здесь необходимо отметить, что перифразы очень ценны в научной литературе, поскольку они способствуют ясности, связности и точности сообщения. Они предотвращают дублирование, обеспечивают дополнительный контекст, улучшают поток информации и в конечном итоге улучшают общую читабельность и понимание научного дискурса. Эффективно используя перифразы, учёные могут создавать чёткие и связные повествования, которые эффективно доносят сложные идеи и открытия до своей аудитории.

Потенциальные применения перифраз в преподавании языка и академическом письме многочисленны, поскольку данные области тесно связаны и часто дополняют друг друга. Вот некоторые из ключевых областей, где можно наблюдать потенциальное применение:

1. Обучение языку:

- Преподавание языка можно значительно улучшить за счёт использования технологий, в том числе искусственного интеллекта, чат-ботов и приложений для изучения языков. Эти инструменты могут обеспечить персонализированную обратную связь и помощь учащимся, помогая им улучшить свои языковые навыки, включая грамматику, словарный запас и письмо.

- Виртуальная реальность и дополненная реальность могут создать захватывающий опыт изучения языка, позволяя учащимся взаимодействовать в реальных жизненных ситуациях и практиковать свои языковые навыки в динамичной и интерактивной среде.

- Онлайн-платформы и социальные сети могут быть ценными ресурсами для изучающих язык, предоставляя аутентичные материалы и возможности для общения с носителями языка.

2. Академическое письмо:

- Технологии также можно использовать для поддержки академического письма с помощью таких инструментов, как средства проверки грамматики, детекторы плагиата и программное обеспечение для управления цитированием, которые помогают студентам и исследователям улучшить качество и целостность своей работы.

- Можно предложить семинары и курсы по академическому письму, чтобы помочь студентам развить критическое мышление, исследовательские навыки и эффективное общение, укрепляя их уверенность и компетентность как научных писателей.

- Платформы для сотрудничества и экспертной оценки могут облегчить обмен идеями, отзывами и ресурсами между академическими писателями, создавая поддерживающее и конструктивное сообщество для распространения знаний.

В заключение отметим, что потенциальное применение преподавания языка и академического письма разнообразны и развиваются, при этом технологии играют всё более важную роль в формировании будущего образования и научной коммуникации. Используя эти приложения, преподаватели и студенты могут улучшить свои языковые навыки, навыки письма и повысить вклад в науку.

Полученные в ходе анализа результаты дают ценную информацию о роли перифраз в научном дискурсе и способствуют пониманию их лингвистических функций в контексте научной коммуникации. Данное исследование имеет значение для преподавания языка и академического письма, поскольку оно подчёркивает нюансы использования языка в научной коммуникации и потенциал использования перифрастических выражений для повышения ясности и точности академического дискурса.

Список источников

1. Арямнова В. В. Принципы перевода деловой документации на английский язык / В. В. Арямнова, Ю. Е. Беспалова // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. – Орел : Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2022. – С. 1231–1238.
2. Гонзина Н. М. К вопросу о классификации перифраз / Н. М. Гонзина, Ю. Е. Мязина // Гуманитарные исследования. – 2013. – Т. 1 (45). – С. 12–15.
3. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
4. Чередниченко Ю. Е. О перифрастической номинации / Ю. Е. Чередниченко, А. С. Чухонкина // Наука и практика в XXI веке. – Астрахань : Астраханский университет, 2019. – Вып. 2. – С. 29–32.

References

1. Aryamnova V. V., Bepalova Yu. E. Principles of translating business documentation into English. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii = Current issues of linguistics and linguo-didactics in the context of intercultural communication*. Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev; 2022:1231–1238.
2. Gonzina N. M., Myazina Yu. E. On the issue of classification of periphrases. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2013;1(45):12–15.
3. Moskvina V. P. *Vyrazitelnye sredstva sovremennoy russkoy rechi: Tropy i figury. Obshchaya i chastnye klassifikatsii. Terminologicheskii slovar = Expressive means of modern Russian speech: Paths and figures. General and private classifications. Terminological dictionary*. Moscow: LENAND; 2006:376 p.
4. Cherednichenko Yu. E., Chukhonkina A. S. *About periphrastic nomination. Nauka i praktika v XXI veke = Science and practice in the XXI century*. Astrakhan: Astrakhan State University; 2019;2:29–32.

Информация об авторах

- Ю. Е. Беспалова** – кандидат филологических наук;
З. К. Тастемирова – старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций;
М. В. Волкова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

- Yu. E. Bepalova** – Candidate of Philological Sciences;
Z. K. Tastemirova – Senior Lecturer at the Department of English Language and Professional Communications;
M. V. Volkova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 28.01.2024.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 28.01.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 30–35.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):30–35.

Научная статья
УДК 811.112

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ АНТРОПОНИМИКОНА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Бутова Анна Владимировна^{1✉}, Сапон Евгений Александрович^{2©}

^{1, 2}Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹ annb.79@mail.ru✉

² evgeniysapon1@gmail.com

Аннотация. В статье описано развитие и становление антропонимической системы в немецком языковом пространстве. Современная антропонимическая система немецкого языка находится в развитии, однако основные законы и мотивы имянаречения чётко очерчены и сформированы. Антропонимы занимают исключительное положение в каждом языке. Отдельные имена, отчества, фамилии составляют особую часть лексической системы, в рамках которой они функционируют, но в то же время подвержены изменениям, происходящим в обществе. В антропонимических единицах отражаются не только изменения в языке, но и историко-культурное развитие и характер народа. Современный состав антропонимикона немецкого языка состоит из множества онимов, которые могут рассказать об истории и культуре народа. Именно поэтому изучение личных имён не теряет своей актуальности. Все изменения, происходящие в обществе десятилетиями, сохранились в коннотативном потенциале личного имени. Актуальность данного исследования определяется постоянным интересом связи личных имён и социальных изменений. Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что полученная информация может быть использована как основа для дальнейшего сопоставительного изучения антропонимического материала или в учебной практике в связи с проблемами немецкой антропонимики.

Ключевые слова: личное имя, оним, коннотация, история, антропонимикон, немецкий язык, социальные изменения

Для цитирования: Бутова А. В., Сапон Е. А. Особенности становления антропонимикона немецкого языка // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 30–35.

Original article

GERMAN ANTHROPONYMYCON: ASPECTS OF FORMATION

Anna V. Butova^{1✉}, Evgeny A. Sapon²

^{1, 2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹ annb.79@mail.ru✉

² evgeniysapon1@gmail.com

Abstract. The article describes the development and formation of the anthroponymic system in the German language space. The modern German anthroponymic system is in development, but the basic laws and motives for naming are clearly outlined and formed. Anthroponyms occupy an exceptional position in every language. Individual names, patronymics, and surnames constitute a special part of the lexical system, in which they function, but at the same time are subject to changes occurring in society. Anthroponymic units reflect not only language changes, but also the historical and cultural development and character of the people. The modern composition of the German anthroponymicon consists of many onyms that can talk about people history and culture. That is why the study of personal names does not lose its relevance. All the changes that have been taking place in society for decades have been preserved in the connotative potential of a personal name. The relevance of the study is determined by the constant interest in the connection between

personal names and social changes. The practical significance of the work lies in the fact that the information obtained can be used as a basis for further comparative study of anthroponymic material or in educational practice in connection with the problems of German anthroponymy.

Keywords: personal name, onym, connotation, history, anthroponymicon, German, social changes

For citation: Butova A. V., Sapon E. A. German anthroponymicon: aspects of formation. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):30–35 (In Russ.).

Введение. Классификация имён представляет собой особенно сложную проблему ономастических исследований, однако фундаментальная дихотомия, основанная на различных функциях, в значительной степени бесспорна. Это было лаконично сформулировано Эрнстом Ганзаком: «Имя служит обозначением для индивидуума, в отличие от апеллятива, который функционирует как обозначение класса» [7, с. 51]. Вопрос о классификации нарицательных и собственных имён является основой ономастической теории. Данный факт связан с процессами онимизации нарицательных слов и деонимизации – собственных имён.

«Личное имя (личный оним) отличается от других имён собственных характером индивидуализации объекта. Личные имена повторяются, что заставляет давать дополнительные именованья, например фамилии и отчества, характерные для русского именника (*Аверкин Андрей Иванович, Авдотьева Агрипина Васильевна*), или же использовать многокомпонентные антропонимы, как в немецком антропонимиконе (*Wolfgang Franz Albert Müller*), или личное и среднее имена в англоязычных антропонимах (*Reginald Kenneth Dwight, Norma Jean Backer*)» [2, с. 16–17].

Для эпохи становления именника языка характерна одноимённость, то есть человеку при именнаяречении давался лишь один оним. Позже сложилась двучленная антропонимическая система.

Личные имена германского происхождения имеют долгую историю. Такие имена, как *Catumer* или *Segimund*, засвидетельствованы авторами около 100 г. н. э. Рунические надписи также являются важным свидетельством имён, как и старые имена на монетах и в германской поэзии или других текстовых памятниках. «Германские личные имена, традиция которых начинается с римских писателей, морфологически делятся на два основных класса: двусоставные (*Fried-rich*) и односоставные (*Fried, Frieda, Fritz*)» [6].

Двусоставные германские имена и их особенности. Во многих именах древнегерманского происхождения обнаруживается два элемента в этимологической основе. Двухосновные личные имена появились в IV в., при этом имятворчество данного этапа становления именника характеризуется соединением двух нарицательных слов, например *Regiswinde: ragin* «крыса» + *swind* «сильный, правый». Немецкий ономаст Адольф Бах приводит следующие комбинации, характерные для древнегерманского антропонимикона:

- существительное + существительное: *Helm-ger, Wolf-ram*;
- существительное + прилагательное: *Gund-berhat, Diet-mar*;
- прилагательное + существительное: *Bald-win, Berht-ram*;
- прилагательное + прилагательное: *Hart-lieb, Bald-hart* [5].

Форма двусоставных личных имён была сложна как для произношения, так и для восприятия в повседневном неофициальном общении, поэтому стали появляться дериваты личных имен с различной коннотативной нагрузкой. Существовали несколько вариантов усечения имени:

- *Короткие формы, содержащие только одну их частей двухкомпонентного имени.* В этих формах в качестве имени используется только один член полной формы. В этом случае при усечении полной формы онима может

использоваться либо как первый член (*Wolf* – полная форма *Wolf-braht*) или же второй (*Brand* – полная форма *Hilde-brand, Her-brand*).

Могут наблюдаться и другие, вероятно, экспрессивно коннотированные формы: удвоение конечного согласного (например, *Friddo* – *Frid-o* – полная форма *Frid-rich*), удвоение согласных и замена глухих согласных на звонкие (*Fritto* на *Friddo*).

- *Усечение первого и второго компонентов.* Данные онимы были созданы путём сокращения обеих частей имени. Различают ложные краткие формы (например, от *Gerhart* до *Gert*) и настоящие краткие формы, которые отвечают следующим правилам: первая часть остаётся неизменной, а от второго компонента остаётся только одна буква, кроме того, добавляются специфические для указания пола морфемы: мужской род *-o* или женский род *-a* (например, *Thiot-burg* в *Thio-b+a, Sigi-beraht* в *Si-b+o*).

- *Краткие формы с использованием суффиксов.* Часто использовались суффиксы или производные от кратких форм, особенно для уменьшительно-ласкательных форм имени:

-i(n) (*Kuon-i für Kuon*);

-z- (*Friedrich zu Fritz, Kuonrat zu Kunz*);

-k-, -(i)ko / -(i)ka (*Rein-iko*);

-l-, -(i)lo / -(i)la (*Gund-ila zu Gundel*);

-ing / -ung (*Bald-ung, Brun-ing*).

Следует отметить, что комбинации элементов с одним и тем же начальным звуком (например, *Mann+Mut*) были в значительной степени необычными, с рифмованными (например, *Wald+Bald*) и начальными гласными именами (например, *Eberhart*) встречались редко.

Существует также более молодой слой онимов, называемый вторичными образованиями, в которых лежащее в их основе лексическое значение не столь понятно.

Исследователи древнегерманского антропонимикона [1; 3] выделяют следующие семантические группы:

- по второму компоненту:

– сема «война»: *Argi-bad* (*baduz*, борьба);

– сема «названия племени»: *Ker-wentil* (*wentil* – вандалы);

– сема «правитель»: *Gund-oald (-wald)* (*waldaz* – принц, *waltan* – править);

– сема «слуга»: *Gott-schalk (-skalkaz)* – слуга);

– сема «внешность»: *Ago-bard (bart)* – борода);

– сема «животное»: *Atha-ulf* (ahd. *Wolf* – волк);

- по первому компоненту:

– сема «пространство»: *Land-wald* (земля);

– сема «право»: *Dom-frith* (суд);

– сема «народ»: *Folk-mar* (народ) [9].

Отражение гендера в личных именах. Гендер древнегерманских личных имён был выражен посредством второго компонента имени. Первый компонент имени выступал в роли определения. Второй компонент был гендерноопределяющим:

– мужские имена: *-bald, -bert / -brecht, -hart, -mar*;

– женские имена: *-swind* [8].

В качестве первого элемента одни и те же существительные могут встречаться в мужских и женских именах (*Siegwart* – мужское имя, *Sieglinde* – женское имя).

Христианские имена и имена святых. В XI–XII вв. в Европу приходит христианство, и антропонимикон Средневековья обогащается большим количеством имён святых. Имянаречение в часть святых было основано на связи с крестовыми походами, почитании святых [10].

Среди имен иностранного происхождения преобладали имена святых греческого, латинского и еврейского происхождения. Появились и многосложные

имена, которые существенно отличались от исконных двухкомпонентных онимов, поначалу это было особенно заметно в женских именах (*Magdalena, Christina*).

Самый древний слой состоит из библейских имён, которые были очень популярны среди городского среднего класса и олицетворяли постоянство религии, – это имена из Ветхого и Нового Заветов. В качестве особо популярных можно назвать такие имена, как *Daniel, Samuel, David, Elisabeth* из Ветхого Завета. Распространению таких имен, вероятно, также способствовали ирландские и англо-саксонские миссионеры. Единственное имя из Нового Завета, большая популярность которого документально подтверждена в раннем Средневековье, – это оним *Stephan*. Это связано с тем, что Папа Стефан посетил Францию в 753 г. С тех пор это имя было очень распространено среди западно-франкской знати, а затем проникло оттуда в немецкоязычные области. Следует также отметить, что имена таких известных апостолов, как Павел и Матфей, не были так распространены, как *Phillipus* или *Paulus* [11].

В период позднего Средневековья всё чаще присваивались имена святых и иностранные имена. Одними из самых распространённых женских имён того периода считались *Margareta, Katharina, Elisabeth*, а мужскими именами – *Nikolaus, Johannes*.

В начале XVI в. произошли различные изменения в наречении именами святых, в частности это связано с мотивами выбора имени у протестантов и католиков. В протестантских районах Германии (Северная, Центральная и Западная Германия) ветхозаветные имена стали основными при имянаречении.

Также следует уточнить, что с XVII по XIX в. были характерны онимы, в состав которых входил компонент *-gott*. Причём это мог быть как первый, так и второй компонент антропонима: *Gottlieb, Traugott*.

Полные формы онимов, отказ от ветхозаветных имён, популяризация христианских имён были типичны для католиков. Кроме того, выделялись имена святых, канонизированных после контрреформации (*Ignatius von Loyola, Theresia von Avila*) [13].

Большинство иностранных имён, не принадлежащих исконным немцам, являются именами древнееврейского и греко-латинского происхождения. В целом древнегреческие имена имеют структуру, сравнимую с германскими именами. Чаще всего они составные и имеют двухчленную структуру. Многие германские имена имеют соответствие в греческих именах и относятся к разным областям, например, к славе, борьбе и победе, храбрости, религии и т. д.

Сегодня особенно популярны в Германии следующие имена греческого происхождения: *Sebastian, Alexander, Elena, Sophie*.

Основное отличие латинских имён от германских и греческих состоит в том, что у римлян было не одно, а три имени: *Publius Ovidius Naso* (народный, из рода Овидия, с большим носом).

Онимы иностранного происхождения. Влияние иностранного языка сыграло большую роль в формировании современного немецкого ономастикона. В XVIII–XIX вв. превосходство французской и английской культуры привело к заимствованию таких онимов, как: *Eduard, Emil, Louis, Babette, Charlotte, Henriette, Luise; Alfred, Edgar, Harry, Betty, Edith, Fanny*.

В XIX в. антропонимикон немецкого языка пополнился именами славянского происхождения: *Feodor, Olga, Wanda, Ludmilla, Sonja*.

Двойные формы, такие как *Anneliese, Annemarie, Hannelore, Heidelinde, Marlies, Rosemarie, Karlheinz*, появились в двадцатых и тридцатых годах XX в. [4].

Рост национального самосознания в течение XIX в., особенно после основания Рейха в 1871 г., а также ситуация в период Первой мировой войны, способствовали обращению к старым немецким именам (*Dieter, Eberhard, Friederich, Gerhard, Günt(h)er, Hartmut, Heinrich, Helmut, Horst, Rainer, Reinhard, Reinhold, Siegfried, Ulrich, Volker, Winfried, Wilfried, Wilhelm*,

Wolfgang, Almut, Dietlind, Elfriede, Gerlinde, Gertrud, Gisela, Gudrun, Hildegard, Irmgard, Sieglinde, Ulrike, Ute, Waltraud) [8].

Ещё до окончания Второй мировой войны было объявлено об изменении, которое стало очевидным после 1945 г. и сформировало немецкий именной фонд до настоящего времени: реактивация христианских и древних имён, таких как *Alexander, Claudia, Andreas, Christian, Michael, Peter, Stefan, Thomas; Andrea, Barbara, Gabriele, Martina, Monika, Petra* [12].

Заключение. Имена собственные образуют специфический слой лексики каждого отдельного языка и в определённой степени воплощают важные характеристики языка или этнической общности в её исторической закреплённости. Многие из них в той или иной степени передают национальный колорит языка, а также своеобразные взгляды на жизнь народа или определённые особенности его менталитета и национального самосознания. Германские личные имена принадлежат к древнейшему классу имён. Состав антропонимикона является отражением картины мира древнегерманского социума, а значит, являются предметом исследования не только лингвистики, но также социологии, истории, архивоведения.

Список источников

1. Бутова А. В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе / А. В. Бутова // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2020. – С. 1134–1136.
2. Ермаченко М. И. К общей теории имени собственного / М. И. Ермаченко // Учёные записки Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореца. Вопросы романо-германской филологии. – Москва, 1970. – Т. 55. – С. 24–37
3. Дубских А. И. Гендерная маркированность немецких личных имён / А. И. Дубских, О. В. Кисель, А. В. Бутова // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (82). – С. 37–42.
4. Суперанская А. В. Имя нарицательное и собственное / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1978. – 207 с.
5. Цой А. С. Антропоцентрическая лексикография: теоретическое обоснование и перспективы развития / А. С. Цой // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 1 (206). – С. 43–48.
6. Bach A. Die deutschen Personennamen / A. Bach. – Berlin : Walter de Gruyter, 1943.
7. Greule A. Morphologie und Wortbildung der Vornamen: Germanisch / A. Greule // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. Teilband. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1996. – 2. Bd. – S. 1182.
8. Hansack E. Das Wesen des Namens / E. Hansack // Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik / von Brendler, Andrea und Silvio. – 1. Auflage. – Hamburg : Baar-Verlag, 2004. – S. 51–65.
9. Horst N. Das kleine Vornamenbuch / N. Horst. – Leipzig, 1970. – 176 S.
10. Kohlheim R. Lexikon der Vornamen. Herkunft, Bedeutung und Gebrauch von über 6000 Vornamen / R. Kohlheim. – Mannheim, 2004. – 480 S.
11. Koss G. Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik / G. Koss. – 3., aktualisierte Aufl. – Tübingen : Niemeyer (Germanistische Arbeitshefte, 34), 2002. – S. 200.
12. Seibicke W. Vornamen und Kulturgeschichte / W. Seibicke // Gardt, Andreas; Haß-Zumkehr, Ulrike; Roelcke, Thorsten (Hg.). Sprachgeschichte als Kulturgeschichte. – Berlin : de Gruyter (Studia linguistica Germanica, 54), 1999. – S. 59–72.
13. Seibicke W. Vornamen / W. Seibicke. – 3., vollst. überarb. Aufl. – Frankfurt am Main : Verl. für Landesamtswesen, 2002. – S. 39.
14. Sonderegger, S. Prinzipien germanischer Personennamengebung / S. Sonderegger // Geuenich D., Haubrichs W., Jarnut J. (Hrsg.). Nomen et gens. Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen. – Berlin; New York, 1987. – 2309 S.

References

1. Butova A. V. Self-presentation of the subject in mass media discourse. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i obrazovaniya = Modern problems and prospects for the development of science, technology and education*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov; 2020: 1134–1136.
2. Ermachenko M. I. On the general theory of proper names. *Uchonyye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni M. Toreza. Voprosy romano-germanskoj filologii = Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Thorez. Questions of Romano-Germanic Philology*. 1970;55:24–37
3. Dubskikh A. I., Kisel O. V., Butova A. V. Gender Markedness of German Personal Names. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(82):37–42. doi: 10.54398/18184936_2022_2_37.
4. Superanskaya A. V. *Imya naritsatelnoe i sobstvennoe = Common and proper names*. Moscow: Nauka; 1978:207 p.
5. Tsoy A. S. Anthropocentric lexicography: theoretical justification and development prospects. *Russkiy yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2008;1(206):43–48.
6. Bach A. *The German personal names*. Berlin: Walter de Gruyter; 1943.
7. Greule A. Morphology and word formation of first names: Germanic. *Name research. An international handbook on onomastics. Partial band*. Berlin, New York: Walter de Gruyter; 1996;2:1182.
8. Hansack E. The nature of the name. *Types of names and their research. A textbook for the study of onomastics*. 1st ed. Hamburg: Baar-Verlag; 2004:51–65.
9. Horst N. *The little first name book*. Leipzig: 1970:176 p.
10. Kohlheim R. *Lexicon of first names. Origin, meaning and use of over 6000 first names*. Mannheim: 2004:480 p.
11. Koss G. *Name research. An introduction to onomastics*. 3rd. Tübingen: Niemeyer (Germanistische Arbeitshefte, 34); 2002:200.
12. Seibicke W. First names and cultural history. *Gardt, Andreas; Hate conversion, Ulrike; Roelcke, Thorsten (ed.). Language history as cultural history*. Berlin: de Gruyter (Studia linguistica Germanica, 54); 1999:59–72.
13. Seibicke W. *First names*. 3rd ed. Frankfurt am Main: Publisher for Registry Offices; 2002:39.
14. Sonderegger S. Principles of Germanic personal naming. *Noun et gens. On the historical significance of early medieval personal names*. Ed. by D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin; New York; 1987:2309 p.

Информация об авторах

А. В. Бутова – кандидат филологических наук;
Е. А. Сапон – аспирант.

Information about the authors

A. V. Butova – Candidate of Philological Sciences;
E. A. Sapon – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 19.12.2023 .

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 36–45.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):36–45.

Научная статья
УДК 81

КОМОНИМЫ В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

Веклич Марина Владимировна©

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, mveklich@mail.ru

Аннотация. Комонимы, являясь разновидностью топонимов, отражают языковую картину мира народов, сосуществующих веками на одной территории. Тема исследования – место комонимов в поликультурном пространстве Володарского района Астраханской области. Цель работы – описание лингвокультурных особенностей и способов номинации населённых пунктов. Предмет исследования – изучение семантики, структуры и культурного компонента комонимикона на территории района. Для достижения цели исследования использовались описательный, этимологический, компонентный методы проведения работы, которые позволили сделать следующие выводы: комонимическая система Володарского района Астраханской области отражает картину мира народов, заселяющих эту территорию на протяжении веков; своеобразие номинации населённых пунктов исследованного региона состоит в совмещении признаков типологически и генетически разных языков; володарские комонимы, демонстрируя, с одной стороны, поликультурную палитру добрососедства, а с другой – своеобразие местной речи, позволяют установить специфику этно- и глоттогенеза данной территории. Результаты работы могут быть полезны лингвистам, фольклористам, историкам, краеведам, географам, этнографам, культурологам при создании топонимических, исторических словарей, справочников.

Ключевые слова: топонимы, комонимы, комонимикон, языковая картина мира, этногенез, глоттогенез, типология языков

Для цитирования: Веклич М. В. Комонимы на поликультурной палитре Володарского района Астраханской области // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 36–45.

Original article

COMONYMS IN THE VALUE-SEMANTIC SPACE OF LANGUAGE

Marina V. Veklich

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, mveklich@mail.ru

Abstract. Comonyms, being a type of toponyms, reflect the linguistic picture of the world of peoples coexisting for centuries on the same territory. The topic of the study is the place of comonyms in the multicultural space of the Volodarsky district of the Astrakhan region. The purpose of the work is to describe the linguistic and cultural features and methods of nominating settlements. The subject of the research is the study of the semantics, structure and cultural component of the comonimicon in the region. To achieve the goal of the study, descriptive, etymological, component methods of work were used, which allowed us to draw the following conclusions: the comonymic system of the Volodarsky district of the Astrakhan region reflects the picture of the world of the peoples inhabiting this territory for centuries; the uniqueness of the nomination of settlements in the studied region lies in the combination of features of typologically and genetically different languages; Volodar comonyms, demonstrating, on the one hand, the multicultural palette of good neighborliness, and on the other, the originality of local speech, make it possible to establish the specifics of the ethno- and glottogenesis of this territory. The results of the work may be useful to linguists, folklorists, historians, local historians, geographers,

ethnographers, and cultural experts when creating toponymic and historical dictionaries and reference books.

Keywords: toponyms, comonyms, comonymicon, linguistic picture of the world, ethnogenesis, glottogenesis, language typology

For citation: Veklich M. V. Comonyms in the value-semantic space of language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):36–45 (In Russ.).

Немалый интерес в топонимии Астраханской области представляют комонимы – названия населённых пунктов (сельских поселений), которые дают наглядную и яркую топонимическую картину истории заселения края различными народами с самых древнейших времен. Вопросам историко-лингвистического краеведения Володарского района Астраханской области были посвящены, например, работы М. А. Кирокосьяна [4; 5].

Характерной особенностью комонимов района является их существенное отличие от названий географических объектов. Так, в большинстве случаев названия населённых пунктов моложе, чем названия рек, протоков, ериков и бугров. Первые поселенцы из беглых казаков и крестьян, кочевников-скотоводов в основном заселялись на берегах рек, на островах и буграх, которые уже имели древние названия или получали наименования ранее самих поселений [3, с. 21].

Кроме того, если названия природных объектов, как правило, складывались стихийно, то названия населённых пунктов чаще всего подвергались официальному воздействию. В России все изменения в наименованиях поселений в законодательном порядке стали проходить с XVIII в., а в XIX в. были изданы «Списки населённых мест, составленные по губерниям». По Астраханской губернии такие списки появились лишь в 1861 г. [4, с. 15].

Цель данной работы – описание лингвокультурных особенностей и способов номинации володарских населённых пунктов. Предмет исследования – семантика, структура и культурный компонент комонимикона на территории района.

Источником исследовательского материала послужили: интернет-ресурс «База населённых пунктов РФ» [2], историко-топонимический справочник М. А. Кирокосьяна «Населённые пункты Володарского района Астраханской области» [5], словарь Г. А. Лосева и М. А. Кирокосьяна «Астраханские словечки» [6].

В Володарском районе находится 75 населённых пунктов, на территории которых проживают представители более 24 национальностей, преобладают казахи и русские [1]. Этническая палитра данного региона многокомпонентна, что связано со спецификой заселения, историей и эволюцией культурных связей.

Комонимы с точки зрения происхождения не являются однородными, представлены несколькими группами. Их выделение объясняется социальными и политическими трансформациями в обществе.

1. Комонимы русского происхождения. Эти комонимы составляют самую многочисленную группу – 80 % от общего числа. Если проследить историю заселения данной местности, то можно установить, что русские стали селиться здесь только с середины XVI в. по указу Ивана Грозного после присоединения Астрахани. С этого времени начинает формироваться русский топонимический пласт. Это обстоятельство стало причиной того, что производящие основы для создания комонимов принадлежат к разным языковым группам: тюркские (казахский язык), славянские (русский язык), монгольские (калмыцкий язык) и др. Некоторые комонимы русского происхождения рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1 – Производные комонимы русского происхождения

Комоним	Этимология	Буквальное (этимологическое / дотопонимическое) значение	Русский топоформант	Топонимическое значение (прямое географическое значение)
<i>Береговой</i>	Прилагательное <i>береговой</i> указывает на береговое расположение поселения	Прилагательное <i>береговой</i> указывает на береговое расположение поселения	Субстантивация	Посёлок, расположенный на берегу
<i>Болдырево</i>	Название от ногайского <i>балдырь</i> и калмыцкого <i>балдр</i> – «полукровка, метис»	Помесь от русского и калмычки: множество смешанных браков в селе	-ево	Село
<i>Кошеванка</i>	В основе названия – тюркский термин <i>кош</i> (<i>кос</i>) – «временное жильё», «кочёвка»	Временная зимняя стоянка кочевников	-ка	Село
<i>Сармантаевка</i>	Название по имени бая Сармантая, где каз. <i>сара</i> – «светлый» и <i>Мантай</i> – личное имя	Первопоселенец Мантай светлой внешности	-евка	Село, основанное первопоселенцем по имени Мантай светлой внешности
<i>Тулугановка</i>	Название от тюркского <i>тулга</i> , <i>тулуга</i> – <i>шлем</i> , <i>защитный головной убор</i>	Защитный шлем – родовая тамга ногайцев, основных жителей данного села	-овка	Село
<i>Паромный</i>	Названо по расположению на месте переправы через протоку Чурка, от русского термина <i>паром</i>	Имеющий отношение к: <i>паром</i> – «плавсредство, предназначенное для перевозки людей и транспортных средств через водную преграду»	-н-	Посёлок, расположенный на месте переправы через протоку
<i>Марфино</i>	Названо по имени помещицы Марфы Васильевны Балк, основавшей село в конце XIX в.	Принадлежащий Марфе Васильевне Балк	-ино	Село, основанное Марфой Васильевной Балк

Как видим, производящие основы могут быть разного происхождения (тюркского, славянского, монгольского), но образуя топоним вместе с топоформантом, производное слово приобретает топонимическое значение и «отрывается от своего прежнего значения», этимология при этом либо остаётся «прозрачной» [7, с. 58], либо полностью гасится.

2. Комонимы иноязычного происхождения. Данная группа менее представительна, т. к. включает 10 % анализированных языковых единиц. Названия многих сёл Володарского района связаны с тюркскими, монгольскими языками. Коренным населением региона являлись кочевые народности – казахи, татары, ногайцы, калмыки, постепенно переходившие к оседлому образу жизни. Значительную часть володарского комонимикона составляют лексемы тюркского происхождения (примеры из других языков единичны, отдельно не рассматриваются), некоторые из них представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Комонимы тюркского происхождения

Комоним	Этимология	Буквальное (этимологическое / дотопонимическое) значение	Топонимическое значение (прямое географическое значение)
<i>Актюбе</i>	В основе названия тюркские слова <i>ак</i> – «белый» и <i>тобе</i> (<i>тюбе</i>) – «холм, бугор»	Белый бугор	Село
<i>Алтынжар</i>	В основе названия тюркские слова <i>алтын</i> – «золотой» и <i>жар</i> – «обрыв», «яр»	Золотой берег; связано с находкой в кургане древних золотых изделий	Село
<i>Ахтерек</i>	В основе названия тюркское <i>ак</i> – «белый», <i>терек</i> – «дерево»	Белое дерево – тополь, характерное для этих мест	Село
<i>Егин-Аул</i>	Название от каз. <i>егин</i> – «посевы, урожай» и тюрк. <i>аул</i> – «селение»	Поселение растениеводов	Село
<i>Кара-Бирюк</i>	Название от диалектного тюркского слова <i>бирюк</i> – «волк-одиночка» и <i>кара</i> – «чёрный»	Чёрный волк-одиночка; типичный обитель этих мест	Село
<i>Кзыл-Тан</i>	В основе названия тюркские слова <i>кызыл</i> (<i>кзыл</i>) – «красный» и <i>тан</i> – «утренняя заря»	Красная заря как яркая примета местности	Село
<i>Костюбе</i>	Названо от каз. <i>кос</i> – «временное жильё» и тюрк. <i>тюбе</i> – «холм, бугор»	Временная стоянка казахов-кочевников	Посёлок
<i>Сахма</i>	Название от тюркского <i>сахма</i> – «тропа», «дорожка»	Путь	Село
<i>Тумак</i>	Название от ногайского <i>тамак</i> – «глотка»	Устье, низовье: находится за устьем (в устье) реки	Село

Обращает на себя внимание тот факт, что иноязычное слово, став топонимом, тоже приобретает топонимическое значение и в данном случае «отрывается» от своего прежнего, этимологического, дотопонимического, значения [7, с. 58]. Для неносителей тюркских, монгольских языков этимологическое значение таких топонимов «полностью погашено» [7, с. 60].

3. Комонимы, производные от народных географических терминов (регионализмов).

В небольшую группу объединены названия сельских поселений, образованные от регионализмов (5 %):

- *Ватажка*: от русского народного термина *ватага* – «промысел на берегу водоёма, рыбацкая артель, постройка на местах лова» [6, с. 35];
- *Верхние Колки*: от русского народного географического термина *коллок*, *колки* – «камышовые заросли, растущие отдельными островками в море или на песчаных косах; мели в море, поросшие камышом; ложбины и понижения рельефа в пойме, заросшие камышом» [6, с. 98]. Определение *верхние* указывает на расположение поселения относительно села с названием *Нижние Колки*;
- *Раздор*: от русского народного географического термина *раздор* – «место, где впадает в реку проток или проток; место разветвления реки на рукава, протоки» [6, с. 186–187];
- *Солонец*: от местного народного географического термина *солонец* – «остров на взморье, затапливаемый водой во время сильных ветров»; после отступления морской воды остров оказывался как бы «посолненным» [6, с. 207];

- *Ямное*: от русского народного географического термина *яма* – «углубление дна водоёма, где зимуют косяки рыб» [6, с. 254].

4. Комонимы, образованные в результате официального переименования.

Эта группа также немногочисленна – 4 %. Послереволюционные события и важные изменения, связанные с переустройством страны в XX в., вызвали переименования населённых пунктов на территории Володарского района. При этом новые названия соответствовали принципам первичной номинации географических объектов:

- *Госзаповедник*: название посёлка вызвано ликвидацией в 1970 г. Кордона № 1 – стационарного поста охраны Обжоровского участка Астраханского заповедника, научная деятельность которого после обмеления дельты была перенесена на Дамчикский участок;

- *Новый Рычан*: первая часть названия *новый* появилось у промысла Рычанский во время массовых топонимических преобразований 1917–1919 гг., подразумевающая новые условия труда при новой советской власти;

- *Форпост Староватаженский*: переименование села (ранее *Староватаженский*) в 1965 г. носило идеологический характер: форпост – «передовая укрепленная позиция» означало «начало и оплот в развитии».

5. Комонимы, образованные в результате местного переселения, административных преобразований.

Некоторые названия (1 %), как и поселения, имеют витиеватую историю. Возникнув как местное название, комоним со временем исчезает с карты по причине переселения жителей, которые со временем возвращают прежнее историческое название новому поселению:

- *Новоаяцкий*: переименование аула *Яцкий* в 1960 г.; в 1980-е гг. переселение жителей в хутор *Карататор*, который получает новое название *Новоаяцкий*.

Семантический анализ комонимов исследуемого района Астраханской области выявил многообразие семантических групп, формирование которых обусловлено отражением ландшафта, флоры и фауны данного региона. Рассмотрим подробнее сформированные группы.

1. Комонимы, отражающие особенности окружающей среды

1. Комонимы, иллюстрирующие расположение объекта, прежде всего на возвышенности, вблизи речных водотоков (14 %).

- *Отражение расположения на возвышенных, незатопляемых местах закреплено в названиях таких поселений, как Актюбе, Костюбе, Алтынжар, Береговой* посёлок, *Крутое, Паромный* посёлок, *Разбугорье*:

- *Костюбе* (вторая часть слова тюркское *тюбе* – «холм, бугор»): название казахского села, расположенного на возвышенности;

- *Крутое*: названо по расположению на крутом склоне бэровского бугра;

- *Разбугорье*: название отражает характер холмистой местности: *разбугорье* – «множество бугров»;

- *Судочий Яр*: названо по расположению на крутом обрывистом берегу; по обилию в данном месте судака – крупной хищной рыбы, местное название – *судок*.

2. Комонимы, производные от гидронимов (18 %), т. е. названий водных объектов (ерик, проток, река), вблизи которых были основаны поселения. К ним относятся: *Винный* – по ерику *Винный*; *Камардан* – по протоке *Камардан*; *Конный Могой* – первая часть названия *конный* по протоке *Конная*; *Корни* – по протоке *Корневая*; *Лебяжье* – по названию реки *Лебяжинка*; *Новый Рычан* – вторая часть названия села по расположению на реке *Рыча*; *Плотовинка* – по ерику *Плотовинка*; *Сахма* – по протоке *Сахма*; *Таловинка* – по расположению у протоки *Таловая* (ныне *Корневая*); *Трубный* – по ерику *Труба*; посёлок *Чуркин* – по названию протоки *Чурка*.

3. Комонимы, производные от оронимов (названий бугров) (19 %):
- *Зеленга*: по названию бугра *Зелёный* и украинского термина *гай* (здесь в значении «заливной луг»);
  - *Казённый Бугор*: по бэровскому бугру *Казённый*;
  - *Козлово*: по *Козловскому* бугру, на котором было расположено;
  - посёлок *Красный*: по бугру *Красный*;
  - *Кудрино*: по названию *Кудрин* бугор;
  - *Маково*: по названию *Маков* бугор ввиду обилия дикорастущей мака;
  - *Малый Могой*: по бугру *Малый Могой*;
  - *Нововасильево*: по наименованию бугра *Васильев*;
  - *Новокрасное*: по названию глиняного, красноватого бугра *Красный*;
  - *Новомаячное*: по месту основания у бугров *Малый* и *Большой Маяшный*;
  - *Разино*: по *Разин* бугру, на котором когда-то был Степан Разин;
  - *Цветное (Цветновское)*: по названию *Цветной* бугор.

4. Комонимы, производные от фитонимов и зоонимов (10 %). К ним относятся:

- названия населённых пунктов с зоонимами: *Конный Могой*: вторая часть *Могой* от калмыцкого слова *мого* – «змея», характеризующее местность как «змеиное»; *Сорочье*: по обилию в данной местности сорок – птиц семейства врановых;
- названия населённых пунктов, которые содержат фитонимы: *Ахтерек*: с тюркского означает «белый тополь», что указывает на типичное для тех мест дерево – тополь; *Маково*: название села от обилия в тех местах дикорастущего мака; *Яблонка* (ранее название села *Яблонево*): ввиду разведённого на бугре первопоселенцами обширного яблоневого сада.

5. Комонимы, отражающие характерные особенности формы, цвета объекта, рядом с которым / на котором расположено поселение (8 %). К ним относятся, например, составные колористические комонимы:

- *Сизый Бугор*: первая часть названия указывает на цветовой, сизый от полыни, колорит бугра, где расположилось селение;
- *Чёрный Бугор*: первая часть названия отражает тёмный цвет бугра, где находится село;
- *Зелёный Остров*: первая часть названия указывает на характерную особенность местности – обилие растительности.

II. Комонимы, связанные с человеком и его деятельностью

1. Комонимы, производные от антропонимов, т. е. имён, фамилий первопоселенцев или владельцев водных угодий (11 %):

- *Барановка*: по фамилии подполковника Баранова, владевшего окрестными водными угодьями в начале XX в.;
- *Ильинка*: по имени первопоселенца Ильи, жившего в этом месте в начале XIX в.;
- *Менешау*: предположительно от антропонима, в данном случае от казахского имени или прозвища первопоселенца;
- *Мешково* – предположительно от фамилии первопоселенца (*Мешков* – одна из древнейших русских фамилий, идёт от мирского имени *Мешок*);
- *Мултаново* по фамилии известных в начале XIX в. астраханских купцов Ивана и Андрея Мултановых, арендаторов местных водных угодий;
- *Нижняя Султановка*: предположительно, от казахского имени Султан (с арабского – «власть», «правитель»), в данном случае в честь некоего Султана, авторитетного среди жителей, или первого председателя сельсовета Султана Утегенова. Прилагательное *нижняя* объясняется расположением относительно других одноимённых селений (*Средняя* и *Верхняя Султановка*), появившихся позднее;

- *Тюрино*: поселение основано в начале XX в. рыбопромышленником Тюриным, который сдавал землю в аренду казахам-скотоводам.

2. Комонимы, иллюстрирующие память увековечивания имён революционных и партийных деятелей Советского государства, известных деятелей искусства (9 %):

- *Володарский* (1931 г.): посёлок (ранее рыбный промысел на реке *Чурка*, *Чуркинский учуг*, с приходом советской власти был национализирован), был официально переименован в честь революционного деятеля В. Володарского (1891–1918), с 1965 г. – это районный центр; в речи местных жителей, в некоторых официальных источниках – *Володаровка* (<https://rusarchives.ru/state/astrahanskaya-oblast/volodarskiy-rayon>);

- *Диановка* (основано в начале XX в.): по имени ученицы Курмангазы Сагырбаева, казахской домбристки и композитора Дины Нурпеисовой, проживавшей в посёлке в 1920–1930 гг.;

- *Калинино*: первоначально название поселения в 1897 г. *Тюлендеевка* по имени основателя – бая Ергали Тюлендеева. В 1930 г. село переименовано в честь государственного и партийного деятеля М. И. Калинина (1875–1946);

- *Нариманово*: поселение в начале XX в. получило название в честь государственного и партийного деятеля Н. Нариманова (1870–1925);

- *Самойловский*: посёлок возник на месте рыбного завода и в 1924 г. был переименован в честь революционерки, деятеля женского пролетарского движения в России К. Н. Самойловой (1876–1924).

3. Комонимы, производные от этнонимов (3 %) – наименований племени, народности, например *Сармантаевка*: по переселенцам в дельту Волги из казахского рода *сармантай* – племенного объединения аргынов Среднего Жуза.

4. Комонимы, связанные с видом трудовой деятельности людей (5 %):

- *Коровье*: по преимущественному виду хозяйственной деятельности жителей поселения – разведению коров, т. е. крупного рогатого скота;

- *Егин-Аул*: ввиду основной деятельности жителей поселения переводится с тюркского как «поселение растениеводов».

III. Комонимы-метафоры (3 %): *Столбовой*: название посёлка связывают со словом *столб*, символизирующим и олицетворяющим нечто прочное, постоянное.

Структура володарских комонимов представлена двумя типами: простые (однословные) и составные (двухсловные).

Однословные комонимы (составляют 85 % от общего числа анализированных языковых единиц) образованы:

1) в результате заимствования простых и сложных названий из других языков (*Сахма*, *Тумак*, *Менешау*, *Актюбе*, *Алтынжар*, *Ахтерек*, *Зеленга*, *Костюбе*, *Егин-Аул*, *Кара-Бирюк*, *Кзыл-Тан*);

2) суффиксацией от иноязычных (*Тулугановка*, *Сармантаевка*, *Кошеванка*) и русских (*Марфино*, *Блиново*, *Калинино*, *Лебяжье*) основ;

3) суффиксацией, сопровождающей сложение топооснов русского происхождения (*Нововасильево*, *Новомаячное*);

4) сложением топооснов русского происхождения (*Новокрасное*);

5) сложением топооснов разных языков (*Зеленга*, *Шагано-Кондаковка*);

6) использование *pluralia tantum*: *Корни*;

7) как результат онимизации – переход апеллятива (имени несобственного) в разряд имён собственных: 1) *Красный*, *Крутое*, *Цветное*: нарицательные прилагательные (апеллятивы) *красный*, *крутое*, *цветное* переходят в имена собственные в результате субстантивации; 2) *Госзаповедник*, *Форпост Староватаженский* – нарицательные существительные (апеллятивы),

географические термины *госзаповедник*, *форпост* становятся комонимами (именами собственными).

Полученные данные подтверждают мнение В. А. Никонова о преимущественно суффиксальном образовании русских топонимов [7, с. 68]. Простые производные комонимы образованы с помощью:

- суффиксов со значением **принадлежности**:
 -ов- (-ев-): *Блиново, Болдырево, Козлово, Тишково*;
 -ин-: *Калинино, Кудрино, Марфино, Разино, Тюрино*;
 -ск-: *Самойловский*;
- суффиксов **субъективно оценочного значения малого объёма, размера, относительности**:
 -к-: *Ватажка, Барановка, Алексеевка*;
 -овк- (-евк-): *Сармантаевка, Тулугановка, Диановка*;
 -инк-: *Новинка, Ильинка*;
- суффиксов **относительности**:
 -ов- (-ев-): *Береговой, Маково*;
 -j-: *Лебяжье, Коровье, Сорочье*;
 -н-: *Винный, Трубный, Паромный, Ямное*;
 -ин-: *Чуркин*.

По типу и виду суффиксальных топоформантов можно утверждать, что первое заселение этого участка волжской дельты шло выходцами с северо-востока и юго-востока Московского государства с XVI в. На территории Володарского района в эпоху освоения сначала не было помещичьих земель, не было промышленных, ловецких зон, поэтому здесь и не встречаются комонимы с такими формантами [7, с. 68–84]:

- щина, обычно обозначавший обширные землевладения;
- ище, обозначавший место, где что-либо находилось или происходило;
- ичи, -овцы (-инцы), -ики, -ане (-аны), -ята, обозначавшие потомков, жителей по территориальному признаку;
- ики (-ники), -ари, -овци (-инци), обозначавшие занятия жителей, которые селились слободами; крепостных, принадлежащих помещикам.

Отметим, что среди комонимов отсутствуют также примеры с суффиксом -их-, хотя в Ивановском Поволжье, в Сибири, на Алтае до Тихого океана подобные образования максимально гущены, а в Среднем Поволжье представлены, но уже пунктирно. В топонимии, по утверждению В. А. Никонова, этот формант «означал принадлежность ... или свойства ...», чаще всего отрицательные: ни один другой формант не образовывал столько пейоративных топонимов, зачастую непристойных: по-видимому, -иха очень рано приобрело уничижительный оттенок» [7, с. 75]. Можно предположить, что отсутствие комонимов с формантом -иха и подобных в исследуемом топонимиконе свидетельствует о комфортности проживания первопоселенцев на землях, соответствующих территории современного Володарского района (он расположен на юго-востоке Астраханской области, в дельте Волги – одном из уникальных мест России).

Со второй половины XVIII в. начался второй этап заселения Понизовья, когда была разрешена продажа государственных земель дворянам. На выкупленные земли помещики переселяли несколько своих крепостных крестьянских семей, создавая новые поселения с названиями бывших местожительств переселенцев (например, «переселённое» название *Дмитриевское*, сейчас это *Маково*).

Составные комонимы (15 % от общего числа анализированных языковых единиц) – двухсловные образования атрибутивного типа, созданы по модели «прилагательное + существительное», где прилагательные – факультативные топоосновы – типовые определения (*Верхние Колки, Зелёный Остров, Казённый Бугор, Чёрный Бугор, Старый Алтынжар*) [8, с. 103]. Часть определительных компонентов выступает в роли дифференциаторов, что усиливает

их комонимическую функцию (*Большой Могой – Малый Могой, Нижняя Султановка – Средняя Султановка*). Иногда парность ойконимов нарушена, степень нарушения различна: неполная (– *Алтынжар – Старый Алтынжар*), полная (-- – *Верхние Колки, -- – Новый Рычан*). Объяснить такое явление можно изменением ландшафта, социальными и административными причинами: изменением или обмелением русла реки, протока, сокращением и переселением жителей, перенесением школы и т. п.

Таким образом, комонимическая система Володарского района Астраханской области отражает картину мира народов, заселяющих эту территорию на протяжении веков. Своеобразие номинации населённых пунктов исследованного региона состоит в совмещении признаков типологически и генетически разных языков. Володарские комонимы, демонстрируя, с одной стороны, поликультурную палитру добрососедства, а с другой – своеобразие местной речи, позволяют установить специфику этно- и глоттогенеза данной территории. Подводя итог (табл. 3), отметим, что ведущий мотив для создания названий сельских поселений – особенности окружающей среды (69 % наименований), когда важным для поселенцев было: 1) указание на расположение объекта – 14 %; 2) указание на конкретный водный объект – 18 %; 3) указание на конкретную возвышенность – 19 %. Причём в местности, обильно испещрённой реками, речками, протоками и ериками, нужными для существования, более значимым для проживания стало указание на возвышенности (бэровские бугры), на которых или рядом с которыми можно было безопасно строить жильё, защищаться как от наводнений, так и нападений врагов.

Таблица 3

Группа	%
Происхождение (100 %)	
Русского происхождения	80
Иноязычного происхождения	10
Народные названия	5
Официальное переименование	4
Административное переселение + переименование	1
Семантика (100 %)	
Особенности окружающей среды (69 %)	
Расположение объекта	14
От гидронимов	18
От оронимов	19
От фитонимов и зоонимов	10
Особенности объекта	8
Человек и его деятельность (28 %)	
От антропонимов	11
Мемориальные	9
От этнонимов	3
Вид трудовой деятельности людей	5
Метафоры (3 %)	

Список источников

1. Администрация муниципального образования «Володарский муниципальный район Астраханской области». – URL: <https://regionvol.ru/index.php> (дата обращения: 05.01.2024).
2. База населённых пунктов РФ. – URL: <http://e-kaos.ru/base> (дата обращения: 05.01.2024).
3. Ильин Д. Ю. Динамические процессы функционально-семантических изменений в региональной топонимике (на материале географических названий в газетных текстах конца XIX – начала XXI в.) / Д. Ю. Ильин. – Волгоград, 2012. – 40 с.
4. Имя на карте Астраханской области: краеведческий альманах «Астрахань» / авт.-сост. М. А. Кирокосьян. – Астрахань : Нова, 2008. – Вып. 1. – 55 с.

5. Кирокосьян М. А. Населённые пункты Володарского района Астраханской области / М. А. Кирокосьян, С. А. Бекмурзаева. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – 68 с.
6. Лосев Г. А. Астраханские словечки / Г. А. Лосев, М. А. Кирокосьян. – Астрахань : Чилим, 2007. – 260 с.
7. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – Москва : ЛКИ, 2011. – 184 с.
8. Суперанская А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1984. – 182 с.

References

1. *Administration of the municipal formation "Volodarsky municipal district of the Astrakhan region"*. Available at: <https://regionvol.ru/index.php> (accessed: 05.01.2024).
2. *Database of settlements of the Russian Federation*. Available at: <http://e-kaeo.ru/base> (accessed: 05.01.2024).
3. Ilin D. Yu. *Dinamicheskie protsessy funktsionalno-semanticheskikh izmeneniy v regionalnoy toponimike (na materiale geograficheskikh nazvaniy v gazetnykh tekstakh kontsa XIX – nachala XXI v.) = Dynamic processes of functional-semantic changes in regional toponymy (based on the material of geographical names in newspaper texts of the late XIX – early XXI centuries)*. Volgograd: 2012:40.
4. Kirokossyan M. A. *Imya na karte Astrahanskoy oblasti: kraevedcheskiy almanakh "Astrakhan" = Name on the map of the Astrakhan region: local history almanac "Astrakhan"*. Astrakhan: Nova; 2008;1:55.
5. Kirokossyan M. A., Bekmurzaeva S. A. *Naselennyye punkty Volodarskogo rayona Astrahanskoy oblasti = Settlements of the Volodarsky district of the Astrakhan region*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilevich; 2019:68.
6. Losev G. A., Kirokossyan M. A. *Astrakhanskies slovechki = Astrakhan words*. Astrakhan: Chilim; 2007:260.
7. Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku = Introduction to toponymy*. Moscow: LKI; 2011:184.
8. Superanskaya A. V. *Chto takoe toponimika? = What is toponymy?* Moscow: Nauka; 1984:182.

Информация об авторе

М. В. Веклич – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Veklich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 46–52.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):46–52.

Научная статья
УДК 811.112

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ДЕСКРИПТИВНОГО
И ФАМИЛЬНОГО БРЕНДНЕЙМИНГА**

Олеся Владимировна Кисель¹, Кирилл Сергеевич Бутов^{2✉}

^{1, 2}Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия

¹<http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

²kirillb.04@mail.ru

Аннотация. Название брендов во многом отличаются от традиционных предметов ономастических исследований. Функции имён в экономической среде являются основными, а семантические особенности имеют заметное коннотативное значение. Кроме того, структура названий торговых брендов отличается большой вариативностью и сложностью. Цель данной работы – определить, что такое бренднейминг, какие ономастические стратегии используются для их создания. В статье рассматриваются названия брендов как особая категория онимов. Авторы уделяют особое внимание вопросам их семантической структуры, а именно коннотативному аспекту. Бренд индивидуализирует продукт, отделяя его от других вещей и прежде всего придаёт ему социальную значимость. Имя не только неотъемлемо для продукта, но зачастую является отправной точкой при создании его имиджа. Термин «бренд» сегодня больше не используется только для обозначения конкретной линейки продуктов или компании, которая его производит, он является составной частью социального имиджа, который компания хочет создать, позиционируя себя и свои продукты на рынке. Удачное имя бренда позволяет наделить товар или услугу отличительным характером и выделить его, придать ему индивидуальность. Лингвистические стратегии бренднейминга основываются на коннотативном потенциале слов, так как продукты создаются на фабрике, а бренды создаются в уме.

Ключевые слова: бренд, торговая марка, коннотация, лингвистическая стратегия, семантика, бренднейминг

Для цитирования: Кисель О. В., Бутов К. С. Лингвистические стратегии дескриптивного и фамильного бренднейминга // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 46–52.

Original article

LINGUISTIC STRATEGIES FOR DESCRIPTIVE AND FAMILIAL BRAND NAMING

Olesya V. Kisel¹, Kirill S. Butov^{2✉}

^{1, 2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹olesja-kisel@rambler.ru <http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

²kirillb.04@mail.ru

Abstract. Brand names differ in many ways from traditional subjects of onomastic research. The functions of names in the economic environment are basic, and semantic features have a notable connotative value. In addition, the structure of trade brand names is characterized by great variability and complexity. The purpose of this paper is to determine what brand naming is, what onomastic strategies are used to create them. The article considers brand names as a special category of onyms. The author pays special attention to the issues of their semantic structure, namely the connotative aspect. A brand individualizes a product, separating it from other things and, above all, gives it social significance. The name is not only integral to the product, but is often the starting point in creating its image.

The term “brand” is no longer used today only to refer to a specific product line, or to the company that produces it, it is an integral part of the social image that a company wants to create when positioning itself and its products on the market. A successful brand name helps to endow a product or service with a distinctive character and make it stand out, giving it a personality. Linguistic strategies of brand naming are based on the connotative potential of words, as products are created in a factory and brands are created in the mind.

Keywords: brand, trade mark, connotation, linguistic strategy, semantics, brand naming

For citation: Kisel O. V., Butov K. S. Linguistic strategies for descriptive and familial brand naming. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):46–52 (In Russ.).

Современное состояние маркетинговых работ, связанных с развитием новых технологий привело к переориентации лингвистических исследований брендинга [7]. Исследования в области маркетинговой ономастики сводились к описанию возникновения той или иной торговой марки. Семантическому анализу самого названия уделялось довольно мало внимания [1; 2]. Перенасыщенность рынка однотипными товарами привела к тому, что возникли новые лингвистические стратегии нейминга.

«Семантика бренда формируется в сознании человека, обеспечивая эмоциональную связь между лингвистическим восприятием бренда и его смысловой функциональностью. Таким образом, лингвистический бренд – это набор реальных и виртуальных мнений, которые выражаются в определённом продукте, а имя бренда несёт в себе смысловую нагрузку, привлекая потребителей» [8, с. 65].

Названия брендов так же узнаваемы, как и имена знаменитостей. Такие бренды, как Apple, «Мираторг», Chanel, Natura Siberica и им подобные, стали поистине и буквально нарицательными. Такой высокий уровень узнаваемости был бы невозможен, если бы их просто называли кремами для рук, компьютерами, духами и т. д. Эти торговые марки имеют решающее значение для создания узнаваемости продуктов.

Торговая марка стала настолько важной для мира маркетинга, что теперь яростно охраняется законом [4]. Любой, кто использует товарный знак или торговую марку, получает законное право запрещать другим использовать аналогичный товар.

Торговая марка позволяет потребителям идентифицировать определённые продукты и отличать их от других похожих. Для маркетологов и производителей «придумывание» подходящего названия бренда является первым важным шагом в преобразовании продукта в настоящий бренд.

«Нейминг – это многогранный процесс, включающий в себя целый ряд творческих и технологических аспектов, он предполагает создание имени организации или торговой марки и имплицитно содержит как правильное позиционирование, так и эффективную коммуникацию» [3, с. 260].

Бренд порождает образы, связанные с товаром или услугой. Так, например, туфли от Армани – это не просто женская обувь на высоком каблуке. Название производителя позволяет идентифицировать обувь как денотативно отличную от других обувных марок. В сознании покупателя данная марка обуви вызывает образы артистизма, мастерства и превосходного качества [9; 12]. Название Armani® превращает изделие в «авторское» произведение обувного искусства, а не просто в конвейерный продукт, который носят все.

Название брендов одежды и обуви, а также сами имена дизайнеров вызывают у потребителя ассоциации с предметами искусства. Нью-йоркский дизайнер Ральф Лифшиц сменил имя на Ральф Лорен (Ralph Lauren) по той причине, что оно звучало более приятно. Точно так же дизайнер Пьетро Кардино изменил своё имя на Пьер Карден (Pierre Cardin), чтобы придать ему более подходящее «французское звучание» [13; 19].

Названия некоторых брендов настолько сильно вошли в обиход, что потребители иногда используют их в качестве метонима для всех продуктов

данной категории [22]. Такие названия, например, как аспирин, скотч, целлофан, эскалатор утратили юридический статус товарных знаков и перешли из разряда собственных имен в имена нарицательные.

История становления бренднейминга. Практика бренднейминга возникла в США в 80-е гг. XIX в., когда производители мыла начали давать названия своим продуктам, чтобы их можно было отличить от аналогичных в магазинах.

Среди первых использованных имен были Ivory, Pears, Sapolio и Colgate. Кто из них был первым, неизвестно. Название Ivory восходит к 1882 г. и считается большинством историков маркетинга наиболее вероятным кандидатом [19]. Именно Харли Проктор решил переименовать своё обычное мыло White Soap в Ivory Soap® – идея, которая, по-видимому, пришла ему в голову, когда он читал псалом в церкви.

Придумав подходящие названия для своей продукции, производители быстро обнаружили, что продажи значительно росли. В некоторых случаях сам товарный знак использовался в качестве фирменного наименования продукта. Так было и с Parker Pen® – одно из первых названий, которое было преобразовано в торговую марку в 1888 г. в Джейнсвилле, штат Висконсин, Джорджем Саффордом Паркером. Паркер просто решил назвать каждую ручку, произведённую его компанией, своим именем. В результате компания Parker Pen® стала крупнейшим в мире производителем перьевых ручек во второй половине XIX в. [14].

К началу 1920-х гг. стало очевидно, что брендинг был не просто стратегией дифференциации продукта, а семиотическим знаком, который продвигал корпоративную идентичность. Как пишет Наоми Кляйн: «конкурентный брендинг стал необходимостью века машин», потому что рынок начал наводняться однородными продуктами массового производства [16].

В то же время семиотическая сила самого названия стала весьма заметной, бессознательно внедряя продукт в общественную жизнь. Такие названия, как Nike®, Apple®, Body Shop®, Calvin Klein®, Levi's® и т. д., фактически стали культовыми символами де-факто, признанными практически всеми, кто живёт в современном обществе потребления.

Сразу стало очевидно, что продукт с именем получил особое признание, что привело к увеличению продаж. Даже в эпоху становления бренднейминга было много стратегий и приёмов привлечения внимания (использование различных шрифтов, цветной рекламы и т. д.), которые производители начали систематически использовать для продвижения своей продукции [16]. Но без названия продукта всё это могло остаться неэффективным.

Таким образом, был сформирован общий закон маркетинга – потребители воспринимают товар как нечто уникальное и обладающее определёнными (желаемыми) качествами через название, которое он носит.

Действительно, термин «бренд» на самом деле является синонимом названия продукта.

Итак, «бренд это не просто набор составляющих – имя, слоган, логотип, фирменный стиль, рекламный персонаж, бренд-бук, этикетка и упаковка, представительская продукция и пр. Бренд (brend) обладает силой влияния на рынок» [5].

Ономастические стратегии. М. Лунин в своём исследовании приводит основные критерии, которым должно соответствовать название бренда: оригинальность, запоминаемость, ёмкость, благозвучие, полисеманτικότητα [6].

Именной и фамильный нейминг. Названия брендов, будучи так же, как и собственные имена, ономастическими единицами, содержат в своей семантической структуре коннотативный аспект. Данный аспект связан с ощущением традиции, надёжности, доверия и мастерства (в зависимости от продукта). Такие имена, как Armani®, Folgers®, Calvin Klein®, Gucci® и т. д., являются примерами имён, которые вызывают данные ассоциации [10].

Именной нейминг встречается в названиях всех видов продуктов – от сыра (Kraft®) и кофе (Folgers®) до автомобилей (Lamborghini®, Maserati®), дизайнерской одежды и косметики (Armani®, Gucci®, Calvin Klein®, Prada®, Шанель®).

В случае таких продуктов, как сыр или кофе, имя является гарантией качества и традиции, поскольку производителя можно легко идентифицировать.

Музыкальные инструменты, такие как скрипки Stradivarius или фортепиано Steinway, являются брендами, предполагающими превосходство и надёжность. Коннотативная составляющая в данном случае основана на экстралингвистических факторах, а именно, на том, что данные бренды существуют довольно давно, и их качество проверено временем.

В случае с дизайнерской одеждой, ювелирными изделиями, парфюмерией, а также другими предметами обихода, как правило, бренд связывается с именем дизайнера или создателя, что, в свою очередь, вызывает ассоциации с артистизмом, элегантностью. То же самое относится и к названиям автомобилей, таким как Ferrari® или Maserati® [22]. Когда люди покупают продукцию Armani® или Ferrari®, они чувствуют, что покупают произведение искусства.

Стратегия именного или фамильного нейминга с лингвистической точки зрения рассматривает название брендов как эпонимы, поскольку они ассоциируются с человеком, чьё имя указано на продукте и, таким образом, воспринимаются как авторский продукт [13].

Маркетинговые исследования показывают, что предметы роскоши, названные в честь производителя, создают, так сказать, «культ знатоков», а бренд является символическим средством, с помощью которого потребители передают индивидуализм и соответствующий образ жизни [16; 18; 22]. Сегодня бренды позволяют простым людям стать частью того, что французский философ и семиотик Жан Бодрийяр назвал «гиперреальным» миром элегантности и благородства, воображаемым миром, созданным средствами массовой информации и потребительской рекламой, который многие считают его более реальным, чем реальный мир [12].

Описательный нейминг (дескриптивный нейминг). Стратегия дескриптивного нейминга основывается на описании продукта (например, того, что продукт позволяет пользователям делать с ним). Один тип дескрипторного имени указывает состав продукта: Frogurt (= замороженный + йогурт), Go-Gurt (= Go + Yogurt).

Другим типом является топонимический дескриптор, определяющий место, откуда происходит продукт или где находится компания: American Bell®, Bank America®, Western Union® и т. д.

Однако большинство названий описательного характера указывают на то, что могут делать продукты: Air Fresh® (освежитель воздуха), Bug Off® (средство от насекомых), Close-Up Toothpaste® (зубная паста), Drip-Dry® (спрей), Easy Wipe® (салфетка для очистки), Easy-Clean® (очиститель), Kleenex® (салфетки), Lestoil® (бытовое чистящее средство), Light 'N Easy® (швабра), One Wipe® (гигиеническая салфетка) [6]. Даже при передаче, казалось бы, простой информации дескрипторные названия брендов, тем не менее, вызывают смысловые ассоциации. Они идентифицируют продукт не как простой продукт, а как нечто, что принадлежит кому-то, кем-то создано или может делать разные вещи. И часто название подсознательно связано с определёнными направлениями жизни.

Например, в 1998 г. американская корпорация «Дженерал Миллс» представила категорию йогуртов под названием Go-Gurt®. Продукт был ориентирован на подростковую аудиторию, а название идеально подходило под данную концепцию. Как отмечают Т. Шпишель, Дж. Коффи и Г. Левингтон, такие названия, как Berry Blue Blast и Rad Raspberry, напрямую сообщали подросткам,

что они могут есть йогурт «на ходу», и таким образом занимались спортом, катались на скейтборде и тому подобное [21].

Лингвистическая составляющая описательной стратегии создания бренда основывается на открытой семантике имени. С одной стороны, данный факт показывает информацию о продукте, тем самым располагая потенциального покупателя. С другой стороны, использование стратегии описательного нейминга не показывает индивидуальность продукта, не может выделить его из ряда похожих. Данная стратегия может быть применена лишь для узкого круга продуктов и услуг.

Выбор стратегии брендинга – это многогранный процесс, который включает в себя как лингвистические, так и экстралингвистические составляющие.

«Имя является важнейшим коммуникатором бренда, интегрирующим все главные идеи и положения, кратко выражающим его суть, передающим экспрессивность, необходимость, определённый смысл, присущие ему. В долгосрочном периоде оно формирует стратегический потенциал бренда, а его лингвистические аспекты позволяют придавать имени новый семантический оттенок» [8, с. 65].

Лингвистические стратегии брендинга довольно разнообразны. Бренд и продукция под его названием тесно взаимосвязаны. Удачное название может как продвинуть продукцию компании, так и наоборот, наделять не только название, но и саму продукцию отрицательными коннотативными характеристиками.

Как показал анализ приведённых примеров, торговые марки делают гораздо больше, чем просто идентифицируют продукт. Называя продукт, производитель, по сути, «очеловечивает» его.

Истории брендинга, дизайна логотипов и маркетинга во многом пересекаются. Причина проста – рекламировать и продвигать «безымянные» продукты невозможно с какой-либо степенью эффективности. Торговые марки – это знаки, влияющие на бессознательное восприятие людьми объектов как необходимых референтов повседневной жизни.

Цель лингвистических стратегий брендинга состоит в том, чтобы заставить людей реагировать на названия, ассоциировать его с качеством и добротностью, что приведёт к высокой покупательской способности.

Список источников

1. Бурлов С. Нейминг – как называть бренды / С. Бурлов // Бренд-менеджмент. – 2004. – № 3. – С. 33–39.
2. Бутова А. В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе / А. В. Бутова // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2020. – С. 1134–1136.
3. Вегенер Ю. С. Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Ю. С. Вегенер. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyming-v-sisteme-formirovaniya-i-rodvizheniya-brenda> (дата обращения: 04.10.2023).
4. Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23.09.1992 N 3520-1 (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_996/.
5. Кошенова Б. Е. Современные технологии брендинга / Б. Е. Кошенова // Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли. – 2012. – № 2 (86). – С. 31–36.
6. Лунин М. Нейминг: краткое руководство / М. Лунин. – URL: <https://spark.ru/startup/toque-advertising/blog/28879/nejming-kratkoe-rukovodstvo>.
7. Очередько Ю. В. Коммуникативные стратегии и тактики современных русскоязычных видеоблогеров / Ю. В. Очередько, И. С. Пархомин // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 1 (81). – С. 104–108.

8. Якупова Р. А. Семантические особенности англоязычных названий брендов / Р. А. Якупова // *European research*. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. – С. 65–67. – EDN SPTHIA.
9. Altman L. *Brand It Yourself: The Fast, Focused Way to Marketplace Magic* / L. Altman. – New York : Portfolio, 2006. – 208 p.
10. Arnold E. Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research / E. Arnold, C. J. Thompson // *Journal of Consumer Research*. – 2005. – № 31. – P. 868–882.
11. Baudrillard J. *Simulations* / J. Baudrillard. – New York : Semiotext(e), 1983.
12. Cook V. *Why Can't Anybody Spell?* / V. Cook. – York : Touchstone, 2004.
13. Danesi M. *Why It Sells: Decoding the Meanings of Brand Names, Logos, Ads, and Other Marketing and Advertising Ploys* / M. Danesi. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2008.
14. Frankel A. *Word Craft: The Art of Turning Little Words into Big Business* / A. Frankel. – New York : Three Rivers Press, 2004.
15. Klein N. *No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies* / N. Klein. – Toronto : Alfred A. Knopf, 2000.
16. Neumeier M. *The Brand Gap* / M. Neumeier. – Berkeley : New Riders, 2006.
17. Nuessel F. A Note on Names for Energy Drink Brands and Products / F. Nuessel // *Names*. – 2010. – Vol. 58. – P. 102–110.
18. Roy M. *Sign After the X* / M. Roy. – Vancouver : Advance Artspeak, 2000.
19. Sait S. The linguistic analysis of brand names with the analytic hierarchy process and an application / S. Sait // *Innovative Marketing*. – 2011. – № 7. – P. 108–114.
20. Spiegel D. L. *The Great Tween Buying Machine* / D. L. Spiegel, T. J. Coffey, G. Livingston. – Chicago : Dearborn Trade Publ., 2004.
21. Wheeler Al. *Designing Brand Identity* / Al. Wheeler. – New York : John Wiley & Sons, 2003.
22. Wolfe O. *Sociosemiology and Cross-Cultural Branding Strategies* / O. Wolfe // *Marketing Signs*. – 1989. – Vol. 3. – P. 3–10.

References

1. Burlov S. Naming – how to name brands. *Brend-menedzhment = Brand management*. 2004;3:33–39.
2. Butova A. V. Self-presentation of the subject in mass media discourse. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i obrazovaniya = Modern problems and prospects for the development of science, technology and education*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov; 2020:1134–1136.
3. Vegener Yu. S. *Neyming v sisteme formirovaniya i prodvizheniya brenda = Naming in the system of brand formation and promotion*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyming-v-sisteme-formirovaniya-i-rodvizheniya-brenda> (accessed: 04.10.2023).
4. Law of the Russian Federation “On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods” dated September 23, 1992 N 3520-1 (latest edition). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_996/.
5. Koshenova B. E. Modern branding technologies. *Vestnik Kazakhskogo universiteta ekonomiki, finansov i mezhdunarodnoy trgovli = Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*. 2012;2(86):31–36.
6. Lunin M. *Neyming: kratkoe rukovodstvo = Naming: a short guide*. Available at: <https://spark.ru/startup/toque-advertising/blog/28879/nejming-kratkoe-rukovodstvo>.
7. Ocheredko Yu. V., Parkhomin I. S. Communication strategies and tactics of modern Russian-language video bloggers. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;1(81):104–108.
8. Yakupova R. A. Semantic features of English-language brand names. *European research*. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G. Yu.); 2022:65–67. EDN SPTHIA.
9. Altman L. *Brand It Yourself: The Fast, Focused Way to Marketplace Magic*. New York: Portfolio; 2006.
10. Arnold E. Thompson C. J. Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research. *Journal of Consumer Research*. 2005;31:868–882.
11. Baudrillard J. *Simulations*. New York: Semiotext(e); 1983.
12. Cook V. *Why Can't Anybody Spell?* New York: Touchstone; 2004.

13. Danesi M. *Why It Sells: Decoding the Meanings of Brand Names, Logos, Ads, and Other Marketing and Advertising Ploys*. Lanham: Rowman & Littlefield; 2008.
14. Frankel A. *Word Craft: The Art of Turning Little Words into Big Business*. New York: Three Rivers Press; 2004.
15. Klein N. *No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies*. Toronto: Alfred A. Knopf; 2000.
16. Neumeier M. *The Brand Gap*. Berkeley: New Riders; 2006.
17. Nuessel F. A Note on Names for Energy Drink Brands and Products. *Names*. 2010;58:102–110.
18. Roy M. *Sign After the X*. Vancouver: Advance Artspeak; 2000.
19. Sait S. The linguistic analysis of brand names with the analytic hierarchy process and an application. *Innovative Marketing*. 2011;7:108–114.
20. Spiegel D. L., Coffey T. J., Livingston G. *The Great Tween Buying Machine*. Chicago: Dearborn Trade Publ.; 2004.
21. Wheeler A. *Designing Brand Identity*. New York: John Wiley & Sons; 2003.
22. Wolfe O. Sociosemiology and Cross-Cultural Branding Strategies. *Marketing Signs*. 1989;3:3–10.

Информация об авторах

О. В. Кисель – кандидат филологических наук;

К. С. Бутов – студент.

Information about the authors

O. V. Kisel – Candidate of Philological Sciences;

K. S. Butov – student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 03.12.2023.

The article was submitted 27.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 03.12.2023.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 53–57.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):53–57.

Научная статья
УДК 81

**ОБРАЗ, МЫСЛЬ И СЛОВО: ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫХ
УМЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ**

Наталья Геннадьевна Молодцова©

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
n201270@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития коммуникативно-речевых умений обучающихся методом фасилитированной дискуссии на материале произведений живописи в процессе реализации авторской образовательной технологии «Образ, мысль и слово», в которой нашла воплощение идея К. Д. Ушинского о развитии дара слова у детей на основе наглядных образов. Выделяются этапы речевого развития детей в процессе группового рассматривания и обсуждения картин.

Ключевые слова: фасилитированная дискуссия, произведения живописи, культура речи, коммуникативно-речевые умения, парафраз, обучающиеся, развитие

Для цитирования: Молодцова Н. Г. Образ, мысль и слово: технология развития коммуникативно-речевых умений на материале произведений живописи // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 53–57.

Original article

**IMAGE, THOUGHT AND WORD: TECHNOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE
AND SPEECH SKILLS BASED ON THE MATERIAL OF PAINTINGS**

Natalia G. Molodtsova

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, n201270@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of development of communicative and speech skills of students by the method of facilitated discussion on the material of paintings in the process of the author's educational technology "Image, Thought and Word", in which the idea of K. D. Ushinsky about the development of children's gift of words based on visual images is realized. The stages of children's speech development in the process of group viewing and discussion of paintings are emphasized.

Keywords: facilitated discussion, paintings, culture of speech, communicative and speech skills, paraphrase, students, development

For citation: Molodtsova N. G. Image, thought and word: technology for the development of communicative and speech skills based on the material of paintings. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):53–57 (In Russ.).

В эпоху цифровизации образования, когда межличностная коммуникация во многом опосредована техническими средствами и осуществляется зачастую онлайн, остро стоит проблема развития навыков живого непосредственного общения и культуры речи обучающихся.

Анализ психолого-педагогической литературы по данной проблематике показал, что в качестве основных критериев речевой культуры специалисты рассматривают такие показатели, как: правильность (согласование речи с грамматическими и стилистическими нормами языка), коммуникативная целесообразность, точность высказываний (точность выражения мысли), логичность изложения, ясность и доступность изложения, чистота речи, выразительность речи, разнообразие средств речи (синонимы и пр.), эстетичность речи, уместность (подбор средств языка для достижения цели общения) [4].

С нашей точки зрения, основными задачами в аспекте развития коммуникативных компетенций и, как следствие, культуры речи учащихся можно считать:

- обогащение словарного запаса детей;
- развитие навыков рефлексивного слушания (слушать и слышать собеседника);
- переход с позиции эгоцентричности в общении на позицию децентрации (развитие эмпатийности и толерантности);
- развитие у детей умений оформлять свои мысли и быть убедительным;
- обучение умению вести диалог и полилог, дискутировать.

В связи с этим требуются специальные образовательные практики, направленные на активизацию развития речи учеников. Приобретает особую актуальность идея К. Д. Ушинского о развитии дара слова, выражающаяся в том, что в деле развития речи детей основной акцент нужно делать на развитие мыслительных способностей, а необходимым условием для развития понятийного мышления и речи ребёнка является *опора на наглядность*, которая имеет обобщённый характер и отражает ключевые особенности и содержание рассматриваемых объектов.

Одной из таких образовательных практик является разработанная нами технология «Образ, мысль и слово» [3; 5], где в качестве наглядного стимульного материала для развития речи обучающихся используются произведения живописи. Художественные образы картин многозначны по своей интерпретации и содержат эмоциональный посыл для развития мышления и речи. Многоплановость произведения живописи, включающая в себя главную мысль автора, характеристики художественных образов, делают его сложным и проблематичным объектом понимания, активизируют потребность донести свою мысль, вербализовать смысл воспринятого, быть точным и убедительным в своих речевых суждениях.

В процессе развития культуры речи учащихся в рамках технологии «Образ, мысль и слово» педагог занимает особую позицию – позицию фасилитатора, мировоззрение которого определяется основным положением гуманистической психологии о том, что ресурс развития человека заложен в нём самом, а педагог прежде всего должен помогать, поддерживать ребёнка в процессе развития.

Основными качествами такого педагога являются доверие к ученику, его безусловное принятие, толерантность к инакомыслию, открытость к мыслям, чувствам, переживаниям, эмпатия.

Его ключевые задачи в учебном процессе состоят в том, чтобы способствовать активизации познавательной деятельности учащихся, помогать им переводить информацию в личные знания, обеспечивать поддерживающие условия для их саморазвития.

Основным методом развития коммуникативно-речевых умений участников образовательных отношений технологии «Образ, мысль и слово» является фасилитированная (поддерживающая) дискуссия (ФД), представляющая собой групповое обсуждение произведений живописи в процессе коллективного рассматривания шедевров мирового искусства. Структура ФД включает в себя четыре компонента:

1. Группа – люди, обладающие однородным уровнем компетентности в рассматриваемой области, но при этом имеющие разный жизненный опыт, личностные особенности.

2. Ведущий – педагог в позиции фасилитатора, способный создать благоприятную для группового обсуждения обстановку, обеспечить «направляющее участие».

3. Стимул – темы, интересные для всех участников (в рамках технологии «Образ, мысль и слово» – это произведения живописи).

4. Стратегия обсуждения – определённый порядок взаимодействия, который гарантирует каждому возможность высказать свою мысль и быть услышанным.

Стратегия ФД состоит из особой техники парафраза и открытых вопросов. Так, ФД начинается с вопроса, направленного на активизацию детализированного восприятия образов картины: «Что Вы здесь видите?» По мере накопления данных участники дискуссии начинают устанавливать взаимосвязи между наглядными образами, давать собственные интерпретации на основе личных ассоциаций и представлений. Появляются вопросы, ответы на которые предполагают умение проводить содержательно-образное обобщение: «Что происходит на картине?», «Кто этот человек?», «Где это происходит?», «Когда это происходит?», «Где находился художник, когда писал эту картину?», «Что осталось за кадром?», «Что заинтересовало художника в этом сюжете?», «Что хотел сказать художник?» и т. п., проявлять образную гибкость, вариативность, аргументированность, разработанность. Чтобы обеспечить связь чувственных и рациональных форм познания, задаётся вопрос, требующий аргументации: «Что вы здесь видите такого, что позволяет так сказать?»

Особая роль в контексте развития культуры речи учащихся принадлежит парафразу – технике отзеркаливания и повторения сказанного учеником с коррекцией грамотного оформления речевого высказывания, но без привнесения своего смысла.

Важными функциями парафраза являются:

- конкретизация и уточнение мысли ученика;
- демонстрация принятия любого мнения, придание ему значения,
- направление дискуссии (парафраз уводит от заикливания на отдельных деталях картины);
- привлечение внимания участников к данному высказыванию;
- обобщение нескольких точек зрения при интерпретации одного и того же наглядного образа (обобщающий парафраз – «линкинг»);
- помощь в вербализации художественного образа (расширяет словарный запас учащихся, помогает «выводить мысли на поверхность»);
- грамотное стилистическое и лексическое оформление речевого высказывания ученика.

Особенностями технологии, которые побуждают учащихся стремиться самостоятельно развивать свои коммуникативно-речевые навыки, грамотно оформлять мысли, чтобы быть услышанными и правильно понятыми, являются следующие принципы:

- отсутствие готовой информации со стороны учителя;
- отсутствие авторитетного мнения со стороны педагога;
- безоценочное принятие мнения каждого;
- организация учебного сотрудничества – групповой формы работы, где реализуется принцип информационного дополнения, мысль одного служит стимулом для мысли другого, активизируется работа творческого мышления каждого участника дискуссии;
- опора на зону ближайшего развития личности обучающегося (ЗБР).

Рассматривая процесс развития коммуникативно-речевых умений учащихся методом фасилитированной дискуссии на материале произведений живописи, нам видится возможным выделить три этапа процесса речевого развития детей:

1 этап характеризуется развитием у учащихся умений выделять образы картины, обозначать их словами, отражающими смысл увиденного. Парафраз педагога на этом этапе даёт детям образец правильного оформления речевого высказывания, расширяет словарный запас учеников, активизирует развитие у них устной речи, умения оперировать понятиями, строить фразы,

развивает навыки активного слушания, учит соотносить своё мнение с мнением других.

2 этап отличается развитием у обучающихся умения аргументировать свою точку зрения, строить суждения и умозаключения, у детей развивается умение сравнивать и сопоставлять свои и чужие точки зрения.

3 этап связан с появлением вариативности, обогащённости и детализированности речи участников дискуссии, раскованности в вербальном общении, умения самостоятельно строить диалог и полилог. Функцию ведущего начинают выполнять уже сами ученики, ставя самостоятельно вопросы, помогающие анализировать произведение живописи.

Реализация данного подхода на практике на протяжении более двух десятилетий в ряде школ Нижегородской и Московской областей подтверждает эффективность технологии «Образ, мысль и слово» в аспекте развития культуры речи учащихся. Дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста, занимающиеся по данной программе раз в неделю, отличаются более высоким уровнем речевого развития, умением грамотно оформлять свои мысли, рассуждать, строить диалог, вести дискуссию друг с другом, аргументировать свою точку зрения, обогащённым словарным запасом, о чём свидетельствуют результаты диагностических и творческих работ учащихся, данные критериально-ориентированного наблюдения в процессе лонгитюдного исследования.

Идеи К. Д. Ушинского о развитии дара слова с опорой на наглядные образы, нашедшие своё отражение в современной образовательной практике «Образ, мысль и слово» показали свою результативность.

Список источников

1. Избранные труды : в 4 кн. / К. Д. Ушинский ; [сост., вступ. ст., прим. и комм. Э. Д. Днепров]. – Москва : Дрофа, 2005. – Кн. 4. – (Высшее педагогическое образование).
2. Молодцова Н. Г. Формирование коммуникативной функциональной грамотности младших школьников в процессе восприятия произведений живописи / Н. Г. Молодцова, Г. М. Выгонская // Школа будущего. – 2020. – № 1. – С. 64–73.
3. Молодцова Н. Г. Особенности развития функциональной грамотности обучающихся в процессе восприятия и понимания произведений изобразительного искусства / Н. Г. Молодцова // Нижегородское образование. – 2021. – № 1. – С. 59–65.
4. Мурашов А. А. Культура русской речи (филологические знания как образовательная парадигма) / А. А. Мурашов. – Москва : Народное образование, 2020. – 368 с.
5. Тивикова С. К. Личностно ориентированные технологии речевого развития учащихся в современной школе / С. К. Тивикова // Проблемы и перспективы развития экономики и образования в Монголии и России. – Улан-Батор, 2019. – С. 111–114.

References

1. Ushinski K. D. *Izbrannyye trudy: v chetyrekh knigakh = Selected works: in 4 books*. Moscow: Drofa; 2005;4.
2. Molodtsova N. G., Vygonskaya G. M. Formation of communicative functional literacy of junior schoolchildren in the process of perceiving works of painting. *Shkola budushchego = School of the Future*. 2020;1:64–73.
3. Molodtsova N. G. Features of the development of functional literacy of students in the process of perception and understanding of works of fine art. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod education*. 2021;1:59–65.
4. Murashov A. A. *Kultura russkoy rechi (filologicheskie znaniya kak obrazovatel'naya paradigma) = Culture of Russian speech (philological knowledge as an educational paradigm)*. Moscow: Narodnoe obrazovanie; 2020:368 p.
5. Tivikova S. K. Personality-oriented technologies for speech development of students in modern school. *Problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki i obrazovaniya v Mongolii i Rossii = Problems and prospects for the development of economics and education in Mongolia and Russia*. Ulan-Bator: 2019:111–114.

Информация об авторе

Н. Г. Молодцова – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. G. Molodtsova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 58–63.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):58–63.

Научная статья
УДК 003.86+811.133.1

СТИХИ В ПРОЗЕ: ПРОБЛЕМА ПУНКТУАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ

Марина Ильинична Свешникова^{1✉}, Елена Игоревна Сернова^{2®}

^{1, 2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹msveshnikva@rambler.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Аннотация. Жанр стихотворения в прозе отличается от лирики и от прозы одновременно особой формой, так как в стихотворении в прозе отражаются и специфика прозы, и специфика стиха. Обычно это небольшой по объёму текст с бессюжетной композицией, повышенной эмоциональностью, выразительностью, часто ритмически организованный. Стихотворение в прозе понимается как нестиховое лирическое произведение, жанр, конструктивным принципом которого служит не столько миниатюрный объём текста, сколько сосредоточенность на ментальном событии, совершающемся в сознании говорящего и трансформирующем его статус из рассказчика в лирического субъекта. Важнейшую роль в передаче интонации в них играет ритм, так как нет внешних организующих приёмов текста. Именно в таких произведениях авторская пунктуация используется в качестве дополнительных средств выразительности, помимо стандартного синтаксического членения высказывания. И этот фактор чрезвычайно важен для перевода стихотворения в прозе на другой язык. Авторское сочетание знаков препинания, проявляющееся в индивидуальном использовании пунктуации, требует дополнительных средств в переводе. В переводе «Песни о Буревестнике» М. Горького на французский язык ни синтаксис, ни лексика другого языка не позволяют сохранить пунктуационный рисунок оригинала. Некоторые исследователи относят пунктуационные преобразования к грамматическим трансформациям, имея в виду их тесную взаимосвязь с синтаксическим членением текста. Однако использование автором знаков препинания иногда придаёт дополнительные смыслы, и тогда в переводе эти категории лучше отнести к стилистическим трансформациям.

Ключевые слова: стихотворение в прозе, ритм, интонация, авторская пунктуация, перевод, грамматические трансформации, стилистические трансформации

Для цитирования: Свешникова М. И., Сернова Е. И. Стихи в прозе: проблема пунктуации в переводе // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 58–63.

Original article

POEMS IN PROSE: THE PROBLEM OF PUNCTUATION IN TRANSLATION

Marina I. Sveshnikova^{1✉}, Elena I. Sernova²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹msveshnikva@rambler.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Abstract. The genre of a poem in prose differs from lyric poetry and from prose at the same time in its special form, since a poem in prose reflects both the specifics of prose and the specifics of verse. Usually this is a small text with a plotless composition, increased emotionality, expressiveness, and often rhythmically organized. A poem in prose is understood as a non-verse lyrical work, a genre whose constructive principle is not so much a miniature volume of text as a focus on a mental event that takes place in the mind of the speaker and transforms his status from a narrator into a lyrical subject. Rhythm plays the most important role in conveying intonation in them, since there are no external organizing

techniques of the text. It is in such works that the author's punctuation is used as an additional means of expressiveness, in addition to the standard syntactic division of the statement. And this factor is extremely important for translating a prose poem into another language. The author's combination of punctuation marks, manifested in the individual use of punctuation, requires additional means in translation. In the translation of M. Gorky's "Song of the Thunderbird" into French, neither the syntax nor the vocabulary of another language allows preserving the punctuation pattern of the original. Some researchers classify punctuation transformations as grammatical transformations, bearing in mind their close relationship with the syntactic division of the text. However, the author's use of punctuation sometimes gives additional meaning, and then in translation these categories are better classified as stylistic transformations.

Keywords: poem in prose, rhythm, intonation, author's punctuation, translation, grammatical transformations, stylistic transformations

For citation: Svешnikova M. I., Sernova E. I. Poems in prose: the problem of punctuation in translation. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):58–63 (In Russ.).

Оформление поэтического произведения имеет большое значение для выражения смыслового содержания текста. Правила метрической организации подчинены ритмическому рисунку стиха, что сохраняет специфическую каденцию.

Особняком стоят так называемые стихи в прозе, которые очень трудно классифицировать, как стихотворные. Тем не менее они также имеют свои средства выразительности и организации, позволяющие причислять их к поэтическим произведениям. Жанр стихотворения в прозе отличается от лирики и от прозы одновременно необычной, странной формой, так как в стихотворении в прозе отражаются и специфика прозы, и специфика стиха, то есть прозаический принцип развёртывания речи и особый ритм, свойственный поэзии. Произведение получает большую свободу для выражения поэтического содержания по сравнению с прозой, так как в прозе, например, отсутствует ритм [9].

В русском стихосложении нет точного определения стихотворения в прозе. Многие исследователи считают, что такое произведение не имеет жёстких метрических признаков. Тем не менее определённые закономерности в оформлении можно встретить в большинстве произведений подобной направленности. Обычно это небольшой объём текста, бессюжетная композиция, повышенная эмоциональность, выразительность и часто некая ритмичность речи.

Согласно словарю актуальных терминов и понятий «Поэтика», стихотворение в прозе понимается как нестиховое лирическое произведение, жанр, конструктивным принципом которого служит не столько миниатюрный объём текста, сколько сосредоточенность на ментальном событии, совершающемся в сознании говорящего и трансформирующем его статус из рассказчика в лирического субъекта. Поэтика «остановленного мгновения», конструктивно определяющая тематику, сюжет, детализацию, композицию, стилистику, ритмико-интонационный строй, представляется необходимой жанровой характеристикой. Стиховедческие категории метра и рифмы к текстам стихотворения в прозе неприменимы в их обычном понимании, но им присуща общая лирическая тенденция к циклизации, к повторяемости конструкций и лексических средств [6, с. 253]. В таких текстах обилие и значимость пауз не только на синтаксическом и интонационном уровнях, но и на эмоциональном выражаются через чрезмерное использование восклицательных и вопросительных построений, авторское использование определённых знаков препинания, относительную самостоятельность слова, равного целому предложению и др. Большое значение имеет и графическое оформление, и расположение текста [8, с. 37].

Так как стих – это интонационное явление, то интонация – вот тот речевой фактор, который отличает стихи от прозы [5, с. 14]. Это положение имеет огромное значение именно для стихов в прозе. Важнейшую роль в передаче

интонации в них играет ритм, так как нет внешних организующих приёмов текста. Ритм – душа поэзии. Однако особенность ритма отражает национальную особенность литературы. Для соответствия ритма содержанию структура слогов основывается на определённой закономерности [1, с. 418]. И этот фактор чрезвычайно важен для перевода стихотворения в прозу на другой язык. Именно в такой стиховой форме ритмическое построение текста и его отражение средствами другого языка представляет наибольшие затруднения.

Перевод поэтических произведений связан с большим количеством ограничений, вызванных построением текста и требующих дополнительной интерпретации таких средств поэтического языка, как рифма, ритм, размер, звучание, лапидарность, не говоря уже о системе поэтических образов, связанной с культурным наследием автора, его ценностями, мировоззрением и воображением, что может стать невыполнимой задачей [10, с. 168]. Авторское сочетание знаков препинания, проявляющееся в индивидуальном использовании пунктуации [3, с. 89], также требует дополнительных средств в переводе. По образному выражению К. Чуковского, все особенности пунктуации автора должны быть свято сохранены переводчиком [цит. по: 10, с. 170].

Однако сохранение авторской пунктуации только осложняет задачу переводчика: в системе другого языка могут возникнуть коллизии в понимании текста. Рассмотрим для примера перевод «Песни о Буревестнике» М. Горького на французский язык [4, с. 17–18, 200–201]. Даже в использовании пунктуационных средств, близком к стандартному, ни синтаксис, ни лексика другого языка не позволяют сохранить пунктуационный рисунок оригинала, особенно если языки относятся к разным группами (синтетической и аналитической), что мы можем наблюдать в последнем предложении данного отрывка:

«Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.» [4, с. 18].

«Des flammes bleues tombent des nuages dans les abîmes de la mer. La mer engloutit les flèches des éclairs et les éteint dans ses gouffres. Comme des serpents de feu, les reflets de ces éclairs se tordent sur les flots et s'évanouissent.» [4, с. 201].

Перевод стихотворения в прозу не представляется более лёгким, чем перевод метрически организованного текста. Именно в таких произведениях авторская пунктуация используется в качестве дополнительных средств выразительности, помимо стандартного синтаксического членения высказывания. В таком произведении соединяются характеристики песни и стиха, а в песне обязательно содержится ритм, создающий музыкальную эстетику, и эти характеристики необходимо сохранять в переводе [9]. Так, ритм в цитируемом стихотворении чётко акцентируется в русском языке, однако в переводе его изменение зависит уже от фонетических законов другого языка:

«И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.» [4, с. 17].

«Les grèbes aussi gémissent; ils ne peuvent comprendre ces grèbes, la volupté qu'on trouve dans les batailles de la vie; le fracas des coups de foudre les éprouvante.» [4, с. 200].

Большинство исследователей склоняются к мнению, что проявлениями авторской пунктуации можно считать пристрастие к какому-то определённому знаку, расширение его функций, замену недостаточно сильных знаков более сильными, комбинирование знаков, а также избыточность пунктуационных знаков в тексте [3, с. 88]. Так, например, общеизвестно пристрастие М. Горького к знаку тире, проявляющееся даже там, где для этого нет ни синтаксических, ни интонационных оснований. Стихи в прозе этого автора представляют особую организацию текста, связанную с особенностями русского стихосложения и авторской пунктуации. В «Песне о Буревестнике» мы имеем предельный случай метрической урегулированности «непрерывного», то есть

графически не сегментированного на стихи текста. К тому же параллелизм синтаксических звеньев и строгое соответствие синтаксических пауз метрическим стопоразделам позволяют довольно точно представить текст «Буревестника» как последовательно выдержанную совокупность строк, близких по метрической организации к четырёхстопному хорею [8, с. 314]. Использование тире усиливает чёткое членение непрерывной строки на равные отрезки речи, что подчёркивает регулярность повторения сильных слогов и слов. Например:

«В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.» [4, с. 17].

В этом примере правомерность употребления тире можно объяснить противопоставлением «крик – жажда». Однако в переводе на французский язык это противопоставление было утрачено, и использование другого пунктуационного средства привело не просто к его нивелированию, а к смысловому искажению (вопрос вместо утверждения):

«Ce qu'il y a dans ce cri? La soif de la tempête! Force de la colère, flamme de la passion, confiance dans la victoire, voilà ce que les nuages entendent dans ce cri.» [4, с. 200].

Некоторые исследователи относят пунктуационные преобразования к грамматическим трансформациям, имея в виду их тесную взаимосвязь с синтаксическим членением текста. Это закономерно, так как именно знаки препинания позволяют проследить логику текста и правильно воспринять её. Однако в некоторых случаях бывает трудно объяснить мотив автора в использовании пунктуационных средств там, где это не требуется ни синтаксически, ни морфологически, ни интонационно. Например, появление тире после союза «и»:

«То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы.» [4, с. 17].

Следует отметить, что в переводе на французский язык тире отсутствует, однако сохранение запятой в положении, несвойственном французскому языку перед союзом «et», позволяет частично компенсировать и передать экспрессию авторского знака.

«Tantôt il effleure les vagues de son aile, tantôt il s'élançe comme une flèche vers les nuages; il crie, et la joie éclate dans le cri hardi que l'oiseau jette aux nuages.» [4, с. 200].

Пунктуационные знаки в качестве внеалфавитных средств не несут никакого сообщения, а лишь уточняют другие знаки [2, с. 15]. Однако использование автором знаков препинания иногда придаёт дополнительные смыслы, и тогда в переводе эти категории лучше отнести к стилистическим трансформациям. Мы наблюдаем это в переводе, где опущение знака снижает экспрессию оригинала:

«Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.» [4, с. 17].

«Les mouettes gémissent avant la tempête, elles gémissent, rasant la mer, semblent prêtes à cacher dans ses profondeurs l'effroi que leur inspire la tempête prochaine.» [4, с. 200].

Принципиальную роль в ритмо-организованном тексте, таком как стихотворение в прозе, играет ударение. Оно служит дополнительным средством выделения смысла, что отражается через знаки препинания. Так, в стихотворении в прозе ритмичность текста подчёркивается не только чередованием ударных и безударных слогов, но и пунктуационными знаками. В следующем примере запятые и тире в авторском исполнении подчёркивают членение предложений на равностопные отрезки, свойственные стихотворной речи:

«Вот он носится, как демон, – гордый, чёрный демон бури, – и смеётся, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, – чуткий демон, – он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет не скроют!» [4, с. 17].

Однако во французском языке, где ударные и безударные гласные равноправны, так как ударение всегда стоит на одном месте, оно не может оказывать влияния на значение слова: слух не приучается улавливать ударение, так как в это нет нужды [7, с. 12]. Перенос ударения на ритмическую группу не позволяет сохранить ритм оригинального текста:

«Il s'élançait comme un démon, – le fier, le noir démon des tempêtes, il rit, il sanglote; il se rit des nuages, il sanglote de joie.

Dans les fureurs de la foudre, ce démon subtil a deviné une lassitude; il sait que les nuages ne voileront pas longtemps le soleil. Non, ils ne le voileront pas!» [4, с. 201].

Таким образом, можно констатировать, что есть стихотворные построения, не способные повторно довести ритмы другого языка из-за особенностей ритма, а именно – из-за неизменности ударения и трудности инверсии [1, с. 418]. Сама структура стиха непосредственно связана с природой языка – длиной слов, порядком ударения, плюс к этому – с ритмом, который формируется согласно традиционным правилам стихосложения. В каждом языке они свои, и совместить иногда бывает очень трудно.

Список источников

1. Перевод поэзии и поэзия перевода (*исследование*) / С. А. Абдрахманов. – Астана : Аударма, 2008. – 472 с.
2. Бутов Р. Н. Графика в поэтическом тексте: традиции и инновации (на материале русской поэзии XX века) / Р. Н. Бутов. – Ижевск, 2010. – 227 с.
3. Ищук Е. Н. Авторская расстановка знаков препинания как намеренное нарушение пунктуационной нормы (на примере современной прозы и поэзии) / Е. Н. Ищук // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 9. – С. 88–92.
4. Максим Горький. Песня о Соколе / Песня о Буревестнике: [на русском и других европейских языках] // Великий скиталец: Максим Горький глазами современников. – Москва : Центр книги Рудомино, 2018. – 256 с.
5. Невзглядова Е. В. О стихе / Е. В. Невзглядова. – Санкт-Петербург : Звезда, 2005. – 272 с.
6. Поэтика / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – Москва : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. – 358 с.
7. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение / В. Е. Холшевников. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет ; Москва : Академия, 2004. – 206 с.
8. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха : в 2 кн. / О. И. Федотов. – Москва : Флинта: Наука, 2002. – Кн. 1. – 360 с.
9. Хоу Ин. О литературности перевода стихотворения в прозе с русского языка на китайский / Ин. Хоу. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-literaturnosti-perevoda-stihotvoreniya-v-proze-s-russkogo-yazyka-na-kitayskiy>.
10. Цуркан-Дружка Э. Знаки препинания в поэтическом переводе с русского на польский язык (на примере анализа стихотворения О. Мандельштама) / Э. Цуркан-Дружка. – URL: <https://dspace.uni.lodz.pl/handle/11089/33181>.

References

1. Abdrahmanov S. A. *Perevod poezii i poeziya perevoda (issledovanie) = Translation of poetry and poetry of translation (research)*. Astana: Audarma; 2008:472 p.
2. Butov R. N. *Grafika v poeticheskom tekste: traditsii i innovatsii (na materiale russkoy poezii XX veka) = Graphics in poetic text: traditions and innovations (based on the material of Russian poetry of the 20th century)*. Izhevsk: 2010:227 p.
3. Ishchuk E. N. Author's placement of punctuation marks as a deliberate violation of punctuation norms (on the example of modern prose and poetry). *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya, filologiya" = *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series "History, philology"*. 2014;13(9):88–92.

4. Maxim Gorky. Song about the Falcon / Song about the Petrel: [in Russian and other European languages]. *Velikiy skitalets: Maksim Gorkiy glazami sovremennikov = The Great Wanderer: Maxim Gorky through the eyes of his contemporaries*. Moscow: Rudomino Book Center; 2018:256 p.

5. Nevzglyadova E. V. *O stikhe = About poetry*. St. Petersburg: Zvezda; 2005:272 p.

6. *Poetika = Poetics*. Chief scientific ed. N. D. Tamarchenko. Moscow: Kulagina Publ'no House, Intrada; 2008:358 p.

7. Kholshchevnikov V. E. *Osnovy stikhovedeniya: Russkoe stikhoslozhenie = Fundamentals of poetry: Russian versification*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Moscow: Academy; 2004:206 p.

8. Fedotov O. I. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya. Teoriya i istoriya russkogo stikha: v dvukh knigakh = Fundamentals of Russian versification. Theory and history of Russian verse: in 2 books*. Moscow: Flinta: Nauka; 2002;1:360 p.

9. Khou In. *O literaturnosti perevoda stikhovoreniya v proze s russkogo yazyka na kitayskiy = On the literary quality of translating a prose poem from Russian into Chinese*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-literaturnosti-perevoda-stihovoreniya-v-proze-s-russkogo-yazyka-na-kitayskiy>.

10. Tsurkan-Druzhka E. *Znaki prepinariya v poehticheskom perevode s russkogo na polskiy yazyk (na primere analiza stikhovoreniya O. Mandelshtama) = Punctuation marks in poetic translation from Russian into Polish (on the example of the analysis of a poem by O. Mandelstam)*. Available at: <https://dspace.uni.lodz.pl/handle/11089/33181>.

Информация об авторах

М. И. Свешникова – кандидат педагогических наук, доцент;

Е. И. Сернова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about authors

M. I. Sveshnikova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

E. I. Sernova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 64–71.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):64–71.

Научная статья
УДК: 811.11, 808.2

**ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ДИХОТОМИИ «МЫ – ОНИ»
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Екатерина Владимировна Степанова©

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия,
stepanova.volg@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4860-0956

Аннотация. В статье рассматривается проблема лингвопрагматической репрезентации дихотомии «мы – они» в американском политическом дискурсе в контексте описания России в двух хронологических периодах – 2020–2021 и 2022–2023 гг. Цель работы состоит в определении концептуальных репрезентаций ценностного противопоставления России и США, реализующих их стратегий манипулирования и языковых стилистических средств. Комплексное изучение языкового материала, который до этого не рассматривался с позиций дихотомического подхода в дискурсивных исследованиях, составляет новизну работы. Автор приходит к выводу, что концептуальные репрезентации, основанные на дихотомии «мы – они», распространены в современном американском политическом дискурсе, направлены на формирование образов государств для реализации прагматической установки. По итогам проведённого исследования с использованием когнитивно-дискурсивного анализа, концептуального и интерпретационного методов были выявлены повторяющиеся компоненты представлений дихотомии «мы – они», выраженные категориями “our true values” и “incorrect / lagging / low” соответственно; установлено, что концептуальная репрезентация России в течение всего рассматриваемого периода с начала 2020 по конец 2023 г. осуществляется исключительно в отрицательных коннотациях; выделены повторяющиеся манипулятивные стратегии разобщения, расчеловечивания, единения перед лицом врага, а также преувеличения, умалчивания, нивелирования фактов, определены устойчивые и вариативные вербальные средства, в том числе метафоричных оппозиций “good and evil”, “democracy – autocracy”, “liberty – control”, “justice – injustice”, “natural order as opposed to chaos / aggression”, номинативы “allies – axe of evil”, “unjust”, “uncivilized/ barbarian”, “war of choice”, синтаксические повторы, оценочная лексика, выразительные приёмы метафорического моделирования, милитаристская метафоризация.

Ключевые слова: вербальные средства, дихотомия «мы – они», концептуальная репрезентация, метафорическое моделирование, политический дискурс

Для цитирования: Степанова Е. В. Вербальные средства реализации дихотомии «мы – они» в американском политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 64–71.

Original article

**VERBAL IMPLEMENTATION OF “WE – THEM” DICHOTOMY
IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE**

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia,
stepanova.volg@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4860-0956

Abstract. This article examines the problem of linguistic and pragmatic representation of the “us – them” dichotomy in American political discourse in the context of describing Russia over two chronological periods 2020–2021, 2022–2023. The purpose of the study is to determine the conceptual representations of the value opposition between Russia and the

United States, their implementation of manipulation strategies and linguistic stylistic means. The comprehensive study of linguistic material, which has not previously been considered from the perspective of a dichotomous approach in discourse studies, constitutes the novelty of the work. The author comes to the conclusion that conceptual representations based on the “us – them” dichotomy are common in modern American political discourse and are aimed at forming images of states to implement a pragmatic attitude. Based on the results of the study, using cognitive, discursive analyses, conceptual, interpretive methods, repeating components of the “us – them” dichotomy ideas were identified, expressed by the categories “our true values” and “incorrect / lagging / low” respectively; it has been established that the conceptual representation of Russia during the entire period under review from the beginning of 2020 to the end of 2023 is carried out exclusively in negative connotations; repeating manipulative strategies of separation, dehumanization, unity in the face of the enemy, as well as exaggeration, suppression, leveling of facts are highlighted, stable and variable verbal means are identified, including metaphorical oppositions “good and evil”, “democracy – autocracy”, “liberty – control”, “justice – injustice”, “natural order as opposed to chaos / aggression”, nominatives “allies – axe of evil”, “unjust”, “uncivilized / barbarian”, “war of choice” syntactic repetitions, evaluative vocabulary, expressive techniques of metaphorical modeling, militaristic metaphorization.

Keywords: verbal means, dichotomy “us – them”, conceptual representation, metaphorical modeling, political discourse

For citation: Stepanova E. V. Verbal Implementation of “we – them” dichotomy in American political discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):64–71 (In Russ.).

Отношения США и Россия характеризуются конфликтующими политическими интересами, историей холодной войны. За последние несколько лет усилился рост напряжённости, что находит отражение в транслируемых концептуальных репрезентациях ценностного противопоставления в современном политическом дискурсе и используемых для этого манипулятивных стратегиях. Изучение американского политического дискурса в контексте публичных выступлений руководителей государственных ведомств 2002–2023 гг. приобретает значимость в актуальных условиях, вносит вклад в развитие лингвопрагматики, концептологии, теории коммуникации.

Анализ концептуализации и дихотомии в политическом дискурсе проводился разными авторами: Б. Медоуз изучал концепты «солидарности / дистанции», вербализируемые посредством выразительных языковых средств, формирующих в сознании адресата дихотомию “hero-villain – герой-злодей” [7]. Э. Сандикчиоглу изучал средства построения когнитивной концепции ориентализма, которая используется для упрощения комплексных геополитических фактов до базовых дихотомий «мы – они», вследствие чего «незападная» ментальность репрезентируется как нечто недостойное и заведомо несправедливое [8]. Когнитивный подход при исследовании дихотомии «свой / чужой» через рефлексию ментальных логических структур нашёл отражение в работах А. П. Чудинова и Н. А. Красильниковой и др. [2–4].

Актуальность настоящего исследования обусловливается недостаточной степенью разработанности вопросов вербальных репрезентаций дихотомии «мы – они» в современном американском политическом дискурсе в отношении описания образа России, а также стремлением изучить использующиеся для этого вербальные средства реализации контркультурной дискурсивной идеологии. Предмет исследования – вербальные средства концептуальных репрезентаций дихотомии «мы – они» в политическом дискурсе лидеров США в 2020–2023 гг. Материалом послужили отобранные на официальных сайтах ведомств политические выступления президента, государственного секретаря, министра обороны США объёмом более 550 тыс. знаков, в которых содержатся упоминания о России; выбор материала осуществлялся методом сплошной селекции в двух хронологических рамках – 2020–2021 и 2022–2023 гг.

В ходе исследования был проведён анализ вербальных средств репрезентации дихотомии «мы – они» в политическом дискурсе США, выделены

некоторые повторяющиеся манипулятивные стратегии и определены языковые средства их выражения, в том числе закономерности метафорического представления контркультур США и России. Новизна работы состоит в комплексном изучении языкового материала, который до этого не рассматривался с позиций дихотомического подхода в дискурсивных исследованиях.

Манипулятивные стратегии широко используются в каждом конфликте США и России для обеспечения поддержки действий правительства на внутренней политической арене, а также в качестве важного внешнеполитического инструмента. Система ценностей, через которую транслируются основные доктрины США, варьируется в зависимости от потенциального получателя: на национальном уровне постулируется либерализм, система сдержек и противовесов, независимость бизнеса и свобода слова; для глобальной аудитории утверждаются ценности демократии, верховенства закона и надзора посредством публичной дипломатии [6]. Публичная дипломатия реализуется с помощью различных инструментов, в том числе через официальный политический дискурс.

Отражение в официальных высказываниях первых лиц США тем, связанных с Россией, и формируемый образ связаны с определёнными стереотипными представлениями у носителей американской лингвокультуры, реализуемыми на формальном уровне с помощью дихотомических ассоциативных связей «мы – они».

Результаты. Как показал анализ, концептуальные репрезентации ценностных представлений о России в американском политическом дискурсе в течение всего рассматриваемого периода с начала 2020 по конец 2023 г. осуществляется преимущественно в отрицательных коннотациях. В исследуемом материале были идентифицированы типичные, повторяющиеся концептуальные ассоциативные связи, репрезентирующие Россию, которые используются во всех анализируемых текстах. Также были выделены вариативные связи, относимые к актуальной военно-политической повестке. Весь объём концептуальных репрезентаций ценностного противопоставления транслирует отрицательный образ России в языковом сознании носителей американской лингвокультуры и построен на дихотомии «мы – они».

Анализ вербальных репрезентаций и манипулятивных стратегий способствовал определению повторяющихся компонентов дихотомии «мы – они». «Мы» выражено категориями “our true values – наши правильные ценности”, «они» – “incorrect / lagging / low – неправильные / отстающие / низкие”. Концептуальные репрезентации ценностного противопоставления американской и российской культур реализуются с помощью различных средств номинации, в том числе лексических оппозиций, милитаристской метафоризации, оценочности (*American leadership – advancing authoritarianism; determination of Russia to damage and disrupt our democracy; the Kremlin attacks our democracies and weaponizes corruption; protecting the rules-based international order, which is being challenged by authoritarian powers like Russia...*) [11; 12].

Данный вид концептуальных репрезентаций транслирует реакционное представление России как автократии, легитимирует идентичность Америки в качестве лидирующей демократической державы в противопоставлении ретроградной и авторитарной России. Следует отметить, что устройство стран, не являющихся союзниками США, представляется в качестве реплики американской системы в чрезвычайно упрощённом и негативном виде. Данные репрезентации, которые актуальны для некоторой части представителей американской лингвокультуры по сей день, частично совпадают с представлениями времен холодной войны и встречаются в обоих хронологических периодах.

Прагматические задачи в политическом дискурсе реализуются, в том числе с помощью инкорпорируемых концептуальных смыслов и манипулятивных стратегий. В ходе классификации языковых средств реализации дихотомии

«мы – они» были отмечены различия использования эмоциональных средств выразительности в каждом из выделенных хронологических периодов, в том числе метафорического моделирования.

В 2020–2021 гг. репрезентация дихотомии осуществляется с помощью метафоричных оппозиций “good and evil – добро и зло”, “democracy – autocracy – демократия – автократия”, “liberty – control – свобода – контроль”, “justice – injustice – справедливость – беззаконие”. Было выделено 73 вербальных противопоставления в общем массиве текстов (*this is also how we're going to be able to meet the threat from Russia, I responded in a direct and proportionate way to Russia's interference in our elections and cyber-attacks on our government and businesses, defend our vital interests and our people, will be more effective in dealing with Russia, the Department of State added six entities to the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) Section 231 List of Specified Persons as persons that are part of, or operate for or on behalf of, the defense or intelligence sectors of the Government of the Russian Federation*) [11; 12]. Указанные концептуальные репрезентации служат для реализации манипулятивной стратегии угрозы, в то время как оппозиции вектора “allies” (союзников) и “axe of evil” (оси зла) применяется для реализации манипулятивной стратегии разобщения.

Следует отметить, что в первом хронологическом периоде широко используется милитаристское метафорическое моделирование образа врага, проявившееся в политическом дискурсе еще до начала специальной военной операции – 61 упоминание в массиве текстов этого периода (*while we don't seek escalation, we're not looking for conflict, it helps us counter belligerence from Russia, growing rivalry from China and Russia and other authoritarian states, mounting threats to a stable and open international system, seizure of Crimea, addressing Russia's confrontational behavior, we announced actions to hold the Russian Government to account for the SolarWinds intrusion, we will act firmly in response to Russian actions that cause harm to us or our allies and partners*) [11; 12]. Формируемый постоянными повторениями образ врага формируется и поддерживается с картине мира носителей американской лингвокультуры на протяжении двух хронологических периодов разными вербальными средствами.

Кроме того, языковые средства, детерминирующие ассоциативное поле “unjust – неправильный / несправедливый”, способствуют репрезентации концептов «они», используя номинации “unnatural – неестественный”, “wrong – неправильный”, “in contrast to morals, law – противоречащим нормам морали и права”, – 57 упоминаний (*Russia has engaged in activities which are – we believe are contrary to international norms; Russian efforts to suppress freedom of expression and peaceful assembly, complicit in hindering the work of independent media; malign activities in which Russia's defense sector engages; given Russia's conduct in recent months and years, there will also be adversarial elements; because we face great global challenges: Russia's destabilizing activities, the threat of terrorism, cyber-attacks and nuclear proliferation, disruptive technologies; the attacks on and the imprisonment of opposition politicians, anti-corruption activists, and independent journalists in places like Russia, Uganda, Venezuela.*) [12]. Указанные концептуальные номинации также применяются для реализации манипулятивной стратегии разобщения.

Репрезентация концепта «мы» преимущественно формируется с помощью ассоциативного поля «сплочение перед лицом врага», использующихся номинаций “natural order as opposed to chaos / aggression – правильного естественного порядка в противопоставлении хаосу и агрессии”, – 76 упоминаний в общем массиве текстов (*we work in coalition and coordination with other like-minded partners; Russian leaders want people to think that our system is more corrupt or as corrupt as theirs. But the world knows that isn't true; how we can work together on the basis of our shared values to address global challenges that come*

from Iran, Russia, and China; strengthening the alliance's capacity to counter Russia; the continuing threats of terrorism; we'll engage with our allies to discuss different views of Russia; we agreed to coordinate our efforts in addressing Russia's confrontational behavior; what we are about is standing up for basic principles, basic rights, and a rules-based international order; commitment to work with Allies and partners to counter Russian efforts to undermine our collective security) [11; 12]. Реализуемая манипулятивная стратегия в данном случае может быть определена как единение перед лицом врага, которому должен быть дан адекватный отпор. Вербальные средства выразительности, отражающие концепты, включают парафразы (*and we're not going to shy away from those, we face great global challenges: Russia's destabilizing activities, the threat of terrorism; and how we can engage with Russia*), метафорического моделирования (*until Russia reverses course; and encourage Russia to abandon this path; but they have also bitten off some real problems they're going to have trouble chewing on.*) [11].

Во втором хронологическом периоде – 2022–2023 гг. – представление концепта «они» реализуется в рамках манипулятивной стратегии расчеловечивания с помощью репрезентаций противника такими номинациями, как “uncivilized / barbarian – представитель низших по духовному развитию, варварских обществ”, – 38 упоминаний в массиве текстов данного периода. Языковые средства лексического и грамматического уровней оценочны и обладают высокой эмоциональностью за счет метафорического моделирования (*Russia continues to rain missiles down on the people of Ukraine; we've have not forgotten the mass graves, the bodies found bearing signs of torture, rape used as a weapon by the Russians*), эпитетов (*Russia's deliberate cruelty; they are imposing a campaign of terror; unrelenting Russian aggression and incalculable human suffering; when the Russian war machine attempted its western march Russia's ongoing brutal war*), гиперболы (*saving countless civilian lives from Russia's bombardments, Russia has continued its assault on civilian targets; Russia has made one of the greatest strategic errors Russia's ever made*) [11; 12].

В рамках военной повестки милитаристское метафорическое моделирование формирует ассоциативно-вербальный образ “war of choice – война по выбору” относительно действий России – 34 упоминания в массиве текстов второго хронологического периода. Наиболее типичными номинациями американского политического дискурса, служащими для реализации манипулятивной стратегии расчеловечивания в анализируемом материале, выступают следующие ассоциативные элементы: “illegal – незаконный”, “acute threat – острая угроза”, “indefensible – неоправданный”, “cruel – жестокий”, “reckless – безрассудный”, “unprovoked aggressor – неспровоцированный агрессор”, “dehumanized – бесчеловечный”, “tyranny – тирания”, “occupation – оккупация”, “terror – террор”, “demoralized – деморализованный”, “strategically wrong – стратегически неправильный”, “brutal – жестокий” (*this is a war of choice – it's a war of choice for Russia; their war of choice then focused on the seizure of the Donbas, the Donetsk and Luhansk Oblasts; they started this war and Russia can end this war; Russia can make another choice, and they could make a choice today, to end this war; it's fought by the Russian people, and this is a war that Russia's leadership has chosen to put Russia into*) [11; 12]. При репрезентации концептов «они» доминирующими по частотности являются метафорическое моделирование неизбежной поверженности, которые реализуют прагматические смыслы “fair punishment for aggression – справедливого возмездия за агрессию” (*We are also making sure, through our joint actions, that Russia's ability to wage war is hampered as much as possible and that those responsible are held accountable; NATO might respond if a Russian missile went into NATO territory; and I think they will continue to keep the pressure on the Russians going forward; but Russian leadership miscalculated*) [11; 12].

«Мы»-реальность в политическом дискурсе описывается с помощью метафор семьи / содружества, которые служат для реализации манипулятивной стратегии единения, сплочения перед общим врагом. Репрезентация строится на укоренившихся в сознании представлениях, в том числе закреплённых в кинематографе, литературе, для чего используются отсылки к устоявшимся в американском обществе концепту «общего врага», укоренившегося ещё в период холодной войны, манипулятивные тактики преувеличения, логические ошибки, умалчивания, нивелирования фактов, подмена понятий, а также эмоционально окрашенные, оценочные элементы лексики и синтаксические повторы (...*defend itself against Russia's ongoing ruthless attacks ...they are imposing a campaign of terror, unrelenting Russian aggression and incalculable human suffering. When columns of Russia's tanks drew near, this group and these nations armed brave Ukrainians with anti-armor weapons. When Russia attempted to command occupied territory, this group and these nations armed brave Ukrainians with long-range fires. When Russia's cruise missiles and attack drones filled the Ukrainian skies, this group and these nations armed brave Ukrainians with layered air defense. When Russians attempted to regroup and refit, this group and these nations armed brave Ukrainians with tanks, troop carriers, and armor to go on the offensive.*) [11; 12]. Количественно концептуальные репрезентации дихотомии «мы – они», изученные автором в американском политическом дискурсе, могут быть наглядно представлены в виде диаграммы (см. рис.).

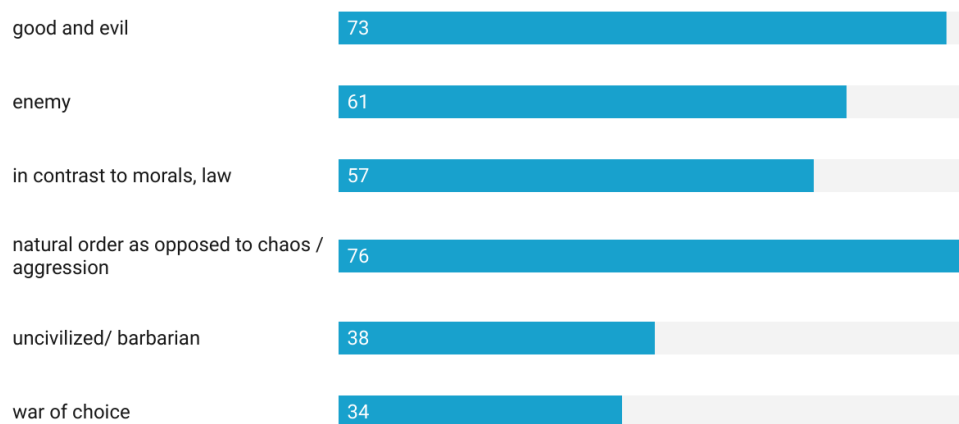

Рисунок – Количественно концептуальные репрезентации дихотомии «мы – они» в американском политическом дискурсе

Во всём массиве изученного материала обоих хронологических периодов политические выступления американских лидеров характеризуются частым использованием манипулирования: преувеличений, умалчивания, нивелирования фактов. Манипуляции маскируются в тексте смешением различных стилей, включением возвышенно-патетических фрагментов и риторического стиля, призванных снизить объективную критику (*We've have not forgotten the mass graves, the bodies found bearing signs of torture, ..., and thousands and thousands of Ukrainian children forcibly taken into Russia, stolen from their parents; Russia has also brought danger and misery to innocent civilians far beyond Ukraine*) [11; 12]. Дополнительное драматическое звучание речи выступлений формируется с помощью эмоционально окрашенной лексики и синтаксиса.

Вывод. Концептуальные репрезентации, основанные на дихотомии «мы – они», распространены в современном американском политическом дискурсе, служат для формирования определённых образов государств и достижения конкретных тактических и стратегических целей. Используемые

ментальные модели, выражаемые манипулятивными стратегиями разобщения, расчеловечивания, единения перед лицом врага, при этом разнообразны и определяются различными факторами в разных хронологических периодах. Вербальная репрезентация образов строится на повторяющихся компонентах дихотомии «мы – они», где «мы» выражено номинациями «наши правильные ценности», «они» – «неправильные / отстающие / низкие». Вербализация дихотомии осуществляется с помощью лексических оппозиций, повторов в синтаксисе, оценочности; лидирует выразительный приём метафорического моделирования, милитаристской метафоризации, который используется в рамках всех стратегий манипулирования для дискредитации, снижения значимости России, приписывания ей роли злодея и неспровоцированного агрессора, при этом США представляется как герой, защитник демократии и лидер свободы слова. Концептуальные образы дихотомии, используемые стратегии манипулирования и вербальные средства из реализации формируют конфликтные ментальные структурно-логические схемы в языковом сознании.

Список источников

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультуры логической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, Англии и России / Н. А. Красильникова. – Екатеринбург, 2005. – 208 с.
3. Френкель И. А. Лингвистические особенности вербализации компонента «чужой» в дискурсе М. Ле Пен / И. А. Френкель // Гуманитарные исследования. – 2023. – № 2 (86). – С. 77–87.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. – 248 с.
5. An official website of the United States Government. – URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts> (дата обращения: 08.11.2023).
6. Cull N. J. The Annals of the American Academy of Political and Social Science / N. J. Cull // Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. – 2008. – P. 616.
7. Hallin D. C. Revisited: Four Empirical Types of Western Media Systems / D. C. Hallin, P. Mancini // Journal of Communication. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 329.
8. Meadows B. Distancing and Showing Solidarity via Metaphor and Metonymy in Political Discourse: A critical study of American statements on Iraq during the years 2004–2005 / B. Meadows // Critical Approach to Discourse Analysis across Disciplines. – 2007. – Vol. 1 (2). – P. 1–17.
9. Official website of the United States Government. – URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts> (дата обращения: 17.11.2023).
10. Sandikcioglu E. More Metaphorical Warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage / E. Sandikcioglu // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 299–3201.
11. Public Diplomacy and Propaganda: Rethinking Diplomacy in the Age of Persuasion / N. Snow. – URL: <https://www.e-ir.info/pdf/30579>.
12. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks> (дата обращения: 17.11.2023).
13. US Department of State. – URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 17.11.2023).

References

1. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discours*. Volgograd: Peremena; 2002:477 p.
2. Krasilnikova N. A. *Metaforicheskaya reprezentatsiya lingvokulturo logicheskoy kategorii SVOI — ChUZhIE v ekologicheskom diskurse SShA, Anglii i Rossii = Metaphorical representation of the linguocultural and logical category OWN – ALIENS in the environmental discourse of the USA, England and Russi*. Ekaterinburg: 2005:208 p.

3. Frenkel I. A. Linguistic features of the verbalization of the “alien” component in the discourse of M. Le Pen. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):77–87.
4. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003:248 p.
5. *An official website of the United States Government*. Available at: <https://www.defense.gov/News/Transcripts> (accessed: 20.11.2023).
6. Cull N. J. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. *Public Diplomacy: Taxonomies and Histories*. 2008:616.
7. Hallin D. C., Mancini P. Revisited: Four Empirical Types of Western Media Systems. *Journal of Communication*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004:329.
8. Meadows B. Distancing and Showing Solidarity via Metaphor and Metonymy in Political Discourse: A critical study of American statements on Iraq during the years 2004–2005. *Critical Approach to Discourse Analysis across Disciplines*. 2007;1(2):1–17.
9. Sandikcioglu E. *More Metaphorical Warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage. Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*. Ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter; 2000:299–320.
10. Snow N. *Public Diplomacy and Propaganda: Rethinking Diplomacy in the Age of Persuasion*. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/30579> (accessed: 20.11.2023).
11. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks> (accessed: 20.11.2023).
12. *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/> (accessed: 20.11.2023).

Информация об авторе

Е. В. Степанова – кандидат филологических наук.

Information about the author

E. V. Stepanova – Candidate of Philological Sciences.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 26.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 72–76.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):72–76.

Научная статья
УДК 81

**СМЫСЛОВАЯ КОМПРЕССИЯ ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ**

Светлана Константиновна Тивикова®

Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Россия,
svetlanativ@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи между формированием функциональной читательской грамотности обучающихся и их способностью к переработке информации. В качестве технологии, направленной на решение данной задачи, рассматривается смысловая компрессия текста. Показаны возможности её использования при проведении сжатых изложений в начальной школе. Автор приходит к выводу о том, что эффективность использования технологии смысловой компрессии текста зависит как от понимания специфики механизма речи, лежащего в его основе, так и от соответствия характерным для учащихся особенностям восприятия, понимания и воспроизведения речевого высказывания.

Ключевые слова: смысловая компрессия текста, функциональная читательская грамотность, сжатое изложение

Для цитирования: Тивикова С. К. Смысловая компрессия текста как средство формирования функциональной грамотности // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 72–76.

Original article

**SEMANTIC COMPRESSION OF THE TEXT
AS A MEANS OF FORMING FUNCTIONAL LITERACY**

Svetlana K. Tivikova

Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russia,
svetlanativ@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the relationship between the formation of functional reading literacy of students and their ability to process information. Semantic compression of the text is considered as a technology aimed at solving this problem. The possibilities of its use in conducting concise presentations in elementary school are shown. The author comes to the conclusion that the effectiveness of using semantic text compression technology depends both on understanding the specifics of the underlying speech mechanism and on matching the characteristics of perception, understanding and reproduction of a speech utterance characteristic of students.

Keywords: semantic compression of the text, functional reader literacy, concise presentation, elementary school

For citation: Tivikova S. K. Semantic compression of the text as a means of forming functional literacy. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):72–76 (In Russ.).

Развитие современной личности невозможно сегодня без высокого уровня сформированности того качества человека, которое определяется как функциональная читательская грамотность и представляет собой способность читателей извлекать информацию различных видов и уровней в процессе чтения, что требует целенаправленной, систематической работы

по формированию читательской грамотности у всех участников образовательных отношений [5–7].

«Если формальная грамотность, – отмечал А. А. Леонтьев, – это владение навыками и умениями техники чтения, то функциональная грамотность – это способность человека свободно использовать эти навыки для извлечения информации из реального текста – для его понимания, сжатия, трансформации». Называя смысловую компрессию одним из вариантов «перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления», учёный указывал, что «в результате может образовываться “мини-текст”, воплощающий в себе основное содержание исходного текста...» [4, с. 383].

Освоение механизма смысловой компресии речевого высказывания, позволяющего осуществлять подобные действия, становится сегодня одним из важнейших механизмов речи, а его формирование у учащихся является наиболее востребованным в связи с реализацией идей обновлённого Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Использование смысловой компресии как алгоритма работы с текстом, обеспечивающего с большой долей вероятности получение планируемых результатов, позволяет преобразовать этот процесс в образовательную технологию [9].

При разработке данной технологии мы опирались на работы отечественных психологов, психолингвистов, методистов, посвящённых эффективности различных видов упражнений при формировании практических навыков речевой деятельности младших школьников, в том числе при работе над сжатыми изложениями и краткими пересказами.

Выделенный Н. И. Жинкиным [2] механизм смысловых замен, который предполагает «перевод» текста в другие виды субъективно эквивалентных вербальных или невербальных кодов, позволяет выстраивать смысловую иерархию в языковом сознании учащихся и, наряду с другими механизмами речи, способствует переработке текста, сокращая его до опорных единиц разного уровня. Выделение таких семантически значимых элементов текста позволяет сжимать текст до определённых, заданных заранее размеров.

Как отмечает учёный, в процессе восприятия речи реципиент не запечатлеывает в памяти развёрнутый контекст, а путём некоторого преобразования во внутренней части сжимает воспринимаемое сообщение до «смысловой темы», представляющей собой своеобразный внутренний код (модель, схему), эквивалентный, с одной стороны, смысловому содержанию воспринимаемой речи, а с другой – речи воспроизводимой.

Смысловая целостность текста заключается в единстве его темы, в наличии одной главной идеи, которая представляет собой его семантическое ядро. Иными словами, все его составные элементы (абзацные блоки, абзацы, предложения) организованы вокруг этой идеи. На уровне абзаца предложения организуются вокруг основной мысли абзаца. Таким образом, текст представляет собой иерархию разноуровневых контрольных мыслей.

Текст характеризуется определённой смысловой структурой, которая представляет собой иерархическую систему смыслообразований. Иерархия образуется путём включения высказываний нижележащего уровня в высказывание вышележащего уровня, причём все высказывания (смысловые образования) выстраиваются вокруг общей ключевой идеи текста.

Процесс компресии предполагает, что свёртывание вербализованного выражения текста не должно вести к сокращению его основного содержания и смыслов. Это нередко требует не только количественного, но и структурного изменения исходного речевого высказывания. По мнению О. Е. Грибовой, «извлечённые из текста опоры должны быть определённым образом переработаны, а, следовательно, перегруппированы и развернуты в “новом” порядке» [1, с. 34].

Для сжатия текста, как отмечают многие исследователи, могут быть использованы различные способы, основными из которых являются обобщение (объединение информации, в том числе нескольких предложений в одно), исключение (извлечение второстепенных элементов сообщения, которые можно восстановить на основе контекста), реконструкция текста (перестройка, структурное изменение, в том числе преобразование фрагментов текста, содержащих прямую речь) [6].

Наиболее адекватными видами речевой работы, направленными на формирование данного механизма, является краткий пересказ и сжатое изложение.

В процессе создания сжатых изложений происходит выстраивание смысловой иерархии воспринятой информации в языковом сознании обучающихся. Выделение опорных единиц разного уровня позволяет сжимать текст до определённых, заданных заранее размеров. Объём текста, созданного детьми, должен составлять 30–50 % по отношению к тексту-образцу.

Данные виды речевой работы воспринимаются педагогами в качестве эффективных средств для формирования функциональной читательской грамотности. В то же время, как показывают проведённые нами исследования, систематически проводят данные виды работы не более 3–7 % учителей начальных классов, хотя потребность в них осознают многие. В качестве причин подобного отношения педагоги называют прежде всего большие временные затраты, которые, по их мнению, необходимы для проведения сжатого изложения и краткого пересказа, а также недостаточный уровень владения механизмом смысловой компрессии у самих учителей. Овладению механизмами понимания и смысловой компрессии текста всеми участниками образовательных отношений способствует в той или иной степени разработка соответствующей технологии.

Для её реализации нами выделены элементы процедуры сжатия текста и их последовательность, обеспечивающие получение планируемых результатов.

Поскольку для работы над сжатым изложением в начальных классах предпочтительно выбирать повествовательные тексты с одной сюжетной линией, то первым этапом алгоритма смысловой компрессии текста становится актуализация знаний обучающихся о специфике данного вида речевого высказывания на основе его модели и постановка проблемы, связанная с обоснованием необходимости овладения такой формой преобразования текста, как его сжатие.

При ознакомлении с названием текста уместно использовать приём упреждения текста, позволяющий прогнозировать в определённой степени содержание, структуру, стиль, жанр и другие особенности текста-образца [3; 8; 10] и служащий началом его анализа.

Осознанию художественного текста в его смысловой целостности способствуют, по мнению М. И. Шутана [11], как комплексный, так и сфокусированный анализ текста, что позволяет понимать содержание произведения, определять его структурные и языковые особенности, выявлять основные смыслы.

Следующим этапом в данном алгоритме работы будет разделение текста-образца на основе модели его типовой структуры, выделение ключевых слов, отражающих основные идеи каждой части, и составление плана. Данная работа проводится на основе «рабочего листа», отражающего как сам алгоритм работы, так и его результаты.

Теперь можно приступить к «свёртыванию» информации. В результате сжатия исходный текст должен быть сокращён на 30–50 % в зависимости от поставленной задачи. Главным критерием отбора информации являются не только ключевые слова и объём сокращённого текста, но и соответствие сжатого изложения основной мысли автора и логичность повествования. «Избавляясь» от несущественных деталей, учащиеся могут исключить

отдельные члены предложения, пропустить предложения, содержащие второстепенные факты, предложения с описаниями и рассуждениями, заменить однородные члены обобщающим словом, сократить сложное предложение за счёт менее существенной части или заменить на сокращённые простые. Одним из основных моментов на данном этапе работы является обучение переформулированию предложений, синтаксических конструкций и отбору наиболее удачных формулировок в соответствии с основной мыслью каждой части и всего текста в целом. В случае наличия в тексте прямой речи она, как правило, преобразуется в косвенную.

Важнейшим этапом является осознанное и произвольное построение речевого высказывания в сжатом виде на основе ключевых слов каждой части и выделенных предложений.

Проверка и самопроверка полученного текста на основе сопоставления с моделью и ключевыми словами. Соотнесение полученного текста с образцом происходит как на основе составленного рабочего листа, т. е. сопоставления с моделью и ключевыми словами, так и заданных заранее параметров, в том числе объёма текста. Это позволяет обучающимся самостоятельно оценивать качество выполнения учебной задачи и осуществлять её презентацию.

Разработанный нами вариант технологии смысловой компрессии текста в течение более пятнадцати лет успешно используется педагогами начальных классов Нижегородской области. Его эффективность подтверждается тем, что 75–100 % обучающихся успешно справляются с созданием сжатых изложений и кратких пересказов.

Таким образом, эффективность использования технологии смысловой компрессии текста зависит как от понимания специфики механизма речи, лежащего в его основе, так и от соответствия характерным для учащихся особенностям восприятия, понимания и воспроизведения речевого высказывания.

Список источников

1. Грибова О. Е. Текстовая компетенция: лингвистический, психолингвистический и онтолингвистический анализ / О. Е. Грибова. – Москва : Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 120 с.
2. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество / Н. И. Жинкин. – Москва : Лабиринт, 1998. – 368 с.
3. Колесова О. В. Развитие речи младших школьников на функционально-стилистической основе / О. В. Колесова // Начальная школа плюс До и После. – 2008. – № 3. – С. 16–19.
4. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / А. А. Леонтьев. – Москва ; Воронеж : Московский психолого-социальный институт, 2001. – 448 с.
5. Молодцова Н. Г. Особенности развития функциональной грамотности обучающихся в процессе восприятия и понимания произведений изобразительного искусства / Н. Г. Молодцова // Нижегородское образование. – 2021. – № 1. – С. 59–65.
6. Одегова В. Ф. Пути формирования читательской компетентности младших школьников / В. Ф. Одегова, Н. В. Самойлова. – Нижний Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2018. – 267 с.
7. Пичугин С. С. Читательская грамотность как компонент функциональной грамотности младших школьников / С. С. Пичугин // Инновационная деятельность в образовательных организациях / отв. ред. М. Г. Заббарова. – Ульяновск : Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 2018. – С. 295–299.
8. Саломатина Л. С. Лингвометодические основы обучения младших школьников написанию изложения / Л. С. Саломатина // Начальная школа. – 2020. – № 2. – С. 28–34.
9. Тивикова С. К. Методика работы над сжатым изложением на основе смысловой компрессии текста / С. К. Тивикова // Речевое развитие младших школьников: коммуникативно-деятельностный подход / под ред. С. К. Тивиковой. – Нижний Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2014. – С. 148–163.

10. Тивикова С. К. Творческое изложение на основе метода прогнозирования / С. К. Тивикова // Начальная школа. – 2004. – № 2. – С. 61–69.

11. Шутан М. И. О видах анализа художественного текста на уроках русского языка / М. И. Шутан // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 2. – С. 7–15.

References

1. Gribova O. E. *Tekstovaya kompetentsiya: lingvisticheskiy, psikholingvisticheskiy i ontolingvisticheskiy analiz = Text competence: linguistic, psycholinguistic and ontolinguistic analysis*. Moscow: Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers; 2009:120 p.

2. Zhinkin N. I. *Yazyk – rech – tvorchestvo = Language – speech – creativity*. Moscow: Labirint; 1998:368 p.

3. Kolesova O. V. Development of speech of primary schoolchildren on a functional-stylistic basis. *Nachalnaya shkola plyus Do i Posle = Primary school plus Before and After*. 2008;3:16–19.

4. Leontev A. A. *Yazyk i rechevaya deyatelnost v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii = Language and speech activity in general and pedagogical psychology*. Moscow; Voronezh: Moscow Psychological and Social Institute; 2001:448 p.

5. Molodtsova N. G. Features of the development of functional literacy of students in the process of perceiving and understanding works of fine art. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod education*. 2021;1:59–65.

6. Odegova V. F., Samoylova N. V. *Puti formirovaniya chitatelskoy kompetentnosti mladshikh shkolnikov = Ways of developing reading competence of junior schoolchildren*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute for Educational Development; 2018:267 p.

7. Pichugin S. S. Reading literacy as a component of functional literacy of junior schoolchildren. *Innovatsionnaya deyatelnost v obrazovatelnykh organizatsiyakh = Innovative activities in educational organizations*. Ed. by M. G. Zabbarov. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; 2018:295–299.

8. Salomatina L. S. Linguistic and methodological foundations of teaching junior schoolchildren how to write presentations. *Nachalnaya shkola = Elementary school*. 2020;2:28–34.

9. Tivikova S. K. Methodology for working on a concise presentation based on semantic compression of the text. *Rechevoe razvitie mladshikh shkolnikov: kommunikativno-deyatelnostnyy podhod = Speech development of junior schoolchildren: a communicative-activity approach*. Ed. by S. K. Tivikovoy. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute for Educational Development; 2014:148–163.

10. Tivikova S. K. Creative presentation based on the forecasting method. *Nachalnaya shkola = Elementary school*. 2004;2:61–69.

11. Shutan M. I. About the types of analysis of literary text in Russian language lessons. *Russkiy yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021;82(2):7–15.

Информация об авторе

С. К. Тивикова – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой.

Information about the author

S. K. Tivikova – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 77–83.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):77–83.

Научная статья
УДК 81-13

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ольга Ивановна Халупо^{1✉}, Наталья Владимировна Сапожникова^{2©}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинск, Россия

²Уральский государственный университет физической культуры, Челябинск, Россия

¹olgakhalupo@list.ru[✉], ORCID: 0000-0001-9394-0277

²upg71@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – определить особенности аксиологического аспекта лингвокультурной картины мира, в которой язык и культура представляются важными компонентами, влияющими на функционирование общества в плане наличия ценностного аспекта как более широкой области познания, чем просто взаимосвязь культуры с языком, и их влияния на общую культуру человека. Для достижения обозначенной в работе цели были поставлены следующие задачи: провести сравнительный анализ базовых лингвокультурных единиц с позиции их принадлежности к определенной культуре; установить их отношение к ценностному аспекту и лингвокультурную направленность. Актуальность представленного исследования обусловлена значимостью для современной лингвокультурологии проведения анализа языковых средств, влияющих на уровень и качество межкультурной коммуникации субъектов, представляющих разные коммуникативные пространства. Научная новизна заключается в изучении и обозначении категорий ценностного содержания лингвокультурной картины мира с точки зрения представления базовых лингвокультурных единиц, отражающих эту область знаний. В данной статье выделены четыре категории в части систематизации и классификации лингвокультурных единиц, позволяющих более глубоко понять мировоззрение и осознать миропонимание других культур. Для отбора базовых лингвокультурных единиц были использованы следующие методы: *описательный метод*, позволяющий выявить многочисленные свойства и взаимосвязи языковых единиц; *таксономический метод*, применяемый при вычленении лингвокультурных единиц и распределении их по категориям; *квантитативный метод*, позволяющий выбрать языковой материал путем измерения частотности использования лингвокультурных единиц. Материалом для анализа послужили языковые единицы русского и английского языков (слова, свободные и устойчивые словосочетания) из учебных пособий, лексикографических источников, электронных ресурсов.

Ключевые слова: аксиология, межкультурная коммуникация, лингвокультурная картина мира, языковые ценности, культурные ценности

Для цитирования: Халупо О. И., Сапожникова Н. В. Аксиологический аспект лингвокультурной картины мира // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 77–83.

Original article

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL WORLD PICTURE

Olga I. Khalupo^{1✉}, Natalya V. Sapozhnikova²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia,

²Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russia,

¹olgakhalupo@list.ru[✉]

²upg71@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to determine the features of the axiological aspect related to the linguistic-cultural picture of the world, in which language and culture seem to be important components influencing the functioning of society in terms of understanding the value aspect as a broader area of cognition than just the relationship between culture and language and their influence on the general culture of a person. To achieve the goal outlined in the work, the following tasks were set: to conduct a comparative analysis of basic linguistic and cultural units from the position of their belonging to a particular culture; to determine their relationship to the value aspect; to check their linguistic and cultural background. The relevance of the presented research is due to the importance for modern linguistic-cultural studies of analyzing language units that influence the level and quality of intercultural communication of persons representing different communicative spaces. Scientific novelty lies in studying and designating the categories of value content related to the linguistic-cultural picture of the world from the point of view representing the basic linguistic-cultural units, which reflect this area of knowledge. This article identifies four categories in terms of systematization and classification of linguistic-cultural units, which help to more deeply understand the worldview and to realize the world conception of other cultures. To select basic linguistic-cultural units, the following methods were used: a descriptive method, which helps to identify numerous properties and relationships of linguistic units; a taxonomic method used in selecting linguistic-cultural units and distributing them into categories; a quantitative method, which helps to choose language material by measuring the frequency of using linguistic and cultural units. The material for the analysis was linguistic units of the Russian and English languages (words, free and fixed phrases) from textbooks, lexicographic sources and electronic resources.

Keywords: axiology, intercultural communication, linguistic and cultural world picture, linguistic values, cultural values

For citation: Khalupo O. I., Sapozhnikova N. V. Axiological aspect of the linguistic and cultural world picture. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):77–83 (In Russ.).

Актуальность. Проблемы изучения бытия человека, его вовлечённость в разные виды деятельности, связанная с языковой и культурной составляющей, его вербальное и невербальное поведение, способы мышления, средства выбора языковых средств были и остаются объектом изучения для разных областей знания. Учёные, исследующие данные сферы, рассматривают вопросы, посвящённые поведению личности, её формированию и становлению, вопросам отношения к различным аспектам жизни, поведению личности в различных жизненных ситуациях, налаживанию контактов с представителями иных сообществ, умению использовать средства взаимодействия в обществе, функции языка и значение культуры в нём и т. д. Исследователи пытаются найти эффективные методы для достижения поставленных коммуникативных целей, понимания процессов, происходящих в обществе. Такой подход, при котором изучается не объект познания, а субъект, получил название «антропоцентрическая парадигма». Согласно данной теории, «человек познаёт мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нём» [8, с. 6]. Следует отметить, что антропоцентричность проявляется в тесном взаимодействии с разными отраслями гуманитарного знания, дающего целостное отображение закономерных и существенных связей, происходящих в окружающей действительности. Таким образом, «антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и его усовершенствования» [6, с. 212].

Проблемы, которые ранее рассматривались в рамках таких дисциплин, как философия, психология, социология, культурология, стали объектом исследования и для лингвистики, лингвокультурологии. Язык и культура неразрывно связаны с человеком, его жизнедеятельностью, функционированием в социуме. Являясь неотъемлемой составляющей деятельности человека, язык и культура играют существенную роль в познании мира, формировании его мировоззрения. «Язык считается главной конституирующей характеристикой

человека, его важнейшей составляющей. ... Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы её представления с помощью средств языка» [9, с. 8]. Культурная составляющая деятельности отдельного человека заключается в рассмотрении его как носителя культурных ценностей, духовно-нравственных качеств. Культурная составляющая деятельности отдельного общества представляет собой систему культурных ценностей, на основе которых оно строится и функционирует. Понимание аксиологических аспектов картины мира позволит лучше ориентироваться в пространстве, правильно выстраивать политику поведения, а значит, достигать своих целей в процессе деятельности. Понимание аксиологических аспектов лингвокультурной картины мира позволит проанализировать систему ценностей лингвокультурного сообщества через её отражение в языке и соотношение ценностных аспектов.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется его включённостью в современную лингвокультурологическую парадигму с точки зрения значимости для современной лингвокультурологии анализа языковых средств, влияющих на уровень и качество межкультурной коммуникации субъектов, представляющих разные коммуникативные пространства.

Достижению поставленной в работе цели подчинены следующие задачи: провести сравнительный анализ базовых лингвокультурных единиц с позиции их принадлежности к определённой культуре; установить их отношение к ценностному аспекту и лингвокультурную направленность.

Материалом для анализа послужили языковые единицы русского и английского языков (слова, свободные и устойчивые словосочетания) из учебных пособий; лексикографических источников; электронных ресурсов. В работе использованы следующие методы: *описательный* (позволяет выявить многочисленные свойства и взаимосвязи языковых единиц), *таксономический* (позволяет вычленять лингвокультурные единицы и обобщать их по категориям), *квантитативный* (позволяет выбрать языковой материал путём измерения частотности использования лингвокультурных единиц).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по языкознанию, лингвокультурологии, культурологии, межкультурной коммуникации, а также при подготовке материалов учебных и учебно-методических пособий.

В рамках антропоцентрического подхода в данной работе предпринята попытка рассмотреть аксиологический подход в лингвокультурной парадигме, заключающийся в осознании ценностного аспекта как более широкой области познания, чем просто взаимосвязь культуры с языком и их влиянии на общую культуру человека. С позиции лингвокультурной картины мира рассматривается совокупность языковых структур и явлений, которые отражают социальный, национальный, исторический, этнический, культурный аспекты мировоззрения общества. В рамках данного подхода анализируется взаимодействие лингвокультуры с аксиологией – наукой о ценностных отношениях человека к действительности, о его способности постигать ценностную структуру мира и воплощать ценности в разных видах человеческой деятельности [10, с. 5]. Интерпретация ценностей происходит при понимании и осознании культурного содержания языковых единиц различных уровней языковой системы, что помогает составить представление о мировоззрении общества, о национальном менталитете. Мы исходим из положения о том, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры...» [15, с. 149].

Аксиологический аспект предполагает осознание теоретических и практических знаний о языковых и культурных ценностях, понимание их предназначения,

постижение жизненного смысла, умение определять и обосновывать своё отношение к данным ценностям, проявлять гуманистические, нравственные убеждения. В данном случае лингвокультура обеспечивает всесторонний взгляд на жизнь и общество, образуя то видение мира и те необходимые представления, которые лежат в основе формирования национального сознания и национальной идеи.

И если языковая картина мира представляет собой совокупность знаний о языковых единицах языка, системе отношений в языке, которая позволяет сформировать целостное представление о языковом строе языка и языковых особенностях, то лингвокультурная картина мира – это единство знаний о языковом пространстве, функционировании в этом пространстве языковых единиц, их культурном содержании, это познания, сформировавшиеся в результате развития общества, сохраняющиеся и передающиеся из поколения в поколение и обеспечивающие преемственность языкового и культурного мышления, мировоззрения [14, с. 269–270]. Лингвокультурная картина мира создаётся субъектами пространства, в котором функционируют определённые язык и культура, и характеризуются нами как лингвокультурные личности, которые являются не только носителями языка и культуры, понимающими важность культурных ценностей, отражённых в языке, но и становятся создателями тех «продуктов», которые являются истинными проявлениями языка и культуры.

Аксиологический аспект в языкознании и в лингвокультурологии – относительно новое направление. Некоторые проблемы уже освещены в исследованиях, целью которых является рассмотрение ценностных категорий, относящихся к смежным областям гуманитарного знания:

- анализ аксиологических аспектов с точки зрения этнолингвистики [2];
- определение разновидностей оценочных значений и способов их осуществления [1];
- изучение фразеологического состава языка с точки зрения ценностного содержания культурно-языковой семантики [13];
- изучение и анализ лингвокультурного типажа с позиции ценностных ориентаций [5];
- изучение и описание фрагментов русской языковой картины мира и национального менталитета как отражения ценностных ориентаций носителей языка [3, 7];
- применение лингвоаксиологического подхода в русле понятий, отражающих динамическую природу ценностей [11];
- описание коммуникативного поведения и определение степеней оценочности повседневного и официального общения [12].

В настоящий момент *аксиологический аспект* с позиции лингвокультурного содержания позволяет рассматривать отражение картины мира человека, основываясь не только на языково-мыслительные категории оценивания, но и на культурно-мыслительные. Аксиологический аспект тесно связан со сложившимися в лингвокультурном пространстве представлениями о ценностях в социуме и отличается социально-исторической обусловленностью каждой нации.

В. И. Карасик, говоря о ценностной картине мира, отмечает, что в ней сосредоточены наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [4; 5].

Аксиологический аспект лингвокультурной картины мира представляет, на наш взгляд, взаимодействие ценностей и оценок в пространстве определённого общества, социума, эксплицируемые в языке и культуре. Данный процесс осуществляется за счёт способности создавать, воспроизводить, корректировать, изменять аксиологическое содержание (ценности / антиценности)

лингвокультурной картины мира. Аксиологический аспект может определяться системой ценностей как моделью (стандарт, образец) для нахождения и понимания аксиологической значимости каких-либо реалий в виде процессов или явлений, так и в форме объектов или видений.

Природа ценностей, их структурирование, попытка систематизации и классификации являются многоплановой проблемой для исследования, поскольку необходимо принять во внимание и разносторонность, и степень значимости данных категорий. Например, фокусирование на языковых и культурных ценностях – актуально в лингвокультурных исследованиях. Для каждого поколения, этапа эволюции общества ценности могут быть разными по содержанию, но по категориям их можно классифицировать. На наш взгляд эти категории будут присущи всем поколениям и этапам развития общества.

Общественные ценности – это образцы поведения, идеи, общественные установки, которые сложились в течение определённого времени и являются общепринятыми в данном обществе. Например, для российского общества характерны лингвокультурные единицы: *соборность, общинность, коллективность, общительность, гостеприимство, искренность, эмоциональность, духовность* и др. А к ценностям английской культуры можно отнести *материальное благополучие, культ частной жизни, индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм* и др.

Общечеловеческие ценности – в большей степени это моральные ценности, содержание которых не имеет отношение к историческому отрезку времени или эпохе, но приобретает конкретный смысл и становится ценностью именно в определённом обществе. Например, для российского общества – это *благодарность, долг, сочувствие, великодушие, доброта* и др. К ним относятся нормы и принципы, которые человек принимает в соответствии со своим социумом. В английской культуре – это *вера, демократия, закон и правопорядок, справедливость, гуманизм, свобода, долг, ответственность, честь, достоинство, совесть, благородство* и др.

Коммуникативные ценности – это особенности общения, которые сложились на протяжении долгого времени: в некоторых культурах это может быть дистанционирование, а в некоторых, наоборот, тесное общение. Например, в русской культуре – это *терпимость к собеседнику, необходимость понимания своих и иных различий, готовность принять свою неправоту, тягость участие в светской беседе* и др.

Среди основных коммуникативных ценностей английской культуры чаще всего выделяются *дистанцирование, автономия личности, демонстративная вежливость, эмоциональная сдержанность* и др.

Духовные ценности – это нравственные, моральные, этические и религиозные понятия, определяющие поведение личности. Под духовностью человека всегда подразумевается преобладание нравственных, интеллектуальных интересов над вещественными. Например, целью воспитания в России провозглашается развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности. Сюда относятся *человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, вера в добро, личное достоинство, стремление к исполнению нравственного долга*. Для английского общества – это *христианские ценности, уважение и лояльность к монархии, следование традициям и обычаям*.

Следует отметить, что предлагаемая классификация может варьироваться от целей и задач исследования. Кроме того, каждый аспект, касающийся ценностей, будь то человека или общества, включает своё содержание и градацию. В некоторых лингвокультурах они могут совпадать либо кардинально отличаться, но это уже другая область исследования для рассмотрения и дальнейшего анализа.

Таким образом, аксиологический аспект лингвокультурной картины мира представляет собой категорию, требующую рассмотрения и изучения с точки

зрения языкового содержания. Ценностные компоненты многообразных культур и сообществ отличаются в разной степени. Понимание и оценивание общих положений и отдельных аспектов позволит более глубоко понять мировоззрение и осознать миропонимание народов, общества. Соответственно, легче и успешнее будет проходить процесс адаптации личности в том или ином обществе, будет более понятным то или иное поведение представителей иной культуры. Ведь несмотря на множество исследований в областях, посвящённых проблемам языка и культуры, не всегда представители разных культур находят взаимопонимание, очень часто мир воспринимается с позиции только своей лингвокультуры. Оценка и понимание менталитета представителей других языков и культур позволит лучше ориентироваться, понимать, объяснять, а иногда и быть просто толерантным к иному мировоззрению.

В работе проведён сравнительный анализ базовых лингвокультурных единиц с позиции аксиологической составляющей, выделены четыре категории, относящиеся к ценностному аспекту лингвокультурной картины мира, проверена их лингвокультурная специфика.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении языкового содержания аксиологического аспекта лингвокультурной картины мира, который следует рассматривать сквозь призму базовых лингвокультурных единиц, выстраивающихся в единую систему понятий, отражающих систему взглядов социума, дающих общее представление о миропонимании общества, помогают изучать национальное сознание того или иного общества.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
3. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
4. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / В. И. Карасик // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 1. – С. 25–35.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – Москва : Российский государственный университет, 1995. – С. 149–238.
7. Левонтина И. Б. О чём речь / И. Б. Левонтина. – Москва : АСТ: CORPUS, 2016. – 512 с.
8. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 344 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2010. – 208 с.
10. Мирошников Ю. И. Аксиология: концепция эмотивизма / Ю. И. Мирошников. – Екатеринбург : Институт философии и права. УрО РАН, 2007. – 160 с.
11. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.
12. Стернин И. А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения / И. А. Стернин // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 5–15.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
14. Халупо О. И. Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств / О. И. Халупо. – Уфа, 2016. – 394 с.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 429 с.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man*. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1999:895 p.
2. Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kultura: Etnolingvisticheskie issledovaniya = Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik; 2007:600 p.
3. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira = Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2005:544 p.
4. Karasik V. I. Linguistic and cultural values in discourse. *Inostrannye yazyki v vysheyshykh shkole = Foreign languages in higher education*. 2015;1:25–35.
5. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena; 2002:477 p.
6. Kubryakova E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigmatic analysis). *Yazyk i nauka kontsa XX veka = Language and science of the end of the 20th century*. Moscow: Russian State University; 1995:149–238.
7. Levontina I. B. *O chem rech = What are we talking about*. Moscow: AST: CORPUS; 2016:512 p.
8. Leontovich O. A. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnogo obshcheniya = Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication*. Volgograd: Peremena; 2002:344 p.
9. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya = Linguoculturology*. Moscow: Akademiya; 2010:208 p.
10. Miroshnikov Yu. I. *Aksiologiya: konceptsiya emotivizma = Axiology: the concept of emotivism*. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2007:160 p.
11. Penkovskiy A. B. *Ocherki po russkoy semantike = Essays on Russian semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2004:460 p.
12. Sternin I. A. Towards the development of a model of contrastive description of national communicative behavior. *Aksiologicheskaya lingvistika: problemy kommunikativnogo povedeniya = Axiological linguistics: problems of communicative behavior*. Volgograd: Peremena; 2003:5–15.
13. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskyy, pragmaticheskyy i lingvokulturologicheskyy aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects*. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1996:288 p.
14. Khalupo O. I. *Lingvokulturnye aspekty vzaimodeystviya subektov natsionalnykh kommunikativnykh prostranstv = Linguistic and cultural aspects of interaction between subjects of national communicative spaces*. Ufa: 2016:394 p.
15. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost = Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka; 1974:429 p.

Информация об авторах

О. И. Халупо – доктор филологических наук;

Н. В. Сапожникова – кандидат педагогических наук.

Information about the authors

O. I. Khalupo – Doctor of Philological Sciences;

N. V. Sapozhnikova – Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 02.12.2023.

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 02.12.2023.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 84–90.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):84–90.

Научная статья
УДК 81

**РАССМОТРЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ИЛИ СИНОНИМИЧНЫХ ПРЕФИКСОВ
И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ**

Рейхане Шоджаи^{1✉}, Сейед Хасан Захраи^{2©}

^{1, 2}Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹Reyhane.shj.ru@gmail.com✉

²hzahraee@ut.ac.ir

Аннотация. При изучении приставочных глаголов движения иностранные учащиеся встречаются со значительными трудностями. С одной стороны, это объясняется сложностью и многообразием смысловых отношений, выражаемых префиксальными глаголами, способностью глаголов движения присоединять большое количество приставок, многозначностью приставок, наличием приставок, передающих пространственные и непространственные отношения, тем, что многие приставки не присоединяются последовательно ко всем глаголам движения, что создаёт многочисленные «исключения из правил», и, наконец, особенностями образования и употребления видовых пар глаголов движения, наличием одновидовых глагольных форм. С другой стороны, это вызывается интерференцией родного языка, т. е. различием в способах выражения определённых смыслов в русском и родном языке учащихся. Глаголы движения сами по себе непростая тема, а большое количество приставок усложняет её ещё больше. Но всегда стоит помнить, что язык логичен, и всё в нём имеет свой смысл. Основная цель исследования заключается в том, чтобы исследовать и уяснить семантику и стилистические особенности префиксов и их употребление с глаголами движения, описать их как самостоятельные лексико-грамматические единицы с дифференцирующими семантическими признаками.

Ключевые слова: глаголы движения, приставки, однонаправленное, двунаправленное, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Шоджаи Р., Захраи С. Х. Рассмотрение противоположных или синонимичных префиксов и их употребление с глаголами движения // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 84–90.

Original article

**CONSIDERATION OF OPPOSITE OR SYNONYMOUS PREFIXES
AND THEIR USE WITH VERBS OF MOVEMENT**

R. Shojaee¹, S. H. Zahraee^{2✉}

^{1, 2}University of Tehran, Tehran, Iran

¹Reyhane.shj.ru@gmail.com✉

²hzahraee@ut.ac.ir

Abstract. When studying prefixed verbs of motion, foreign students encounter significant difficulties. On the one hand, this is due to the complexity and variety of semantic relations expressed by prefixed verbs, the ability of verbs of motion to attach a large number of prefixes, the ambiguity of prefixes, the presence of prefixes that convey spatial and non-spatial relations, the fact that many prefixes are not sequentially attached to all verbs of motion, which creates numerous “exceptions to the rules”, and, finally, the peculiarities of the formation and use of aspect pairs of verbs of motion, the presence of single aspect verb forms. On the other hand, this is caused by the interference of the native language, i.e., the difference in the ways of expressing certain meanings in the Russian and native languages of the students. Verbs of motion are not an easy topic in and of themselves, and a large

---

© Шоджаи Р., Захраи С. Х., 2024.

number of prefixes complicate it even more. But it is always worth remembering that the language is logical, and everything in it has its own meaning. The main goal of the study is to explore and understand the semantics and stylistic features of prefixes and their use with verbs of motion, to describe them as independent lexico-grammatical units with differentiating semantic features.

Keywords: verbs of motion, prefixes, unidirectional, bidirectional, Russian, Persian

For citation: Shojaee R., Zahraee S. H. Consideration of opposite or synonymous prefixes and their use with verbs of movement. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):84–90 (In Russ.).

Языковая картина мира каждого народа создаётся благодаря человеческой «способности отображать экстралингвистическую действительность» [7, с. 72]. В русском языке система средств выражения идеи движения имеет ряд отличительных особенностей, сформировавшихся под влиянием историко-культурных, географических и других факторов. Глаголы движения иногда называют «банальными» (Е. Р. Ласкарева), поскольку структурные и функциональные особенности группы глагольных лексем с семантикой перемещения многократно оказывались объектом исследования не только в русском, но и в других языках [6, с. 11].

Глаголы движения являются устойчивой структурносемантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокорневых в паре *идти* – *ходить*). Эти слова противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности – неоднаправленности движения, а также по некратности – кратности. Они имеют свою специфику в образовании видовых пар. Бесприставочные глаголы неоднаправленного движения никогда не образуют видовой пары, их семантика неопредельна. Присоединение префикса к такому глаголу меняет его лексическое значение: *ездить* – *выездить* (1. приучить ходить в упряжи и под седлом: *выездить лошадь*; 2. заработать ездой: *И на овес не выездил*. Чех.); *водить* – *выводить* (лошадь). У приставочных глаголов неоднаправленного движения видовая пара формируется вторичной имперфективацией: *выездить* – *выезжать*, *выводить* – *вываживать*. В других случаях образования с префиксом имеют значение начинательности (*ходить* – *заходить*, *бежать* – *забегать*), ограниченности во времени (*походить*, *побегать* [какое-то время]), окончания действия (*отъездить*, *отбегать*). Префиксально-постфиксальные образования имеют значение достижения результата в сочетании с интенсивностью действия: *разбежаться*, *забежаться* (разг.), *набежаться* (разг.), *избежаться* (разг.), *убежаться* (разг.). Видовой пары у таких префиксальных глаголов не образуется [9, с. 594].

При изучении приставочных глаголов движения необходимо постоянно обращать внимание на следующие структурно-смысловые моменты, существенные при порождении высказывания: 1) особенности образования и употребления видовых форм; 2) особенности структуры предложения, включающего префиксальные глаголы движения; 3) особенности ситуации общения и речевого контекста при выборе приставочного глагола движения» [1, с. 36].

В прошедшем времени глаголы движения с приставками сохраняют противопоставление в зависимости от однонаправленного / разнонаправленного характера движения. В придаточных времени глаголы движения с приставками употребляются в зависимости от их видового значения: глаголы несовершенного вида обозначают действие-процесс, параллельный действию главной части (за исключением глаголов с приставкой **при-**, которые обозначают многократное действие); глаголы совершенного вида обозначают действие, предшествующее действию главной части. Глаголы разнонаправленного движения с приставками (несовершенного вида) обозначают: 1) действия, которые присходят в настоящий момент; 2) повторяющиеся действия; 3) единичное действие в будущем. Глаголы однонаправленного движения с приставками (совершенного вида) обозначают единичное действие в будущем,

дополнительно указывая на уверенность в его осуществлении или на обещание его осуществить. Сравните: *он приезжает завтра. Он (обязательно) придет завтра* [11, с. 332].

Применительно к глаголам движения приставки выражают понятие «направление» действия, и только соединение конкретного понятия «способ передвижения» и абстрактного понятия «направление пути» делает глаголы движения полными по смыслу [3, с. 161].

Приставки, или префиксы, являются аффиксами (лат. *affixus* – прикреплённый), т. е. частями слова, которые стоят перед корнем [8, с. 210]. По количеству морфов префиксы делятся на две группы. Префиксы, представленные одним морфом, который обычно оканчивается на гласную фонему: *вы-, до-, за-, на-, недо-, о-, пере-, по-, пре-, при-, про-, ре-*. Соответственно, префиксы, представленные двумя морфами, из которых один оканчивается на согласную, а другой на гласную [о]: *в-/во-, вз-/взо-, воз-/возо-, из-/изо-, над-/надо-, низ-/низо-, об-/обо-, от-/ото-, под-/подо-, пред-/предо-, раз-/разо-, с-/со-*. Ко второй группе относится также префикс *де-/дез-* [9, с. 356]. К глаголам движения присоединяются приставки пространственного и непространственного значения. Глаголы с приставками пространственного значения (*в-, вы-, вз-, при-, у-, под-, от-, до-, пере-, с-, с-...-ся, раз-...-ся, про-, за-, о-, об-, обо-*) обозначают движение, определённым образом направленное в пространстве. Эти глаголы имеют формы совершенного и несовершенного видов, образуют видовые пары (*войти – входить, переплыть – переплывать, вынести – выносить* и др.). Глаголы с приставками непространственного значения обычно выступают как одновидовые – совершенного вида. Они характеризуют движение во времени – выделяют момент начала: «*по- + глагол типа идти*» (*пойти, поехать*); «*за- + глагол типа ходить*» (*заходить, забегать*). Приставки *по-* и *про-* с глаголами неопределённого движения (типа *ходить*) дадут значение ограниченности движения во времени или в количестве повторении (*походить, проездить*). Приставка *с-* с глаголами неопределённого движения указывает на однократность движения (*сходить*). Глаголы неопределённого движения с приставками *о-, об-, обо-, ис-* характеризуют движение с точки зрения охвата движением объектов перемещения (*объездить*). Приставки *на-* и *до-* с постфиксом *-ся* дадут глаголу неопределённого движения значение результата движения (*находиться за день, набегаться* и т. п.) [1, с. 36–37].

Если глагол движения приставочный, то для каждого сочетания характерно употребление глагола с определённой приставкой, например: *приносить пользу, выносить выговор*. Возможно обычное употребление глаголов неопределённого и определённого движения: *приносить – принести пользу, выносить – вынести выговор* [11, с. 223–229].

В «Большом толковом словаре русских глаголов» глаголы движения с приставками распределены на три группы:

1) глаголы движения с приставками, ориентированные относительно исходного пункта (*с-, от-, у-, вы-*);

2) глаголы движения с приставками, ориентированные относительно конечного пункта (*в-, под-, при-, за-, до-*);

3) глаголы движения с приставками, ориентированные относительно промежуточного пункта (*о-, пере-, про-*) [2, с. 3].

Приставка **из-, ис-**, присоединяясь к глаголам неопределённого движения и вносит значение исчерпанности, распространения действия на всю поверхность и доведения до конца, и глаголы становятся глаголами совершенного вида: *исходить всё поле* [11, с. 223–229].

Приставка **в- (во-, въ-)** употребляется с глаголами движения (за исключением глаголов брести / бродить) при обозначении подъёма или движения внутрь пространства: *влезть на дерево, войти в комнату*. Приставка **при-** указывает на конец движения: *приехать в гости*, и не употребляется

с глаголами брести / бродить, лезть – лазать. Приставка **вы-** употребляется с глаголами движения (за исключением глаголов брести / бродить) при обозначении движения изнутри чего-то (*выйти из дома*), непродолжительного движения (*выйти ненадолго*) или пересечения какой-либо границы (*выехать на дорогу*). Приставка **у-** указывает на продолжительное по времени удаление от чего-либо (*уехать в отпуск*) и не употребляется с глаголами брести / бродить, лезть – лазать [4, с. 326–327].

Глаголы движения с приставками **в-** или **за-** указывают на движение вверх по поверхности (*влезть (залезть) на дерево*) и соотносятся с глаголами движения с приставкой **с-** (**со-**) (*слезть с дерева*), которая обозначает движение вниз и употребляется в сочетании с предлогом **с** (**со**). Также приставка **с-** имеет значение исчезнуть, перейти на другое место (*сбежать, съехать с квартиры*, не соотносятся с глаголами с приставками **в-** или **за-**) [4, с. 328].

В отличие от других приставок, приставка **по-**, присоединяясь к глаголам неопределённого движения (ходить – походить, водить – поводить, носить – поносить), образуют от них глаголы совершенного вида, выражающие действие, ограниченное во времени, недолгое: *Я походила полчаса около дома, вернулась и легла спать*. Среди производных префиксальных глаголов движения значительное количество слов не имеет видовых пар. К одновидовым глаголам относятся все глаголы с префиксом **по-**. В сочетании с разнонаправленными исходными глаголами этот префикс образует глаголы с ограниченно-длительным значением (*походить, поводить, поносить* и т. п.), а в сочетании с однонаправленными глаголами – начинательные глаголы (*пойти, понести, повести* и т. п.) [10, с. 328–329]. Глаголы движения с приставкой **по-** обозначают начало движения: *Я пошёл в магазин* (я начал двигаться по направлению к магазину), или движение, за которым следуют ещё действия: (*Сначала*) *я пошёл в магазин, а затем на рынок*. В будущем времени глаголы движения с приставкой **по-** часто синонимичны глаголам движения без приставок: *Завтра я иду (пойду) в театр*. В разговорном языке в качестве синонимов глаголов движения с приставками в будущем времени возможно употребление глаголов прошедшего времени: *Я ухожу (ушёл); Я пойду (пошёл)* [10, с. 332].

Глаголы движения с приставкой **до-** (за исключением глагола *догонять / догнать*) употребляются в сочетании с предлогом **до**. Глаголы движения с приставкой **до-** указывают на движение, которое заканчивается у внешней стороны объекта, и синонимичны глаголам с приставкой **при-** в сочетании с предлогом **к**: *дойти до школы – прийти к школе*. Глаголы движения с приставкой **при-** в сочетании с другими предлогами имеют значение 'достичь какого-либо объекта' + 'проникнуть внутрь него' [4, с. 334].

Глаголы движения с приставкой **про-** обычно употребляются в сочетании с предлогами **мимо, вдоль, по**. От глагола вести / водить с приставкой **про-** образуется два глагола: 1) провести (сов. в.) / проводить (несов. в.): *Он провёл с нами целый день; Он проводил с нами целые дни*; 2) провожать (несов. в.) / проводить (сов. в.): *В субботу мы провожали (проводили) на вокзал бабушку*. В переносном значении глагол сов. в. *провести* употребляется и значении 'обмануть' [4, с. 333–336].

Приставка **про-** употребляется в значении 'миновать что-то', а также при обозначении движения, которое происходит от одного объекта к другому (например, из одной части комнаты в другую или из одной комнаты в другую). Если комнаты расположены рядом или нет указания на то, откуда происходит движение, **про-** синонимична приставке **в-**: *Он прошёл в приёмную* [4, с. 337].

Глаголы движения с приставкой **под-** (**подо-** с глаголами *идти, знать*) обычно употребляются в сочетании с предлогом **к**: *Подгони, пожалуйста, машину ближе к дому. Не подгоняй меня, я успею всё сделать вовремя*.

Глаголы движения с приставкой **от-** (**ото-** с глаголами *идти, знать*) употребляется в сочетании с предлогом **от** с существительными, отвечающими на вопрос «откуда?»; с существительными, отвечающими на вопрос «куда?», употребляются предлоги **в, на, к**.

Глаголы движения с приставкой **с-** с существительными, отвечающими на вопрос «откуда?», употребляются в сочетании с предлогом **с**; с существительными, отвечающими на вопрос «куда?», – с предлогами **в, на, к** [4, с. 339].

Приставка **с-** с глаголами *ходить, бегать, ездить, летать, плавать, лазать, ползать* обозначает единичное действие «туда и обратно». С глаголами *нести, вести, везти, знать, катить* чаще всего употребляется приставка **от-** для обозначения единичного действия в одном направлении. Сравните: *Надо сходить и отнести документы*. Глаголы *сводить, свозить, сгонять* в значении 'съездить' употребляются реже и только для обозначения движения «туда и обратно».

Глаголы движения с приставкой **пере-** чаще всего употребляются с предлогом **через** или с сочетанием *на другую сторону чего?* В разговорном языке возможен вариант *перейти что? дорогу*. Например: *Машина переехала через мост и остановилась. Когда мы переезжали на другую квартиру, мы взяли с собой только самые необходимые вещи* [4, с. 343].

В сочетании с предлогом **за** или наречием **далеко** глаголы движения с приставкой **за** имеют значение 'удалиться на значительное расстояние' или 'переступить какую-либо границу': *заходить за ограждение воспрещается; в этот день мы зашли в лес дальше обычного*. Глаголы движения с приставкой **за-** обычно указывают на непродолжительное по времени или попутное действие: *Сначала я не хотел идти, но мой друг затащил меня на эту вечеринку*. Глаголы *идти / ходить, бежать / бегать, лететь / летать* с приставкой **вз-** (**вс-** перед глухими согласными) и глаголы *нести / носить, вести / водить* с приставкой **воз-** указывают на движение снизу вверх. Глаголы движения с приставкой **за-** могут указывать на ошибочное действие [4, с. 344–347].

В русском языке каждый из составных компонентов движения: исходного пункта, пути, конечного пункта, согласно обозначенной модели, может быть фиксирован глаголами движения с соответствующими группами приставок, при этом локативные уточнители могут дублировать значение приставок: 1) приставки пространственного значения, фиксирующие исходный пункт: *с-* (*со-*), *от-* (*ото-*), *у-*, *вы-*: *Он сбежал с крыльца и, не оглядываясь...* (В. Слипиченчук. Зинзивер); *Только отошла от прилавка, он меня остановил* (И. Грекова. Перелом); *Анджей и сам уехал из Польши более десяти лет назад...* (А. Белозеров. Чайка); *Человек взял папку и бесшумно вышел из комнаты* (Ф. Искандер. Летним днём); 2) приставки пространственного значения, фиксирующие конечный пункт: *в-* (*во-*), *под-* (*подо-*), *при-*, *за-*, *до-*: *Он вошёл в избушку, взял из угла топор и перешагнул порог* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *Когда машина Суханова подъехала к даче мэра, было уже совсем темно* (А. Белозеров. Чайка); *Папа притащил в дом бутылку на пять вёдер* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Я зашёл за угол, и ноги понесли меня, как лошади* (А. Волос. Недвижимость); *Он добежал до школы, пока ещё не успел доиграть вальс* (А. Иванов. Географ глобус пропил); 3) приставки пространственного значения, направленные на путь движения, – *о-* (*об-*, *обо-*), *пере-*, *про-*: *Я переулками объехал пробку на Тверской, зато встал у Никитских* (А. Волос. Недвижимость); *Кянукук перебежал через улицу и заскочил в телефонную будку* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *Егор прошёл через зал клуба, где рассаживались рабочие совхоза...* (В. Шукшин. Калина красная) [5, с. 25].

Так, можно сделать вывод, что к глаголам движения присоединяются приставки пространственного и непространственного значения. В современном русском языке с парными глаголами движения взаимодействуют около

20 продуктивных приставок: в-, вз-, вы-, за-, из-, до-, над-, недо-, на-, от-, пере-, под-, по-, про-, при-, у-, с-, раз-, об-. Присоединение префикса к глаголу не даёт одного и того же значения. Одна и та же приставка может выражать многие значения, как близкие друг другу, так и омонимичные. Все глаголы движения несовершенного вида, но при присоединении префиксов глаголы меняют лексическое значение и противопоставляются по видам.

Список источников

1. Битехтина Г. А. Русская грамматика / Г. А. Битехтина, Л. П. Юдина. – Москва : Русский язык, 1985. – 160 с.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с.
4. Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2007. – 424 с.
5. Ду Хунцзюнь. Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком / Ду Хунцзюнь. – Москва, 2010.
6. Ласкарева Е. Р. «Банальные» глаголы движения в курсе русского языка / Е. Р. Ласкарева // Альманах мировой науки. – 2015. – № 2. – С. 11–15.
7. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира / Ф. И. Панков // Мир русского слова. – 2013. – № 2. – С. 72–80.
8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва : Высшая школа, 1991.
9. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1.
10. Тихонов А. Н. Современный русский язык / А. Н. Тихонов. – Москва : Цитадель Трейд, 2003.
11. Учебник русского языка для студентов-иностранцев: практическая грамматика с упражнениями / И. М. Пулькина, Е. Б. Захава-Некрасова. – 6-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1977. – 518 с.

References

1. Bitekhtina G. A., Yudina L. P. *Sistema raboty po teme "Glagoly dvizheniya" = The system of work on the topic "Verbs of motion"*. Moscow: Russkiy yazyk; 1985:160 p.
2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskiye ekvivalenty = Large explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents*. Ed. by L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2008:576 p.
3. Gak V. G. *Sopostavitelnaya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov = Comparative lexicology: on the material of the French and Russian languages*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya; 1977:264 p.
4. Glazunova O. I. *Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh = Russian grammar in exercises and comments. Morphology*. St. Petersburg: Zlatoust; 2007:424 p.
5. Du Khuntszyun. *Sistema pristavochnykh glagolov dvizheniya v russkom yazyke v sopostavlenii s kitayskim yazykom = The system of prefixed verbs of motion in the Russian language in comparison with the Chinese language*. Moscow: 2010.
6. Laskareva E. R. "Banal" verbs of motion in the course of the Russian language. *Almanakh mirovoy nauki = Almanac of world science*. 2015;2:11–15.
7. Pankov F. I. Functional-communicative grammar and the Russian language picture of the world. *Mir russkogo slova = The world of the Russian word*. 2013;2:72–80.
8. Rozental D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. *Sovremennyy russkiy yazyk = Modern Russian language*. Moscow: Vysshaya shkola; 1991.
9. *Russkaya grammatika = Russian Grammar*. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka; 1980:789 p.
10. Tikhonov A. N. *Sovremennyy russki yazik = Contemporary Russian Language*. Moscow: Tsitadel Treid; 2003.

11. Pulkina I. M., Zakhava-Nekrasova Ye. B. *Uchebnik russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev: prakticheskaya grammatika s uprazhneniyami = Textbook of the Russian language for foreign students: practical grammar with exercises*. 6th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1977:518 p.

Информация об авторах

Р. Шоджаи – аспирант;

С. Х. Захраи – кандидат филологических наук.

Information about the authors

R. Shojaee – postgraduate student;

S. H. Zahraee – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 25.11.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 25.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 91–103.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):91–103.

Научная статья
УДК 331(075.4)

**ДЕТИ И ДЕТСТВО В ОЦЕНКЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ
И В СЕМЕЙНОМ РОДОСЛОВИИ**

Вера Константиновна Харченко©

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия, wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу «уроков», которые были получены путём анализа концептов «дети» и «детство» в семейных родословных и в текстах современной литературы. Поскольку наработки семейных родословных могут находить соответствия в литературе, относящейся к категории нон-фикшен, то для детального разбора было взято произведение «Современный мусор» Людмилы Улицкой, представляющее собой совокупный сборник мемуарных, публицистических и дневниковых произведений. Поставлена проблема взаимосвязи семейного родословия и мемуарной, а также публицистической и дневниковой литературы. В ходе анализа сначала были выявлены общие черты освещения темы детства: принятие жизни, умение радоваться близким людям, многочисленность родни, обеспечивающая множественность естественного влияния, интерес к «незаметному» предметному миру, смысловое творчество. Далее в статье раскрываются отличия писательских заметок от семейных родословных: необходимость вести отчёт по материнской линии, ежедневный труд по сбережению семьи, необходимость особого языка для выражения чувств. Показаны также слабо выявленные моменты освещения детства, а именно: необходимость постоянного говорения с ребёнком, приводящая к расширенному знанию детьми родного языка; мысль о связи знания о смерти и о счастье, мысль о важности реальных примеров, действующих на душу ребёнка. Назревшая необходимость полидискурсивного, многонаправленного чтения различных текстов на современном этапе – таков общий вывод, полученный в ходе совокупного анализа текстов родословия и текста «Священный мусор» Л. Улицкой.

Ключевые слова: «Священный мусор» Л. Улицкой, родословные, семья как благо, принятие жизни, ранний труд, говорение с ребёнком, многочисленная семья, пример для подражания

Для цитирования: Харченко В. К. Дети и детство в оценке Людмилы Улицкой и в семейном родословии // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 91–103.

Original article

**CHILDREN AND CHILDHOOD IN THE ASSESSMENT OF LYUDMILA ULITSKAYA
AND IN THE FAMILY GENEALOGIES**

Vera K. Kharchenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the “lessons” that were obtained by analyzing the concepts of “children” and “childhood” in family genealogies and in the texts of modern literature. Since the developments of family genealogies can find correspondence in literature classified as non-fiction, the work “Modern Garbage” by

Lyudmila Ulitskaya was taken for a detailed analysis, which is a cumulative collection of memoirs, journalistic and diary works. The problem of the relationship between family genealogy and memoirs, as well as journalistic and diary literature is posed. During the analysis, the general features of covering the topic of childhood were first identified: acceptance of life, the ability to enjoy loved ones, a large number of relatives, providing a plurality of natural influence, interest in the “inconspicuous” objective world, and meaning-making. Further, the article reveals the differences between writers’ notes and family genealogies: the need to keep records on the maternal side, the daily work of saving the family, the need for a special language to express feelings. Poorly identified aspects of childhood coverage are also shown, namely: the need for constant speaking with the child, leading to children’s expanded knowledge of their native language; the thought about the connection between knowledge about death and happiness, the thought about the importance of real examples affecting the soul of a child. The urgent need for a polydiscursive, multi-directional reading of various texts at the present stage – this is the general conclusion obtained during the combined analysis of the genealogy texts and the text “Sacred Garbage” by L. Ulitskaya.

Keywords: “Sacred Garbage” by L. Ulitskaya, genealogies, family as a blessing, acceptance of life, early work, talking to a child, multi-member family, role model

For citation: Kharchenko V. K. Children and childhood in the assessment of Lyudmila Ulitskaya and in the family genealogies. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):91–103 (In Russ.).

Уважать предков, знать о судьбе своих прадедов и прапрадедов – в этом заключено главное требование к написанию и сбережению семейного родословия. Но у этого жанра есть и менее востребованное свойство – учиться у прошлого, перенимать опыт давно прошедших лет. Где-то на горизонте прочитанного выступает и требование жить одновременно в прошлом, настоящем и будущем, и пластика учёбы, и внимание к родовым формам, и внимание к Родине, отражающейся в семейном родословии. Для настоящего обзора попробуем определить более частный вопрос: какие уроки открывают нам в семейных родословных дети и детство? Такое отношение к родословию для настоящего времени не характерно, что называется, прошлое прошло, прошлое кануло в Лету, концерт окончен.

Между тем наработки семейных родословных могут находить соответствия в современной литературе, относящейся к категории нон-фикшен, и мы поставили целью рассмотреть эти соответствия. Для своего анализа мы взяли произведение «Современный мусор» Людмилы Улицкой как совокупный сборник мемуарных, публицистических и дневниковых произведений [7] и наложили его на многочисленные собранные нами тексты семейного родословия [8]. По родословию привлекался и более свежий материал. Итак, повторим: тема была конкретизирована – это тема детства, детей.

При первом приближении оказалось много общего в освещении детства и, прежде всего, эта самая общая оценка текста. Вот как подаётся это писательницей:

Устройство этого многоцветного ковра таково, что каждую его точку можно рассматривать отдельно, и движение её определяется всеми прочими, и каждая точка обладает полнотой собственного бытия – или, по крайней мере, даёт такую иллюзию внимательному наблюдателю, который, временно отрываясь от себя самого, пытается разглядеть картину с высоты птичьего, скажем, полёта (Л. Улицкая).

«Священный мусор» – это особое произведение Людмилы Улицкой, в котором что-то из публицистики, что-то из воспоминаний, что-то из размышлений. И действительно, оно напоминает ковёр, который можно рассматривать и в целом, и в таких частностях, как «Но мы любим ещё, когда кошка мурлычет и трётся о колено, а собака кладёт голову на другое колено и преданно смотрит в глаза...» (Л. Улицкая).

Несмотря на тяжёлые годы, на потерю близких людей и на обстоятельства, выпавшие на долю автора, в «Священном мусоре» парадоксально

подчёркивается жизнерадостность, приятие жизни, причём это касается многих знакомых людей:

И всё-таки праздником была её жизнь [о Нине Константиновне Бруни]. Праздником было её раннее утро, когда вставала она раньше всего дома и, прочитав молитвенное правило, в драгоценной тишине пила свою чашку кофе... Праздничным был день работы – а работа была большая и разная: то переводы, то стирка, то стряпня... И вечер, когда за столом собирались дети, и друзья, и друзья детей, счастливые люди, кому жизнь подарила честь быть гостями на её празднике (Л. Улицкая).

Даже трагические события оборачиваются своей великой оптимистической силой, и люди, о которых говорится в «Священном мусоре», могут быть примером для окружающих:

Ещё одна красивая смерть в нашей семье случилась тридцать лет спустя. Моя бабушка жила долго и умерла от быстрого рака, за полтора месяца. Мой дядя и я ухаживали за ней посменно: я приезжала рано утром, он уходил на работу. Он приходил, я уезжала домой, к детям. Бабушка с великой кротостью и терпением переносила боли и говорила только одно: «Какая же я счастливая, какие у меня прекрасные дети! Как я вам благодарна, деточки!» (Л. Улицкая).

Общая положительная оценка темы весьма и весьма характерна для родословных. Приведём всего один фрагмент, в котором повествование подается от лица ребенка, детей:

Имя у бабушки было редкое Хрестинья Илларионовна, а домашние звали её просто бабушка Хрестя. Она была верующая, но малограмотная, по слогам читала только Библию и молитвенник, которые были написаны старым алфавитом, писать она не умела. Однако память у неё была настолько хороша, а рассказывать она умела так интересно и захватывающе, что, слушая её рассказы, всё происходящее представлялось так, будто мы смотрели кино, и даже рассказывая о горестных событиях своей жизни, она могла вплетать иронические нотки в свой рассказ, что делало его особенно запоминающимся (А. Г.).

Это очень важный и современный момент – приятие жизни, и в этом плане тема детства работает как нельзя лучше. Младенчество, детство, ребёнок, дети – всё это необыкновенно привлекательные моменты повествования. Людмила Улицкая пишет: «“Невылупившиеся” бывают необыкновенно привлекательны. Помните Петю Ростова накануне его смерти? Ешьте, ешьте изюм, у меня ещё восемь фунтов... Простите за неточность цитаты. Петя взрослым стать не успел».

Дети и детство в родословных, конечно же, присутствуют прежде всего как дети, и присутствует привлекательность общения с ними:

...Вкусные воздушные пирожки, как большая булка с начинкой, забыть сложно, густой фасолевый борщ, приготовленный на русской печи, протопленной дровами и углём. Как можно забыть всё это! (Т. Л.).

Ещё бабушка умела хорошо печь блины, чему научила и меня. Бабушка говорила мне: «Вера, блины должны быть тоненькими, как папирус». И, как мне кажется, я достигла в этом совершенства (В. К.).

Вышла замуж Надежда за фронтовика, героя войны. Николай уехал в Луганск, учиться в ФЗУ, да так там и остался, обзавёлся семьёй. Подрастали Дмитрий, Раиса и младшенький Толик, бабушкина радость. «Радость» об особом отношении к нему догадывался и часто таскал из-под носа у бабушки то варенье, которое было большой редкостью и настоящим лакомством, то вместо родниковой воды приносил бабушке Кузьминичне воду из ближайшего колодца (М. К.).

Когда мы с ней выходили на огород, то она всегда брала с собой что-нибудь вкусненькое. Вскоре я начинал хотеть есть и она доставала

из кармана конфету или что-нибудь еще, говоря: «Я вот встретила зайчика, он просил, чтобы я передала это тебе». Хотя я понимал, что никакого зайчика она не встречала, я верил ей. Мне хотелось верить в эту сказку. Теперь я приношу подарки от зайчика своему маленькому сынишке (С. Б.).

В выходные дни, когда все дети выходили гулять, я любила в своей комнате, которая была наполнена солнечными лучами, читать рассказы Носова или, выйдя летом на балкон, срисовывать наш двор или стоящую напротив церковь (Н. Л.).

После каждого летнего дождя этот ручеек становился глубже и теплее, а наши босые ноги так сроднились с ним, что до сих пор при тёплых воспоминаниях о детстве в ногах ощущается сила и бодрость, данная ещё тогда чудесной чистой водой (С. Ф.).

Когда я уже со своей семьей бываю в деревне, кажется, время остановилось. Как и в детстве, просыпаясь, видишь: на потолке танцуют замысловатые узоры от тени листьев, где-то важно кудахчут куры. Запах оладий из печи окутывает и не дает спать (Е. В.).

Безусловное ПРИЯТИЕ ЖИЗНИ сквозит в семейных родословных. Что общего в воспоминаниях Людмилы Улицкой и в приведённых фрагментах из семейного родословия? Ответим: это, конечно же, благодарность жизни за жизнь. Однако сейчас, во втором и третьем десятилетиях XXI в., стало немодно выражать эмоции, радоваться жизни. Эмоции уходят из жизни, об этом читаем в статье Н. Ивановой «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности»: «Психологи встревожены возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок – и негативным отношением к эмоциям: от установки в обычной жизни (“Давайте обойдемся без эмоций”, “Оставим эмоции в стороне!”) до литературной моды на полную бесстрастность, отчуждённость от чувства, отказ от его изображения, нежелание иметь дело со страданием и состраданием, а также гневом, радостью, страхом и печалью» [4, с. 4]. И даже в наиболее приоритетных работах отечественных писателей: Е. Водолазкина, Д. Рубиной, Е. Яхиной – мы не встречаем столь открытого выражения эмоций, как в семейных родословных, даже когда речь заходит о детстве. Такое нежелание погружаться в эмоции чревато последствиями. В последние годы всё чаще стали говорить о необходимости формирования эмоционального интеллекта. Вот что написано в учебнике «Цифровое государство и экономика» [9]: «Особый интерес представляют требования к компетенциям будущего и приоритизация soft skills (эмоциональный интеллект, критическое мышление, нетворкинг, гибкость, креативность). По данным учёных из Гарварда, Стэнфорда и Фонда Карнеги, “гибкие навыки” определяют 85 % успешной реализации траектории профессионального развития» [11]. Такое явление – одна из причин, почему нам дороги страницы семейного родословия, подкреплённые «Священным мусором» Л. Улицкой.

Обратим внимание, что приятие жизни в текстах родословных часто соотносилось СО ВКУСОМ любимых блюд. Из семи вышеприведённых отрывков пять посвящены вкусу – незабываемому вкусу блюд. Приведём ещё один характерный отрывок:

Бабушку Матрёну Ивановну я помню с детства, худенькая, она всегда ждала гостей и стол на кухне всегда был полон простой деревенской едой: картошка жареная и варёная, обязательно вареники с картошкой, сало с чесноком, молоко с домашним хлебом и особенно мне запомнился её борщ. Этот был борщ необыкновенного вкуса, я не могла никак наесться его. Мне казалось, что нет ничего вкуснее бабушкиного борща. Чуть постарше я спрашивала бабушку: как Вы готовите, и она всегда отвечала: «А я варю и думаю: поешь моего борща, понравится, а уедешь, попросишь маму сварить борща, а он не такой и опять ко мне приедешь борща покушать»

и при этом тихонько смеялась. А так и получалось, когда мама сварит, всё сделает, как бабушка, а всё равно не такой и мы опять к бабушке (Н. П.).

Детство и память касается и ПРЕДМЕТОВ ПАМЯТИ. Дом, домашнее тепло распространялось на всех членов семьи, а олицетворялось это тепло памятными предметами:

Её деревенский дом всегда украшали разные виды цветов. В доме и зимой и летом цвели красивые цветочки. А в саду были целые грядки роз и гладиолусов, а также огромные белые ромашки, которые она больше всего любила. У моей бабушки было восемь детей, и она большую часть времени проводила с ними (М. Б.).

Однако эта привлекательность не может закрывать от нас уроки детства, а этих уроков немало. Первый урок, как было показано, – это приятие жизни. Второй урок проблемы детства в семейных родословных – это снятие вопроса поиска смысла жизни, СМЫСЛОТВОРЧЕСТВО. Родился ребёнок – его надо вынуждать, вырастить, воспитать, и жизнь взрослого наполняется смыслом, да так, что и задуматься, бывает, некогда. Ребёнок забирает всё время, но ведь и даёт, даёт стойкое ощущение реальной, полноценной жизни. Два года назад одинокая интеллигентная женщина, доктор наук, умирающая от рака поджелудочной железы, говорила мне с горькой улыбкой: «Я не могу понять, зачем это всё?» Если бы речь шла об опустившихся людях, но здесь – здесь была явно другая ситуация. Ценность большой семьи как на будущее – это защита от одиночества, хотя были и войны, и раскулачивание, и трагические случаи, но были и семейные связи, общение в семье. Людмила Улицкая пишет об этом:

«Достойное поведение – лучшее украшение женщины»; «С другой стороны, именно женщина в силу разных причин к старости чаще остаётся одиночкой. Изменения структуры семьи таковы, что всё реже семьи существуют в расширенном виде – с бабушками и дедушками, то есть в том почти архаическом виде, который был вполне обычным ещё пятьдесят лет тому назад.

Там, в романе, есть метафора или, если хотите, биологическая параллель: в зоологии известно явление неотении, смысл которого в том, что существо, не достигшее стадии взрослой особи (имаго), начинает размножаться уже на стадии личинки. Происходит это по той причине, что в окружающем мире не хватает какого-то фактора, чтобы личинка завершила свой цикл и превратилась во взрослое существо. Так и возникают популяции «личинки – детей личинки». Это в некотором роде сравнимо с тем процессом, который происходит в сегодняшнем мире, – инфантилизацией общества. Не именно нашего – всякого. Взрослость трудно определить, потому что человек, совершенно незрелый в одной сфере жизни, может быть вполне состоятельным в другой (Л. Улицкая).

Вчитаемся в семейные родословные:

Когда у меня не было детей, я не знала ответа на вопрос, в чём смысл жизни? Как-то мы сидели и спорили об этом в компании. Один человек сказал: «Смысл нашей жизни – в наших детях. Мы живём ради них. А они будут жить для своих детей. Именно так движется история». Честно говоря, я тогда не поняла его. Я поняла его потом, когда у меня появился собственный ребёнок (Е. К.).

Только после рождения дочери я стала понимать, в чём смысл жизни – в ненаглядном любимом создании, что появилось у нас! С моей точки зрения, семья создаётся не только ради счастья двоих, но и для счастья их детей. Дети – реальное, осязаемое воплощение любви супругов. Любовь – это тепло, нежность, радость (Ю. О.).

Богатством в доме были дети, а других материальных ценностей не было. Всё было просто: дом и маленькое хозяйство, чтобы прокормить всех домочадцев (Е. Г.).

Двадцатого ноября 2004 года наша большая семья из 58 человек праздновала золотой юбилей – пятидесятилетие совместной жизни отца и матери. Когда папа с мамой поженились, отец сказал: «Сколько Бог даст детей, столько и будет». Папа с мамой очень любят детей и внуков и переживают за каждого из них (В. Х.).

Третий урок (а нумерация наша условна!) скрывается в многодетности, МНОГОДЕТНОСТЬ КАК ОСНОВА СЕМЬИ. Ребёнок был не единственным чадом в семье. На перспективу есть поучительное наблюдение: сейчас стали писать о том, что дети, выросшие без братьев и сестёр, разводятся чаще, чем те, кого окружали сиблинги. Вот характерная цитата. По американской статистике, супруги, выросшие в семье с несколькими братьями и сёстрами, разводятся реже, чем единственные дети в семье. Член большой семьи лучше умеет общаться и находить компромиссы (Наука и жизнь. 2014. № 1. С. 106). Поражает существовавшее количество детей в семье, кратно превышающее современные показатели. «Сталин принял страну с 6,7 ребёнка на женщину детородного возраста, а сдал с показателем 2,7 ребёнка, уронив демографическую эффективность русской семьи в 2,5 раза за одно поколение» [6, с. 108]. Число рождений на одну женщину с 1927 по 1991 г. сократилось с 6,73 до 1,73, или на пять детей (Знание – сила. 2008. № 4). Сейчас и эти показатели кажутся завышенными, а раньше? Сталин принял страну с 7 детьми, а за неполные тридцать лет (тут и война сыграла свою страшную роль!) сдал страну с 2,7 детьми. «В 1985 году рождаемость в СССР составляла 2,2 ребёнка на женщину, в 1995 году мы имели 1,4 ребёнка на женщину, а в 2003 году этот показатель составил 1,3 – и стал одним из самых низких в мире. ... К тому же Сталин тут вовсе не обязателен. В таких странах, как Мальта и Ватикан, не разрешают прерывать беременность ни при каких обстоятельствах. Ирландия, Андорра, Сан-Марино и Монако допускают аборт только в случае угрозы жизни беременной женщины, в остальных случаях аборт запрещён. В Польше, Испании, Лихтенштейне производство аборта разрешено с целью защиты не только жизни, но и физического, и психического здоровья беременной женщины, а также в случае изнасилования, инцеста, или аномального развития плода – но в остальных случаях делать эту операцию не рекомендуется» [6, с. 144–145]. Ситуация первой трети XXI в. ещё более трагична: население страны убывает, и материнский капитал не в силах выправить ситуацию. «Управлять – значит населять» – замечательный лозунг, только не самый известный.

Людмила Улицкая пишет на эту тему:

Одно только перечисление разнообразнейших связей, которыми связано всё живущее, набрасывает эскиз картины огромной сложности и разнообразия. Но есть и специальные, исключительно межчеловеческие отношения, и первая важная группа – вертикальное родство: у каждого есть родители и дети. Во всяком случае, отсутствие таковых является скорее исключением. Имеется также значительное количество кровных родственников с убывающей степенью родства. У каждого человека, кроме родственников кровных, есть ещё большое количество свойственников. Свойство тоже в некотором отношении приравнивается к родству.

В родословных читаем:

Она была самой маленькой в своей семье, в которой было не много не мало 12 детей. Младшая сестричка сразу всем полюбилась. Начался спор: какое же выбрать имя любимице (Е. Л.). У прадеда с прабабкой было одиннадцать детей: семеро сыновей и четыре дочери (В. Н.). Первая жена прадеда умерла, и он остался с двумя дочками. Во втором браке у него

было восемнадцать детей, правда, выжило только восемь детей: Агриппина, Митрофан, Ефросинья, Ксения, Матрена, Евдокия, Прасковья и Вера (Т. И.).

Новая семья была тоже большая, но очень дружная. Четыре брата со своими семьями жили вместе. Все обязанности по дому строго распределялись между взрослыми и детьми. Бабушка Вера хозяйничала у печки, она была искусной поварихой. Удивительными были отношения между членами семьи. Взрослые называли друг друга только по имени и отчеству. Никогда в доме не было ссор. Все беспрекословно подчинялись свёкру и свекрови. Детей не делили на своих и чужих (Р. З.).

Отец прадеда, Пашков Алексей Иванович, родился в 1860 году; мать – в 1863 году. Она глубоко верила в Бога, регулярно ходила в церковь, занималась воспитанием детей, а их было одиннадцать: шесть дочерей и пять сыновей, один из которых мой прадед Иван Алексеевич (В. Н.).

Интересно (и поучительно!), что на многодетность не влияло рождение однополых детей:

В Грайворонском районе служил отец Николай Романов, поместье имел, в местной церкви был попом и большую семью содержал. По воле Бога, было у него 11 детей, и все девочки (К.). Мой прапрадед в веке XIX водил паровозы из Москвы в Тверь. У него было одиннадцать дочерей, и все с приданным (А. М.). Кроме него в семье было ещё тринадцать детей, в основном сыновья (Е. В.).

Однажды, когда был жив ещё прабабушкин дедушка, солдаты везли на телегах мешки с деньгами – собранные с населения подати. Один из мешков случайно был утерян. Его нашёл мой прапрапрадед, у которого было 12 сыновей. На найденные деньги он построил каждому сыну по дому. Но строил он эти дома не сразу все, а постепенно и в разных сёлах, чтобы не вызвать подозрений. Один из таких домов мы видели в Большой Халани, когда возили бабушку в гости к её знакомым. Дом был действительно большой – пять окон на улицу. На тот момент, когда мы приехали в Большую Халань, этот дом отделяли под детский сад (М. Б.).

Далее, тема детей, детства открывает и такой аспект, как влияние родственников, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ. Многодетность означала, с одной стороны, меньшее внимание матери и отца на ребёнка, становящегося в ряд с другими детьми, с другой стороны, означала она и множественность других внутрисемейных влияний. Братья, сёстры, бабушки, дедушки – от каждого получал ребёнок понемногу воздействия, но это воздействие было весьма своеобразным. Таким образом, третий урок заключается в множественности выбора естественного влияния. Человек был способен выбирать, что ему ближе у брата, сестры, отца, матери, бабушки, дедушки. Людмила Улицкая вспоминает:

Мой покойный прадед, кой-какой часовщик и пожизненный читатель единственной книги, уважал материальный мир не менее духовного: никогда не выбрасывал ни картонки, ни железки, с улицы приносил то кривой гвоздь, то ржавую петлю. Всё раскладывал по коробочкам, подписывал: гвозди дюймовые, петля дверная, шпулька для ниток. А на одной коробочке уже после его смерти разобрали надпись: «Верёвочка, которая уже ни на что не годится»... Но почему хранил? Ведь так хочется освободиться от всего лишнего, необязательного...

Вот ещё две характерные записи:

Сильнейшая привязанность к вещам – к их биографии, географии, рождению и смерти – привела к тому, что в скороходовскую коробку из-под ботинок я складывала то, с чем трудно было расстаться: треснувшую фарфоровую пиалу моего прадеда, в которой он хранил какие-то колёсики и пружинки от часов, разбитый китайский набор для чаепития, который мой первый муж случайно смахнул плечом вместе с полкой, бабушкины

лайковые перчатки (бальные!) такого размера, что они порвались, когда их хотела примерить одна толстенная двенадцатилетняя девочка, расплётшаяся наполовину прабабушкина корзиночка неизвестно для чего, горделивый значок Калужской гимназии госпожи Саговой и кусок клеёнки из роддома, на котором написано имя моего двоюродного брата, родившегося через десять лет после меня. Всё это я собиралась когда-нибудь починить, реставрировать, склеить, залатать или просто определить на место (Л. Улицкая).

...Однако эти черепки и остатки прошлого каким-то образом связаны с вещами нематериальными. Они символизировали прекрасные принципы и положительные установки, заимствованные идеи и остроумные концепции, которые я всю жизнь собирала в стройное здание, и иногда даже казалось, что оно уже прочно стоит на надёжном основании и что многолетними усилиями выстроено цельное мировоззрение (Л. Улицкая).

Приведём аналогичное свидетельство из родословных:

Прабабушка Катя была своего рода Плюшкиным. Она не проходила мимо любой нужной и ненужной вещицы, которая лежала без присмотра. А после смерти в её сундуке, который она охраняла как зеницу ока, оказалось такое количество денег, что некоторые из них за давностью лет даже истлели, а наследство хватило на покупку четырёх домов (О. О.).

Следующий урок – нити, связывающие ДЕДОВ И ВНУКОВ:

Его детям всегда было интересно узнать, как он воевал, где воевал. Но дедушка, да и они сами, всегда был занят. То на работе, а дома он не сидел без дела. А когда дедушка вышел на пенсию, дети были заняты. Дедушка не рассказывал своим детям военные истории, по большей части он рассказывал эти истории внукам и племянникам. У дедушки осталось шесть детей, девять внуков и десять правнуков (М. С.).

Ещё один весьма выразительный урок – РАННЕЕ ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ. Естественность «трудового воспитания», когда ребёнок ещё был ребёнком, но в то же время становился старшим братом или сестрой по отношению к следующим детям. Это весьма важный момент – совмещение функций воспитуемого и воспитателя.

Постулирование заботы распространялось на долгие годы:

...Когда старший сидел, младший помогал его семье, когда младший ушёл на фронт, старший взял на себя заботу о его жене... (Л. Улицкая).

В родословных эта тема звучит особенно ярко:

В числе этих семерых детей старшей была Федора. Ей приходилось с отцом выполнять все работы с девяти лет, потому что те были ещё маленькие. А это значит помогать пахать, сеять, косить, убирать, возить, молотить дома. Это летом. А зимой с матерью прядь нитки, чтобы ткать холсты для шитья одежды (Ж. У.).

Как старшая дочь, она помогала родителям, нянчилась с младшими сестрами. Словом, с детства осваивала родительские уроки трудолюбия, скромности, доброты и порядочности (Е. Н.).

Следующий урок – ДИНАСТИЧНОСТЬ профессий:

Не говоря уж о том, что иногда приходят за интервью журналисты, которые и диктофон дома забыли, и прочитать книги, о которых собираются разговаривать, не успели. Это полное падение профессии журналиста. К сожалению, утрата профессионализма сегодня стала общей болезнью, и касается это не только журналистов, но и врачей, учителей, сантехников. Тем приятнее бывает беседа с журналистами талантливыми и профессиональными. Они, конечно, в меньшинстве (Л. Улицкая).

Освещение некоторых МЕЛОЧЕЙ, оставшихся в памяти с детских лет, тоже характерная черта записок Л. Улицкой:

Я всегда знала границу своих возможностей: заброшенная лет в десять музыкальная школа и радость освобождения от нотного насилия на много лет определили мои взаимоотношения с инструментом: пианино обходила стороной – как орудие детской пытки. Лучшее, что осталось от тех лет, – чудесная музыкальная разноголосица, когда идёшь по коридору школы, и из каждой двери своя музыкальная фраза, и вместе они сливаются в дивный шум, в котором всё сразу, и каждый раз новое (Л. Улицкая).

В родословных эти «мелочи» касаются и общесемейных «бед», и детских шалостей:

Как-то вечером в темноте дед не заметил открытого люка и шагнул прямо в яму, опрокинул ведро с керосином, которое стояло рядом. Всё содержимое ведра вылилось ему на голову. В последующие дни он заметил, что стал прекрасно видеть, и до конца жизни не пользовался увеличительными свёклами. Узнав о таком исцелении деда, старики в селе стали мазать глаза керосином, поверив в чудодейственную силу этой жидкости. Прабабка Вера тоже испытывала на себе этот метод, но, к сожалению, он ей не помог (Р. З.).

Помню яркое событие моего хулиганства. Я покрасила масляными разноцветными красками забор. Мне показался однотонный цвет забора совсем унылым. Вот мне тогда влетело, но я не обиделась нисколько. Больше всего я боялась, что меня отправят в город, это было бы самым большим наказанием, в городе летом скучно. Всё обошлось, меня простили, забору вернули прежний цвет (Т. Л.).

Наконец, ещё один урок – БЕССМЕРТИЕ.

Есть одно качество у времени: оно ускоряется с годами. В детстве каждый год тянется бесконечно, тебе бесконечно долго шесть лет и никак не исполняется семи, когда будет другая жизнь, школа... А чем ближе к старости, тем быстрее осыпаются листочки календаря. Моргнул – понедельник, ещё моргнул – опять декабрь...

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать... (В. Набоков)

Всё, что презирал один – патриотизм, православие и народность в их несложном виде, – аккумулировал второй. Нобелевский лауреат даже написал Набокову покровительственно-укоризненное письмо, в котором, отдавая должное автору, слегка отчитывал его, что «великий талант Вы не поставили на служение нашей горькой несчастной судьбе, нашей затемненной и искверканной истории» (Л. Улицкая).

Когда речь заходит о бессмертии, в семейных родословных отмечается это весьма подробно и специфично:

Но особо горжусь я своим отцом. Мой отец за очень короткий отрезок времени прошёл нелёгкий путь за время службы в Афганистане. Само это слово без тревоги невозможно произносить, особенно для участников афганских событий <...> После окончания учебного заведения папа был направлен в отдельный разведывательный батальон армейского подчинения в город Кундуз. Сразу же был назначен старшиной разведывательной роты. Десантировали с вертолётов, потом сразу же участвовали в боевых действиях: засадах, блокировках. Но не все бойцы выдерживали тяжесть боевых и особенно климатических условий. Опыт, полученный в учебном подразделении в течение 4,5 месяцев, очень помог в боевых условиях. Выросшему в горах, закалённому южным ветром, ему нетрудно было учить других ребят способам выживания в горной местности. <...> Он всегда был на передовых позициях. Во время одной из засад, до подхода основной группы под руководством Али Зубаилова (с участием двоих

сержантов) был захвачен в плен караван с оружием численностью 12 душманов. За мужество, проявленное в этой схватке, он был награждён орденом Красной Звезды. Ребята, которые были с ним, были награждены медалями: один «За боевые заслуги», и другой «За отвагу». За время службы папа прошёл весь Северный Афганистан, начиная с Чирикарской долины, Панишерского ущелья до Мазари-Шариф (А. З.).

Согласимся, что жизнь посвящает очень немногих в то, что она делает с ними (Б. Пастернак). О да, повествование Людмила Улицкой отличается от привычных для нас текстов семейных родословных, что отчасти продиктовано самим жанром изложения.

Конечно, есть отличие – в развернутом АНАЛИЗЕ ЧТЕНИЯ:

Чтение – взрыв. Мир расширяется, распирается новым знанием. Оно в книжном шкафу в коридоре, в квартире моих предков по материнской линии, Гинзбургов. «Я» – отчасти – складывается из суммы прочитанных книг. ... Именно Пастернак снял с моих глаз плёнку, и я стала видеть благодаря ему то, о чём прежде и не догадывалась: о связи всего со всем, о невысказуемой красоте этой связи. Я увидела, что мир наполнен сюжетами, как хороший гранат зёрнышками. И каждое зерно связано с соседним (Л. Улицкая).

Далее, отличие находим и в том, что ЛИТЕРАТУРА НАША МАЛЬЧИКОВАЯ. Приведём интересное наблюдение, почерпнутое из обычного разговора:

Друг мой, давно ушедший, мужественный и легкомысленный солдат последней большой войны, знаток поэзии и поэт, школьный учитель, для всех старший и каждому равный, лагерник, любимец женщин и собак, обнаружил, кажется, первым, что в классической русской литературе все книги о детстве – мальчишковые. О детстве девичьем – почти ничего нет: девочки в локонах и в панталонах играют на клавикодах весь XIX век. А Наташа Ростова ещё и пляшет (Л. Улицкая).

И дальше писательница рассуждает об этом провале литературы, пишет о «Детстве Люверс» Бориса Пастернака, говорит о не выраженности девичьих переживаний, о проблеме пола, которой не было в раннем детстве. Однако нам сейчас важны другие отличия, те, что касаются самих родословных и детей в них.

Первое отличие произведения Людмилы Улицкой – это мысль о том, что РОДОСЛОВНЫЕ НАДО ВЕСТИ ОТ МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ, а не от отцовской, поскольку это идёт за счёт тех генов, которые располагаются в митохондриях, органеллах, в цитоплазме яйцеклетки. Людмила Улицкая как профессиональный биолог (генетик) объясняет это. Кстати, в семейных родословных высказываний о матерях на порядок больше, чем высказываний об отцах, хотя повествование идёт от отцовской линии. Но и родословные тоже характеризуются своим пониманием ряда вещей. В родословных часто повествуется О РОЛИ ОТЦА В СЕМЬЕ, чего мало представлено у Людмилы Улицкой. Патриархальная цивилизация требовала большого ежедневного мужского труда, и это влияние мужчин распространялось на всю структуру семейных отношений:

Бабушка была матерью-героиней, в семье было 12 детей, жизнь была сложной. Но они старались дать своим детям всё. Вот так они и воспитывали Петра, Валентину, Ольгу, Николая, Сергея, Алексея, Анатолия, Василия, Юрия, Александра, Владимира, Татьяну – мою маму (И. К.).

Второе отличие – это то, что брак – это ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОТА по сохранению семьи:

Но с третьим мужем мы общаемся больше тридцати лет и за эти годы многому научились – я от него, он от меня. Оба знаем, что для сохранения брака нужно совершать ежедневные усилия, без которых брак легко умирает. Мы оба люди независимые и свобододолюбивые, умеем и любим

жить одинокой жизнью, но именно удовольствие взаимного общения удер­живает нас вместе. Около двадцати лет тому назад наш брак был оформ­лен, возникли какие-то бытовые обстоятельства, к этому побудившие. Оба мы скорее придерживаемся той точки зрения, что хороший брак – это хорошо, а плохой – это то, чего быть не должно (Л. Улицкая).

Третье отличие касается чувства любви и необходимости ОСОБОГО ЯЗЫКА для выражения чувства любви в семье:

Первая позиция такая: молодое поколение представляется мне в це­лом более счастливым, чем мы и наши мамы. Это поколение – и мужчины, и женщины – желают получать от любви удовольствие и не хотят стра­дать. То, что в России составляло особый аромат бытия – интерес и лю­бовь к страданию, – совершенно ими отвергнуто. Однако счастливых се­мейных пар, как и во времена наших бабушек-дедушек, не так уж много. Люди, став свободнее, не стали много счастливее. Поздние браки, поздние дети. Так в чём же проблема? В большой степени – в экономике. Но отча­сти, мне кажется, – в языке. Антропологи знают, что у некоторых древ­них племён, помимо общего для всего племени языка, существуют ещё и язык женский и язык мужской. Тайные языки. Это прекрасный образ... В некотором смысле мужчины и женщины всех народов говорят на разных языках. Но язык – это то, чему можно научиться. Наши знания друг о друге необходимо увеличивать (Л. Улицкая).

Никаких выводов и деклараций. Тихо-тихо, очень доверительно, рискуя вызвать негодование и протест, шепну в конце моего небольшого исследо­вания: любви в мире очень мало. С ней обстоит в нашем мире очень плохо, хотя с любовными романами дело как раз обстоит очень хорошо: их прекрасно раскупают. А вот любовь всё более деформируется, благодаря всё возрастающему эгоизму, возведённому в принцип, в закон, в основу суще­ствования. Любовь истощается и уплощается, она всё более сводится к сексу, который наиболее безличен из всех видов любви. Так и хочется при­крикнуть на это всепожирающее чудовище: кыш! на место! (Л. Улицкая).

В родословных есть мысль О НЕОБХОДИМОСТИ ГОВОРЕНИЯ С РЕ­БЁНКОМ. Сам факт написания больших текстов с рассказами о событиях прошлого свидетельствует о процессах говорения. Кстати, эта мысль встре­чается и сейчас в публицистической литературе, например: «Известно: моло­дёжь – будущее мира сего, потому “Отец и мать” повествует о становлении юной, молодой личности и ориентирован, прежде всего, на неё. И перво­наперво именно с молодыми людьми в наше весьма и весьма шаткое, опасно проказливое время нужно говорить. И говорить серьёзно, без усталости, гово­рить об основополагающих понятиях и фундаментах жизни и судьбы. Они, неоперившиеся, увлекающиеся, подвержены влиянию и не всегда положи­тельному, созидательному» [3].

Не отсюда ли это знание русского языка, умение рассказывать теперь уже своим потомкам, какое встречается в родословных?

Приведём ещё одну цитату из последнего выступления Президента ГМИИ им. А. С. Пушкина Ирины Антоновой: «Но я должна сказать, что меня особенно удивляет и огорчает – что никто с молодым поколением не разгова­ривает всерьёз. Никто не говорил вообще о столетии революции, например. Мне кажется, надо было серьёзнее отнестись к этому важнейшему этапу в истории не только нашей страны, но и всего мира. А у нас из-за разнона­правленных страхов вместо осмысления получилась примитивная жвачка. Я не говорю, что надо было одним махом сабли все порешить. Отнюдь. Це­лая страна легла поперёк всего мира» [1].

Не это ли «говорение» с близкими оборачивается расширенным знанием русского языка у потомков?

Когда мне было лет десять, мы ездили вместе с бабушкой в Вязники (это между Москвой и Владимиром)... Из Коровкина в Леоново можно было попасть только через лес. Он такой большой, в нём можно заблудиться, если случайно свернёшь с тропы. Боже, а сколько в нём грибов, ягод, необыкновенной растительности: мхов, кустарников с «цыганскими серёжками!»! Такого леса я потом нигде не встречала! Мы собирали пахучие белые грибы, лисички, рыжики, волнушки, белые и чёрные грузди, подосиновики (или, как бабушка их называла, «челыши»), подореховики, сыроежки просто пинали ногами (а сыроежки там совсем не такие, как здесь, уж там сыроежки так сыроежки). На заболоченных местах собирали морошку и голубику. Я привезла оттуда целый гербарий мхов, папоротников, всевозможных цветов (А. Л.).

А бывает ли нечто такое, чего нет в исследуемом произведении и нет в родословных? Эта идея, может быть, и выражена, но не высвечена ярко, как, например, мысль о связи ЗНАНИЯ О СМЕРТИ И СЧАСТЬЯ: «Мы единственное существо, знающее о неизбежности смерти. Поэтому нельзя откладывать счастье на будущее, нужно быть счастливым сейчас», – читаем у М. П. Шишкина [10, с. 303–304].

Такая же «тайная» мысль О СИЛЕ ПРИМЕРОВ тоже созвучна внутренней сути произведения Л. Улицкой и в совокупности семейным родословным, но она не выражена ярко: «Меня всегда изумляла герменевтическая сила примера. ...Мощь примеров настолько осязаема и очевидна, что, будучи однажды удачно употреблёнными, они превращаются в некоторые машинки по автоматическому воспроизводству мысли, которую должны были иллюстрировать» (Октябрь. 2008. № 7. С. 157).

Таким образом, тема «дети и детство» открывает нам целые пласты и совпадающих точек зрения, и не совпадающих, но дополняющих друг друга, что делает необходимым полидискурсивный, расширенный, в перспективе разножанровый подбор текстов. Такое чтение дарует нам новое видение проблемы и возможность учебы не только по произведениям художественной литературы, но также по мемуарным, дневниковым, публицистическим, родословным текстам.

Список источников

1. Антонова Ирина. Последнее интервью. – URL: <https://sobesednik.ru/kultura-itv/20201207-poslednee-intervyu-iriny-anton> (дата обращения: 04.08.2023).
2. Большев А. О. Наука ненависти / А. О. Большев // Нева. – 2012. – № 4.
3. Беседа критика и прозаика Эдеарда Анашкина с писателем Александром Сергеевичем Донских. – URL: <http://lit-ra.info/intervyu/beseda-kritika-i-prozaika-eduarda-anashkina-s-avtorom-romana-otets-i-mat-aleksandrom-donskikh/> (дата обращения: 14.07.2023).
4. Иванова Н. Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности / Н. Иванова // Знамя. – 2011. – № 11. – С. 3–5.
5. Орешкин Д. Бремя пространства / Д/ Орешкин // Знамя. – 2007. – № 2. – С. 108.
6. Прилепин З. Летучие бурлаки / З. Прилепин. – Мjcrdf : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 349 с.
7. Улицкая Людмила. Священный мусор. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchennyu-musor-sbornik.html> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Харченко В. К. Личный архив семейного родословия: в 30 т. / В. К. Харченко. – Белгород, 2016.
9. Цифровое государство и экономика / под общ. ред. С. Е. Прокофьевой, О. В. Паниной, К. В. Харченко. – Москва : КНОРУС, 2023. – 346 с.
10. Шишкин М. П. Письмовник / М. П. Шишкин. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – 412 с.
11. The Soft Skills Disconnect. – URL: <https://www.nationalskills.org/the-soft-skills-disconnect/>.

References

1. Antonova Irina. *Poslednee intervyyu = Antonova Irina. Last interview*. Available at: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20201207-poslednee-intervyyu-iriny-anton> (accessed: 04.08.2023).
2. Bolshev A. O. Science of hatred. *Neva*. 2012;4.
3. *Beseda kritika i prozaika Edearda Anashkina s pisatelem Aleksandrom Sergeevichem Donskikh = Conversation between the critic and prose writer Edeard Anashkin and the writer Alexander Sergeevich Donskikh*. Available at: <http://lit-ra.info/intervyyu/beseda-kritika-i-prozaika-eduarda-anashkina-s-avtorom-romana-otets-i-mat-aleksandrom-donskikh/> (accessed: 14.07.2023).
4. Ivanova N. Ban on love. On the deficit of emotions in modern literature. *Znamya*. 2011;11:3–5.
5. Oreshkin Dmitriy. Burden of space. *Znamya*. 2007;2:108.
6. Prilepin Z. *Letuchie burlaki = Flying barge haulers*. Moscow: AST: Editorial office of Elena Shubina; 2015:349 p.
7. Ulickaya Lyudmila. *Svyashchenny musor = Holy trash*. Available at: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchenny-musor-sbornik.html> (accessed: 15.03.2023).
8. Kharchenko V. K. *Lichnyy arkhiv semeynogo rodosloviya: tridtsat tomov = Personal archive of family genealogy: in 30 vol*. Belgorod: 2016.
9. *Tsifrovoe gosudarstvo i ekonomika = Digital state and economy*. Ed. by S. E. Prokofeva, O. V. Panina, K. V. Kharchenko. Moscow: KNORUS; 2023:346 p.
10. Shishkin M. P. *Pismovnik = Writer*. Moscow: AST: Astrel; 2011:412 p.
11. The Soft Skills Disconnect. Available at: <https://www.nationalsoftskills.org/the-soft-skills-disconnect/>.

Информация об авторе

В. К. Харченко – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

V. K. Kharchenko – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 104–108.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):104–108.

Научная статья
УДК 82

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. ЧЕХОВА «ОТКРЫТИЕ»**

Виктор Валентинович Чалый®

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, v_chaly@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается исследование языковой организации рассказа Антона Павловича Чехова «Открытие», прежде всего тех речевых приемов, которые способствуют формированию особого пласта художественной выразительности литературного произведения; уделяется большое внимание лексическим единицам, составляющим тропы и фигуры речи и, безусловно, отражающим область авторской модальности; отмечается важность изучения стилеобразующих элементов, которые участвуют в образовании текста и формируют творческую установку, содержащую точку зрения писателя; проводится лингвистический анализ внутренней речи повествователя и его персонажа как отдельных (но при этом весьма значимых для постижения авторского замысла) субъектных планов; выявляются особенности системного построения предложений, образующих внутреннюю речь и передающих размышления главного персонажа о себе, об окружающем его мире; отмечается особая смысловая значимость сочетания речевой манеры рассказчика и манеры повествования самого персонажа, что позволяет читателю получить значительно больше информации для составления собственного впечатления о прочитанном; различными средствами языка описывается тип человека, который задумывается о смысле жизни, оценивает свои поступки и тем самым раскрывает разные стороны окружающей его действительности; предпринимается попытка изучения лингвопрагматического ресурса художественно-образительных приемов с учетом описания стилеобразующих факторов рассказа А.П. Чехова; изучается контекстуальное значение различных речевых единиц, функционирующих в русле авторской модальности; рассматривается вопрос о месте несобственно-прямой речи в языке чеховской прозы.

Ключевые слова: авторская модальность, прагматика текста, речевая парадигма, синтаксические конструкции, точка зрения персонажа, контекстуальное значение, внутренняя речь

Для цитирования: Чалый В. В. Лингвопрагматический потенциал художественно-выразительных средств языка в произведении А. П. Чехова «Открытие» // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 104–108.

Original article

**LINGUISTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL ARTISTIC AND EXPRESSIVE MEANS
OF LANGUAGE IN THE WORK OF A. P. CHEKHOV “DISCOVERY”**

Victor V. Chaly

Kuban State University, Russia, Krasnodar, v_chaly@mail.ru

Abstract. This article proposes a study of the linguistic organization of Anton Pavlovich Chekhov's story “Discovery”, primarily those speech techniques that contribute to the formation of a special layer of artistic expressiveness of a literary work; great attention is paid to the lexical units that make up the tropes and figures of speech and, of course, reflect the area of the author's modality; the importance of studying the style-forming elements that participate in the formation of the text and form a creative attitude containing the point of view of the writer; a linguistic analysis of the inner speech of the narrator and his character

as separate (but very significant for comprehending the author's idea) subjective plans is carried out; the features of the systematic construction of sentences forming inner speech and conveying the reflections of the main character about himself, about the world around him are revealed; the special semantic significance of the combination of the narrator's speech manner and the manner of narration of the character himself is noted, which allows the reader to get much more information to make up their own impression of what they read; by various means of language, the type of person who thinks about the meaning of life is described, evaluates his actions and thereby reveals different sides of the surrounding reality; an attempt is made to study the linguistic and pragmatic resource of artistic and visual techniques, taking into account the description of the style-forming factors of A.P. Chekhov's story; the contextual meaning of various speech units functioning in line with the author's modality is studied; the issue is considered about the place of inappropriate direct speech in the language of Chekhov's prose.

Keywords: author's modality, pragmatics of the text, speech paradigm, syntactic constructions, character's point of view, contextual meaning, inner speech

For citation: Chaly V. V. Linguistic and Pragmatic potential artistic and expressive means of language in the work of A. P. Chekhov "Discovery". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):104–108 (In Russ.).

Лингвистический анализ художественного текста предполагает исследование речевых единиц и стилиобразующих компонентов, которые формируют общую языковую многоярусную систему. При этом, несомненно, очень важно изучить позицию автора, его отношение к своим героям и описываемым событиям, то есть выявить область авторской модальности в языке литературного произведения.

По мнению Н. С. Валгиной, «текст как цельное речевое произведение имеет свои закономерности образования. Textoобразование осуществляется под влиянием целеустановки самого текста и целеустановки конкретного автора текста. Первое диктуется самим текстом, его типом, жанром, задачами, которые он реализует. Второе – всецело связано с авторской модальностью, так как любое сообщение включает в себе не только информацию, но и отношение автора к сообщаемой информации. Последнее особенно важно в установлении прагматики текста, поскольку связано с интерпретационной стороной текста. Автор не только формирует собственно текст, но и направляет читателя в его интерпретации текста» [2, с. 24].

В прозе Антона Павловича Чехова нередко органично соединяются разные виды информационного потока, а именно слова персонажа и комментарий от имени лица, который ведёт повествование. Видимо, таким образом писатель не только расширяет границы изображения созданного им мира в художественном тексте, но также создаёт для читателя особое ментальное пространство для размышления, выражения эмоций и чувств в процессе постижения авторского замысла.

Л. Г. Барлас отмечает, что «основу структуры художественного прозаического текста составляет своеобразная речевая парадигма, членами которой являются разные субъектные речевые планы – повествователя и персонажей, а также рассказчика, если он имеется. Соотношение, а то и столкновение в тексте нескольких субъектных речевых планов, выдвижение одного из них «вместо» другого, например плана рассказчика или героя «вместо» авторского, не только делает повествование объёмным и многоплановым, что и само по себе способствует его выразительности, но и порождает гамму многообразных смысловых, модальных и эмоциональных оттенков, оказывающихся дополнительными источниками выразительности» [1, с. 34].

Прозаические произведения А. П. Чехова отличает особый подход в использовании писателем разных типов синтаксических конструкций, которые, с одной стороны, формируют внутреннюю речь литературного героя. С другой стороны, они содержат яркие художественно-изобразительные средства,

которые не только привлекают внимание читателя, но и служат своеобразным источником выражения авторской модальности.

Н. А. Кожевникова утверждает, что «характер повествования в рассказах Чехова во многом определён точкой зрения персонажа. Когда в них изображается то, что попадает в поле зрения персонажа, используются разные возможности передачи изображаемого, разные формы для передачи одного и того же содержания. В одних случаях описательные фрагменты могут передаваться при помощи авторской речи, отражающей точку зрения персонажа. В других случаях изображаемый мир – природа, обстановка, люди – становится предметом размышления персонажа, фактом его внутренней речи. В связи с этим описания природы, характеристики персонажей облачаются во все те формы, которые передают внутреннюю речь. Это может быть прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Они используются и как самостоятельные формы передачи чужой речи и в разных комбинациях друг с другом. Особое место занимает в рассказах Чехова несобственно-прямая речь. Наряду с несобственно-прямой речью, передающей реакции персонажа на происходящее и его размышления, развивается повествовательно-описательный тип несобственно-прямой речи» [3, с. 102–103].

Рассмотрим языковые фрагменты рассказа Антона Павловича Чехова «Открытие», в составе синтаксических конструкций которых проявляются различные художественно-образительные средства, определим их лингво-прагматический потенциал.

«Инженер статский советник Бахромкин сидел у себя за письменным столом и, от нечего делать, настраивал себя на грустный лад. Не далее как сегодня вечером, на бале у знакомых, он нечаянно встретился с барыней, в которую лет 20–25 тому назад был влюблён. В своё время это была замечательная красавица, в которую так же легко было влюбиться, как наступить соседу на мозоль».

Как видим, рассказчик в ироничное описание поступков своего персонажа включает такое художественно-образительное средство, как сравнение, которое не только отражает авторское отношение к влюблённости как к весьма легкомысленному проявлению чувств, но и подчёркивает обыденный характер внутренних переживаний центрального героя, когда он был молод.

«Съевши рябчика и выпив два стакана бургонского, Бахромкин раскис и задумался... Вспомнил он, что за все 52 года он ни разу не помыслил даже о существовании в себе какого-либо таланта. Правда, тяготение к изящному чувствовалось всю жизнь. В молодости он подвизался на любительской сцене, играл, пел, малевал декорации... Потом, до самой старости, он не переставал читать, любить театр, записывать на память хорошие стихи... Острил он удачно, говорил хорошо, критиковал метко. Огонёк, очевидно, был, но всячески заглушался суетою...»

Полагаем, что в рассматриваемом нами фрагменте литературного произведения однородные члены предложения составляют своеобразную градационную систему изображения поведения персонажа: если в одной синтаксической конструкции Чехов применяет отдельные глагольные формы, то в последующих за ней – глаголы в сочетании с наречиями, что, как нам кажется, позволяет рассказчику акцентировать внимание читателя на том, что в ранней жизни Бахромкина случались разные события, которые, конечно, могли бы повлиять на раскрытие собственного творческого потенциала. Но метафорически названная автором причина («Огонёк... заглушался суетою») указывает на то, что дальнейшее развитие таланта не случилось.

«И перед его воображением открылась жизнь, не похожая на миллионы других жизней. Сравнить её с жизнями обыкновенных смертных совсем невозможно.

«Права люди, что не дают им чинов и орденов... – подумал он. – Они стоят вне всяких рангов и капитулов... Да и судить об их деятельности могут только избранные...»

На наш взгляд, автор-рассказчик использует лексическую единицу «жизнь» для семантического расширения контекстуального значения глагола «открылась» ещё и потому, что персонаж буквально совершает открытие не только в процессе анализа всего им лично прожитого, но и тем самым определяет уровень своей значимости в сравнении с другими персонажами.

«Вольная жизнь, не будничная... – думал Бахромкин, идя к постели. – А слава, известность? Как широко ни шагай по службе, на какие ступени ни взбирайся, а имя моё не пойдёт дальше муравейника... У них же совсем другое... Поэт или художник спит или пьянствует себе безмятежно, а в это время незаметно для него в городах и весях зубрят его стихи или распечатывают картинки... Не знать их имён считается невоспитанностью, невежеством... моветонством...»

В данном фрагменте внутренней речи чеховского персонажа обнаруживаем метонимию, которая отражает осознание героем своего истинного места в обществе, а именно существенное отличие конкретной судьбы простого человека от жизнедеятельности условной, но вполне известной и успешной творческой личности. Кроме того, инженер (он же статский советник) Бахромкин, размышляя об отношении почитателей таланта со стороны публики, градационно употребляет существительные в составе однородных членов предложения, что свидетельствует о его сильном эмоциональном состоянии – ощущении разницы между своим статусным положением и теми, кто знаменит.

Итак, лингвопрагматический ресурс языковой организации рассказа Антона Павловича Чехова «Открытие» составляют следующие элементы: сравнение отражает мнение писателя о внутреннем мире центрального персонажа; метафора используется в качестве средства выражения авторской иронии (бездействие не позволило раскрыться творческим способностям Бахромкина); метонимия в потоке внутренней речи чеховского персонажа подчеркивает существующее отличие его места в обществе от положения, которое приобрели творческие личности; однородные члены предложения представляют собой градационную цепь изображения событий, так или иначе предопределивших жизненный путь главного героя произведения.

Список источников

1. Барлас Л. Г. Источники текстовой выразительности / Л. Г. Барлас // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987. – С. 30–35.
2. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва, 2003.
3. Кожевникова Н. А. Несобственно-прямая речь повествовательного типа в прозе А. П. Чехова / Н. А. Кожевникова // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 102–110.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1974–1983. – Т. 4.

References

1. Barlas L. G. Sources of textual expressiveness. *Problemy ekspressivnoy stilistiki = Problems of expressive stylistics*. Rostov-on-Don: 1987:30–35.
2. Valgina N. S. *Teoriya teksta = Text theory*. Moscow: 2003.
3. Kozhevnikova N. A. Improper-direct speech of the narrative type in the prose of A. P. Chekhov. *Yazykovoe masterstvo A. P. Chekhova = Language skills of A. P. Chekhov*. Rostov-on-Don: 1996:102–110.
4. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh. Sochineniya v vosemnadtsati tomakh = Complete works and letters in 30 vol. Essays in 18 vol.* Moscow: Nauka; 1974–1983;4.

Информация об авторе

В. В. Чалый – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Chaly – Candidate of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п. л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов, И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – Москва : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова, Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова, Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст / Л. Н. Тихомирова. – URL: <http://proceedings.usu.ru>, свободный (дата обращения: 20.06.2020).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого публикации;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого публикации. При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., Vavilov V. P. Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*. 1998;7:40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*. 2002;80(18):3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2023. № 4
Научная статья
УДК 378:004

**ДИСТАНЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ
И ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК**

Владимир Викторович Вольчик^{1✉}, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1, 2}Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru✉,

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

DISTANT HIGHER EDUCATION UNDER SELF-ISOLATION AND THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL TRAPS

Vladimir V. Volchik^{1✉}, Igor' M. Shiryayev²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and

communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryaev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236–248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В. В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И. М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V. V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryaev I. M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа:

Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- тексты выступлений на круглых столах;
- материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегия журнала, проходят независимое рецензирование.

Подписка на наши издания осуществляется
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы) ООО «Урал-Пресс»

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173
Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазоносности различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований **«Гуманитарные исследования»**
Подписной индекс – 11109
В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Языкознание», «Литературоведение».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170
Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.
Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии»**
Подписной индекс – 73313.
На страницах журнала представлены результаты исследований и новейшие разработки в области физических и технических наук.
Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Управление в социальных и экономических системах», «Математические и инструментальные методы экономики», «Системный анализ, управление и обработка информации», «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», «Информационно-измерительные и управляющие системы».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университетим. В. Н. Татищева»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а;
тел. (8512) 24-68-37, 24-66-60 (доб. 3; издательско-полиграфический отдел)
E-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2024
№ 1 (89)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109

по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс»

Главный редактор Л. Ю. Касьянова

Компьютерная правка, вёрстка,
редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: 13.02.2024 г.

Цена свободная.

Заказ № 4592. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).

Уч.-изд. л. 9.1. Усл. печ. л. 12,7.

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)

E-mail: asupress@yandex.ru

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33

тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,

E-mail: a-d-t@mail.ru